

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГАУК РК «ЛИВАДИЙСКИЙ ДВОРЕЦ-МУЗЕЙ»

*СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ*

**«ЯЛТА 45: УРОКИ ИСТОРИИ.
СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В XX–XXI ВВ.
И ЕЕ БУДУЩЕЕ»**

г. Ялта
«РИБЕСТ»

2018

УДК [94:327](100)`19/20`063)

ББК 66.4(0)я431

Я52

*Утверждено к печати решением научно-методического
совета ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»*

Руководитель проекта: Л. В. Декушева, директор ГАУК РК
«Ливадийский дворец-музей»

Редакционная коллегия:

Ж. Е. Крестьянинова, К. Н. Селиверстова

Рецензент: Бекирова Э. Ш. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте.

*Сборник издается при поддержке
Министерства культуры Республики Крым.*

В сборнике представлены тексты докладов научной конференции «Ялта 45: уроки истории» (Система международных отношений XX–XXI вв. и ее будущее), в которых освещаются различные аспекты истории Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года. Основная тематика – международные отношения в период Второй мировой войны, истоки их формирования и дальнейшее функционирование в XX–XXI веках.

Статьи публикуются в авторской редакции. Мнение редколлегии может не совпадать с мнением и позицией авторов. Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок.

Р695 Ялта 45: уроки истории. Система международных отношений в XX–XXI вв. и ее будущее:

сб. материалов научной конференции, Ялта, 21–22 февраля 2018 г. – Ялта: «РИБЕСТ», 2018. – 144 с.

ISBN 978-5-6041248-1-9

Сборник научных материалов предназначен для историков, работников музеев и библиотек, краеведов, широкого круга читателей.

УДК [94:327](100)`19/20`063)

ББК 66.4(0)я431

©Авторы статей, 2018

©ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей», 2018

© «РИБЕСТ» (оформление), 2018

ISBN 978-5-6041248-1-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вишняков Я. В. Сербский вопрос в балканской политике Держав кануна Первой мировой войны.....	4
Исак И. А. Положение евреев и память жертв Холокоста после освобождения Крыма.	25
Омельчук Д. В. Изменники Родины и пособники врага. К вопросу о наказании военных преступников (40-е гг. XX столетия). ...	30
Оранский А. Н. Крымская конференция: кулинарный аспект	37
Пахомова Н. А. К вопросу о последствиях оккупационного режима для культурных учреждений г. Ялты на основании документов 1944–1945 гг.	44
Плужник П. Б. Военная медицина в Ливадии накануне Крымской конференции 1945 года.....	50
Попов А. Д. Историческая память о Второй мировой и Великой Отечественной войне в советском мемориальном дискурсе... ..	60
Романько О. В. Германизация как инструмент нацистской оккупационной политики на территории Крыма (1941–1943)	70
Скоробогатов С. Б. Роль авиации 4-й воздушной армии в период подготовки к освобождению Крыма	77
Солнце Е. О. Посещение иностранными делегациями Ливадийского Дворца как места проведения Крымской Конференции (1955–1965-е гг.)	85
Таньшина Н. П., Можайский А. Ю. Крым и Греция глазами иностранцев в первой половине XIX века: опыт компаративного анализа	94
Таньшина Н. П. Русофобия как фактор международных отношений в XIX в. (на примере взаимоотношений России и Франции)	105
Тимофеев А. Ю. Ялтинская конференция и Балканы в 1945 г.: опыт вооруженной поддержки дипломатических соглашений....	115
Чудинов А. В. Религиозный фактор в международных отношениях начала XIX века	135

Вишняков Я. В.

*доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
Всемирной и отечественной истории факультета
Международных отношений Московского
государственного института международных отношений
(Университет) МИД России (г. Москва)*

СЕРБСКИЙ ВОПРОС В БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ДЕРЖАВ КАНУНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация:** В сентябре 1908 года Австро-Венгрия объявила об аннексии территории Боснии и Герцеговины, которая была ею оккупирована по решению Берлинского конгресса 1878 года. Это событие, нарушившее все ранее заключенные русско-австрийские договоры по сохранению status quo на Балканском полуострове, вызвало серьезный европейский кризис, чуть было не вылившийся в общеевропейский конфликт. В марте 1909 года под давлением Германии свершившийся факт вынуждена была признать Россия, а вслед за ней и Сербия. Российское общественное мнение охарактеризовало это событие как «дипломатическую Цусиму». Последствия этого шага австро-венгерской монархии не замедлили сказаться. Спустя пять лет в Сараево раздался выстрел, ставший роковым не только для Австро-Венгерской, но и для Османской, Германской и Российской империй. Уроки боснийского кризиса не потеряли своей актуальности и сегодня.*

***Ключевые слова:** Австро-Венгрия, Босния и Герцеговина, аннексия, причины Первой мировой войны.*

***Annotation:** In September 1908, Austria-Hungary announced the annexation of the territory of Bosnia and Herzegovina, which it was occupied by the decision of the Berlin Congress of 1878. This event caused a serious European crisis, which almost turned into a European conflict. In March 1909, under pressure of Germany, Russia and Serbia were forced to admit fact of annexation. Five years later the gun banged in Sarajevo. The lessons of the Bosnian crisis have not lost their relevance today.*

***Keywords:** Austria-Hungary, Bosnia and Herzegovina, annexation, causes of the First World War.*

В российской и зарубежной историографии существуют серьезные научные исследования, анализирующие, в контексте общих предпосылок возникновения Первой мировой войны, внутри- и внешнеполитические причины превращения балканского региона в «пороховой погреб Европы» [1]. Тем не менее в европейском общественно-политическом дискурсе вновь актуализировался вопрос о «виновниках» мирового пожара 1914 – 1918 гг. и в очередной раз он подвергся пересмотру в угоду мировой политической конъюнктуре.

За попыткой ревизии предпосылок Первой мировой войны стоит желание представить сараевское убийство как чуть ли не единственную причину начала этой мировой бойни. При этом прямая ответственность за его подготовку возлагается на «террористическую политику» сербского правительства и стоявшую за ней царскую Россию, якобы преследовавшую имперские «агрессивно-экспансионистские» цели.

Современные западные исследователи, сопоставляя характер, причины, а также итоги Первой и Второй мировых войн, которые рассматриваются ими как единая целостная трагедия, вызванная претензиями на мировое господство и попытками поделить мир группой агрессивных государств, торжественно провозглашают Сербию, а вместе с ней и Россию прямыми виновниками гибели миллионов людей в 1914 – 1918 гг. А сталинский режим, который они приравнивают к германскому фашизму, косвенно становится виновником еще более многочисленных жертв Второй мировой войны. В рассуждениях на эту тему, помимо очевидной глобальной, прослеживается и локальная, региональная подоплека: провести исторические параллели между событиями 14 (28) июня 1914 г. и относительно недавними трагическими последствиями распада Югославии в 1991 – 1995 гг. и Косовским кризисом конца 90-х гг. XX в. Тем самым в глазах европейского общественного мнения еще раз оправдываются и военное вмешательство в данный конфликт стран НАТО, как единственно верный способ «обуздать» Белград, и бомбардировки Югославии 1999 г., и даже деятельность гаагского трибунала, по сути превратившегося в судилище над Сербией и сербами. Сам же Г. Принцип из борца за свободу превращается в экстремиста и фанатика, идейного вдохновителя современных международных террористических организаций [2]. Особенно стараются преуспеть в этом мусульманские политики не только из Косово, но также из Боснии, заинтересованные в пересмотре Дейтонских соглашений 1995 г. и

фактическом растворении Республики Сербской в государстве Босния и Герцеговина.

В этой связи нам бы хотелось прояснить некоторые сложные вопросы как внутривосточного положения Сербии кануна Первой мировой войны, так и нюансы европейской и российской политики в регионе в тот период.

29 мая 1903 г. в Белграде произошел кровавый переворот. Офицерами белградского гарнизона была убита правящая королевская чета – Александр и Драга Обреновичи, а на престол возведен Петр Карагеоргиевич, участник боснийского восстания 1876 г., внук Георгия Черного, знаменитого вождя Первого сербского восстания 1804 – 1813 гг. События той весенней ночи ознаменовали собой не просто смену династии – они стали логическим разрешением глубокого системного кризиса всех политических и государственных структур молодого сербского королевства конца XIX – начала XX вв. Вместе с тем убийство королевской четы не принесло в страну долгожданного политического успокоения, а сам переворот 1903 г. являл собой яркий пример верхушечного потрясения, которое не затронуло основ существующих в стране политической и социально-экономической систем. Российский военный агент в Сербии И. Н. Сысоев, характеризуя настроения белградского общества непосредственно после событий 29 мая 1903 г., отмечал, что офицеров-заговорщиков приветствовали как спасителей отечества, «городские общества устраивали им банкеты, на которых их чествовали как героев дня». Таким образом, замечал он, «политическая роль, принятая на себя армией, была как бы санкционирована всей страной» [3, л. 60 – 61]. Однако он же замечал: «...медовый месяц короля Петра скоро прошел; после торжеств и веселия, которыми сопровождалось возвращение Его Величества в отечество, начались полные тревог будни» [3, л. 83 об.].

Российский военный представитель был совершенно прав. Десятилетие, предшествовавшее выстрелу в Сараево, было наполнено внутренними и внешними кризисами, основным содержанием которых было активное вмешательство армии в политику, тем более что многие участники событий 29 мая 1903 г. получили выгодные должности в военном и государственном аппарате Сербского королевства. Не только продолжилась, но и усилилась характерная для Сербии эпохи Обреновичей «министерская чехарда». С 1903 по 1914 г. в Сербии сменилось 18 кабинетов министров, т.е. в среднем каждый из них работал всего по 7,3 ме-

сыца. Только за первые три года после указанного переворота в стране сменилось шесть правительств, которые работали в среднем всего по 165 дней [4, с. 37]. Тот же Сысоев замечал по этому поводу: «Сербия – классическая страна министерских кризисов, но так тяжело давно в ней не было» [5, л. 60 – 61]. Отметим, что такая частая смена кабинетов министров ярко иллюстрирует главную черту и противоречие государственного развития страны 1903 – 1914 гг.: взаимовлияние и типологическое наложение друг на друга трех основных векторов политического развития страны: трон – парламент – армия.

В 1911 г. часть офицерского корпуса сформировала собственную, неподконтрольную правительству организацию, более известную как «Объединение или смерть» («Черная рука»). И для формирования подобных «внеконституционных» структур имелись объективные предпосылки. Как отмечал сербский историк В. Дедиер, к началу XX в. экономическая неразвитость страны, которая не имела ни сильной буржуазии, ни среднего, ни рабочего классов, привела к тому, что имеющиеся бюрократия и армия «взяли на себя ту функцию, которая в европейских государствах определялась экономическим развитием. В этом смысле сербский милитаризм возник в первую очередь как фактор организации процесса национального освобождения сербского народа от гнета Османской и Габсбургской монархий» [6, с. 78]. Именно поэтому использование властными структурами страны идеи милитаризации общества, внедрение в сознание народа враждебного образа «другого» стали одним из главных способов внутренней консолидации страны, когда установки на войну, отодвигая ценности мирной жизни на второй план, создавали в Сербии особый базовый консенсус. Так, например, в 1912 г., перед самым началом первой Балканской войны, российский дипломат В. Н. Штрэндтман отмечал, что сербы, находясь в постоянном ожидании нападения неприятеля, не хотят даже украшать свою столицу, поскольку абсолютно уверены в том, что дома все равно будут разрушены врагом, а «будущее зависит от мудрости наших политиков и храбрости нашей небольшой армии, в которой всего десять пехотных и одна кавалерийская дивизии» [7, с. 124]. Этот вековое воздействие психологического фактора неизбежности войны, в начале XX в. наложившееся на обострение международной обстановки в Европе, получило в Сербии особое преломление. Усилились ожидания, тесно связанные с «мессианским» пониманием панславистской концепции «Балка-

ны для балканских народов» и возрождением идеи объединения, разрозненного между двумя империями «сербского племени» в единое государство. Причем, само сербское государство должно были стать своеобразным югославянским «Пьемонтом»¹ [8]. Не случайно известный журналист Д. Рид, автор знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир», в своих заметках о Первой мировой войне привел разговор с одним старым сербским офицером, который ему «сказал в каком-то экстазе: «Мы учили, что эта мечта о Великой Сербии несомненно осуществится – но в будущем, через много лет, через много лет. А вот она осуществилась в наше время. За это стоит умереть!» [9, с. 66 – 67].

В 1908 г. разразился знаменитый аннексионный кризис, который рассматривался сербами как национальное унижение, а идея освободительной войны витала в воздухе. Не случайно в марте 1911 г. на одном из заседаний Скупщины сербский премьер Н. Пашич произнес: «Малые государства могут, конечно, сожалеть о том, что одним из условий поддержания мира великие державы считают боевую мощь; но раз это так, то и малые государства должны следовать этому основному принципу; они должны готовиться к войне, если желают обеспечить мир» [10, л. 467]. Слова сербского премьера довольно быстро стали воплощаться в жизнь. Российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг доносил в октябре 1911 г.: «Сербское правительство неустанно работает над усовершенствованием и укомплектованием своей армии, что с точки зрения наших политических интересов имеет немаловажное значение. Новый проект государственной росписи на 1912 г. предвидит увеличение бюджета военного министерства до 29,5 млн фр., т.е. на 2,5 млн более прошлогоднего ассигнования» [11, с. 211].

Патриотический подъем охватил все слои сербского общества. Буквально сразу же после объявления Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины, в начале октября 1908 г., на основе

1 В конце 1844 г. министр внутренних дел Сербии И. Гарашанин разработал программу «Начертание», провозглашала создание на базе княжества большого южнославянского государства с расширением его территории за счет Боснии и Герцеговины, Черногории, северной Албании и получением выхода к Адриатическому морю.

общества «Словенский юг»² в Белграде была основана организация «Народная оборона», целью которой была организация четнического (партизанского; от сербск. «чета» – отряд) движения в Боснии и Герцеговине. Это общество насчитывало до 5000 человек, делилось на 223 филиала и имело значительное число сторонников за рубежом. Поскольку сербское правительство, по соглашению с Веной и в связи с признанием факта аннексии, было обязано не только прекратить содействие четническому движению, но и пресекать его, «Народная оборона» формально трансформировалось в культурно-просветительское общество.

Аннексия, в свою очередь, изменила общий характер балканской политики России. «Силою обстоятельств Извольский и его помощники по руководству внешней политики России натолкнулись на простую и здравую мысль о целесообразности содействовать созданию фронта балканских государств», – писал отечественный историк К. Б. Виноградов [12, с. 104]. В октябре 1909 года Николай II осуществил давно задуманную поездку в Италию, где после встречи с королем Виктором Эммануилом в местечке Ракконижди было подписано соглашение, основным пунктом которого было обязательство двух государств поддерживать статус-кво на Балканах и обеспечение независимого существования малых стран региона, что вызвало далеко не однозначную реакцию в Сербии и Черногории. Как заметил поверенный в делах в Черногории Н. Дьяченко, «при этом, однако, надо считаться с прочно укоренившимся здесь обыкновением судить о любой политической комбинации с узкоутилитарной точкой зрения. Большинство местных деятелей, подобно государственным людям мелких балканских держав, не хотят считаться с законными требованиями и справедливыми притязаниями своих соседей. Они не способны понять и оценить во всем объеме широко задуманного, дальновидного плана и спешат усвоить из него лишь то, что обещает им немедленные выгоды» [13, л. 12.]. При этом в сербских и черногорских политических кругах остро стоял вопрос – «предусмотрено ли принятие каких-либо действенных мер против нарушителей статус-кво? Будет ли,

2 Организация «Словенский юг», была основана в Белграде в начале мая 1903 г. формально как студенческое культурно-просветительское общество, цель которого содействовать объединению всех южнославянских народностей. Основатели этой организации находились в тесной связи с членами белградской мasonicкой ложи «Препород» («Возрождение»). После майского переворота 1903 г. общество значительно укрепило свои позиции, активизировав свою деятельность в Албании, Македонии, Боснии и Герцеговине.

например, применена вооруженная сила, в случае новой попытки со стороны Австрии пробиться к югу?» [13, л. 12 об.].

Присоединение Боснии и Герцеговины не могло осуществиться без соответствующей подготовки Австро-Венгрией общественного мнения. Именно поэтому важной составной частью аннексионного плана было создание в европейской общественной среде мифа об объективной необходимости этого шага в связи с якобы готовящегося в Сербии заговора против как монархии, так и соседнего славянского государства Черногории. Венское правительство при этом преследовало две цели: во-первых, скомпрометировать славянское движение в целом, а во-вторых, столкнуть между собой Сербию и Черногорию, постаравшись при этом если не вовлечь последнюю полностью в орбиту своей политики, то, по крайней мере, ослабить там российское влияние. Почва для подобных шагов Вены была подготовлена самим переворотом 29 мая 1903 года, когда Николе не удалось взойти на сербский престол. Российский министр-резидент в Цетинье П. В. Максимов доносил в МИД 12 декабря 1907 года: «Мне не раз приходилось слышать от черногорских интеллигентов, недовольных настоящим положением дел, самые убежденные отзывы о настоятельной, почти необходимости для Черногории федеративного единения с Австрией, которое в будущем подготовило бы федерацию южных славян» [14, л. 34].

После 1903 года отношения между двумя славянскими государствами носили весьма сдержанный характер. Черногорский воевода и военный министр Янко Вукотич в разговоре с Н. М. Потаповым 8 сентября 1906 года заметил: «Никогда, даже во времена Милана и Александра Обреновичей, официальная Сербия не относилась так враждебно к нам, черногорцам, как это имеет место со времен восшествия на престол нынешнего сербского короля Петра. <...> Королевско-сербское правительство поставило себе задачу, во что бы то ни стало втянуть Черногорию в столкновения с сильным соседом Турцией, и таким образом ослабить значение Черногории не только в смысле моральном, но и материальном, – заставить израсходовать в бессмысленных столкновениях накопленные нами боевые припасы. Как это ни странно, но деятельную поддержку себе против нас, их братьев, сербские закулисные противники нашли в том же лице, на которые опираются преследующие такие же цели австрийские агитаторы. Этим лицом, получающим значительное денежное вознаграждение как от Австрии, так и от Сербии,

является некто, проживающий в гор. Плавы Ферович, родом из Кучи (составляющих ныне часть Черногории), серб, в настоящее время не только отурчившийся, но и сделавшийся ярким врагом черногорцев. Посылая в разные пункты, лежащие близ черногорской границы, покровительствуемые им сербские банды, он укрывает их впоследствии от преследования и умышленно приписывает бесчинства черногорцам, заставляя местные власти делать соответствующие представления правительству, и тем, портя наши отношения с Турцией» [15, л. 105 – 105 об.].

Российский поверенный в делах в Белграде Б.Н. Евреинов в августе 1908 года охарактеризовал сербо-черногорские отношения следующим образом: «Если посмотреть на историю сношений Сербии, между Сербией и Черногорией, или вернее между правительствами их, то не трудно убедиться, что она представляет последовательный ряд ссор и примирений. Во время династии Обреновичей в Белграде смотрели на Цетинье как на центр заговоров против сербского королевского дома. Покушение на короля Милана, безумная выходка Алавантича – все это ставилось в связи с намерениями черногорского правительства свергнуть династию Обреновичей и доставить престол князю Мирко. Теперь, по-видимому, роли переместились, и уже в Белграде, как оказывается, по мнению черногорского правительства, формируются планы против княжеского дома» [16, л. 86 об.]. Главную же роль в осуществлении планов Вены предстояло сыграть журналисту сараевской газеты «День» Георгию Настичу, по словам российского посла в Вене Урусова, личности темной и «самой сомнительной нравственности» [1, л. 91] [18].

Для расправы со своими политическими оппонентами князь Николай использовал «аферу с бомбами». В ноябре 1907 года группой черногорской молодежи было переправлено из Сербии 15 гранат, что послужило началу раскрытия заговора против жизни черногорского князя Николы, в организации которого были обвинены лидеры возникшей незадолго до вышеозначенных событий Народной партии Черногории. По сообщению П.В. Максимова, «из захваченных писем было установлено, что деятельным поставщиком бомб служил также некий студент белградского университета черногорец Дакович, стоявший во главе прошлогодней здесь манифестации и давно подозреваемый в серьезной революционной деятельности. Помощником ему был престарелый отец, который по заключении в тюрьму, как говорят, сознался в своем сообщничестве с сыном, находящимся теперь

в Белграде» [16, л. 25 об.]. Наследник черногорского престола Данило в разговоре с Максимовым особо отметил при этом: «Насколько гадки и низки эти предатели я сам могу убедиться из того, что некоторые из них, перешедшие на сторону настоящего правительства, без стеснения утверждают, что душой их клуба был русский представитель в Цетинье, по наущению которого они и действовали, и который прямо заявил им, что пока народники³ не будут у власти, императорское правительство не будет выплачивать следующим княжеству субсидий» [16, л. 28].

Цель австро-венгерского кабинета была достигнута. Серб-черногорские отношения накалились до предела, а сербский посланник Йованович был отозван из Цетинье. Несколько позже, в ноябре 1909 года, временный поверенный России в делах Черногории Дьяченко отмечал в одном из своих донесений: «Поскольку дело касается отношений Черногории к Сербии, то в них пока этот элемент доверия отсутствует. Главная причина такого прискорбного явления лежит, как я уже ранее отмечал, в гостеприимстве, оказываемом королевством черногорским политическим эмигрантам. Князь Николай твердо убежден в том, что главная опасность ему лично и всей династии грозит со стороны сербских радикалов, всячески поддерживающих заклятых врагов Черногории и дома Петровичей-Негошей. Окружающие господаря лица, по различным соображениям, поддерживают в нем уверенность, часто, быть может, намеренно преувеличивая опасность, грозящую его королевскому величеству со стороны Белграда. В виду вышесказанного я имею серьезные основания утверждать, что пока вопрос о черногорских эмигрантах, сосредоточившихся ныне в Белграде, не будет разрешен в желаемом здесь смысле, а именно доколе эти лица не будут удалены из пределов королевства и вместе с тем лишены получаемых ими от сербского правительства субсидий, нельзя рассчитывать на восстановление доверчивых, искренних отношений между Белградом и Цетинье» [13, л. 12 об. – 13].

3 Речь идет о Народной партии Черногории, оформленной к 1907 году. Ее программа, опубликованная в газете «Народна мисао», включала в себя расширение прав народной скупщины, реорганизацию государственного аппарата, требование гражданских и политических прав. Наиболее видными членами партии были Марко Радулович и Шако Петрович. Несколько ранее, 1903 году, в Баре во главе с Й. Хайдуковичем был основан «Рабочий союз» - первая в Черногории рабочая организация (отметим от себя при полном отсутствии в Черногории рабочего класса). - Прим. авт.

Никола требовал от Белграда выдачи черногорцев, якобы причастных к заговору, а кроме того «неожиданно» выяснилось, что именно туда ведут нити заговора, о чем и сообщил свидетель Г. Настич, обвинивший в организации покушения в том числе и принца Георгия – в то время наследника сербского престола. Российский поверенный в делах в Цетинье Е.Ф. Штейн писал: «Прибыв в Белград, Настич вскоре познакомился со многими членами клуба «Словенский юг» и между ними с двоюродным братом короля Петра капитаном Ненадовичем. Его тогда же поразила чрезвычайная интимность отношений между Ненадовичем и наследником сербского престола, их очевидная и неразрывная дружба. Тогда же Настич отметил и то обстоятельство, что наиболее выгодные назначения как на заграничные места по дипломатической службе, так и во внутренней администрации неизменно давались членам названного клуба, являвшегося, по уверению свидетеля, душою всех пансербских и иных политических интриг. <...> В феврале прошлого года Ненадович поручил Настичу отправиться в Крагуевац и ознакомиться там с техникой выделки бомб, предназначенных, как тогда понял свидетель, для политической агитации в Новопазарском санджаке и Старой Сербии». Вместе с тем Штейн указывает, что главная цель изготовления взрывчатки была иной: «Бомбы, предназначавшиеся для совершения в Черногории переворота, те самые, над изготовлением которых трудился в Крагуевце Настич и которые затем были отвезены в Белград и сданы в помещение клуба «Словенский юг». <...> Как бы то ни было, назначение привезенных Настичем бомб внезапно определилось: на настойчивые расспросы о том Настича, Ненадович, избегавший до этого времени определенного ответа, сообщил ему, что настало время решительных действий в Черногории и что бомбы будут отправлены туда для проведения переворота, который с всесербской точки зрения будет иметь самые важные последствия». Российский дипломат при этом был убежден в существующей для жизни Никола опасности, донося в мае 1908 года: «Непреложным, мне кажется, остается многократно подтвержденный факт, что бомбы были доставлены в Цетинье из Белграда, и столь же почти несомненным, я полагаю, следует считать, что изготовлены они были в Крагуевацком арсенале» [16, л. 39 – 42]. Покушение на черногорского князя предполагалось совершить в день открытия первой черногорской скупщины.

Летом 1908 года по приговору суда к смертной казни было приговорено 6 человек, четверо из них заочно, трое отправлены на вечную каторгу. Среди осужденных было 13 человек, поставивших свою подпись под программой Народной партии. Правда Никола заменил смертный приговор двум обвиняемым – Васо Чулафичу и Джуро Войводичу – вечной каторгой. Таким образом, Никола расправился с политическими соперниками, а Австро-Венгрии удалось не только столкнуть славянские государства, но и усилить влияние на Николу, даже несмотря на то, что аннексионный кризис сблизил позиции двух государств, а Янко Вукотич и Петр Велимирович в октябре 1908 года подписали соглашение, «устанавливающее между Сербией и Черногорией общность в оценке положения, вызванного нарушением Берлинского трактата, особенно со стороны Австрии, а также согласие по отношению к защите национальных интересов братских народов» [16, л. 120]. Тем не менее российский дипломат Дьяченко в декабре 1909 года резюмировал: «Князь Николай привык издавна считать себя призванным духовным вождем всех сербов, и во время правления Обреновичей на него действительно устремлены были взоры сербов королевства. С воцарением Карагеоргиевичей бывшее тяготение к Цетинье значительно уменьшилось. Введение в княжестве конституционного режима мало способствовало увеличению популярности государя. Процесс же о бомбах в связи с воспоминаниями о неудавшейся кандидатуре князя Мирко на сербский престол оставили неизгладимый след на отношениях Цетинье и Белграда». [19, л. 38]. В августе 1910 года в Белграде даже прошли шумные античерногорские манифестации: «Вчера вечером в городском театре во время представления пьесы князя черногорского «Балканская царица» состоялся ряд направленных против него шумных манифестаций. Беспорядки продолжались до позднего часа на улицах Белграда, перед театром и редакциями преданных черногорцам газет» [20, л. 71].

В начале 1910 года в Цетинье был назначен новый дипломатический представитель Австро-Венгрии барон Гисль фон Гислинген. До российского посольства сразу же стали доходить слухи о том, «будто бы австро-венгерский представитель наметил государю на готовность придунайской монархии предоставить его королевскому высочеству, на известных условиях, выгоды реального характера» [16, л. 143 об.]. Новый австрийский посланник убеждал Николу, что «Черногории не стоит больше

заниматься босно-герцеговинским вопросом, заметив при этом, что «Австрия не будет ничего иметь против расширения Черногории за счет прилегающих областей Турции в сторону Ипека» [21, с. 424].

15 августа 1910 года в честь 50-летия своего правления Никола объявил Черногорию королевством. Это событие также вызвало позитивный отклик и в Австро-Венгрии, связанный с надеждами окончательно вовлечь страну в орбиту своей политики. Так, в феврале 1911 года австрийский журналист Леопольд Манделл, выразитель официальной точки зрения венских правящих кругов, в беседе с корреспондентом петербургского телеграфного агентства в Вене В. П. Сватковским прямо сказал, что «провозглашение Черногории королевством было победой присущего сербскому народу сепаратизма над не имевшей достаточной почвы, привозной с Запада, идеей сербского единения вокруг Сербии как сербского «Пьемонта»». Он же добавил, что «сепаратистская в сербском смысле Черногория не только не опасна для Австро-Венгрии, но может взять на себя отчасти или временно ту или иную австро-венгерскую миссию, например, в северо-албанском вопросе, даже в санджакском вопросе. Так, например, не подлежит сомнению, что Черногория завладеет лежащей в Санджаке пограничной Беранской нахией. Течение событий дает ясные предубаждения относительно этого естественного и неизбежного расширения черногорской территории на восток. И Австро-Венгрия противиться этому не будет» [22, л. 12 – 12 об.]. Эти сведения подтверждаются донесениями российских дипломатов. Так, в конце 1911 года Никола был обеспокоен слухами об усилении военной активности Австро-Венгрии, связанной с якобы готовящимся занятием Санджака. В частности, в конце 1911 года в беседе с российским посланником в Цетинье С. Арсеньевым черногорский король сказал: «В минувшем сентябре мой министр иностранных дел Грегович был в Вене и виделся с графом Эренталем. Граф Эренталь принял его весьма любезно и, между прочим, выразил ему свое удовольствие за корректный образ действий Черногории относительно Австро-Венгрии во время аннексии Боснии и Герцеговины. Когда на это Грегович ему ответил, что такой образ действий не принес Черногории никаких выгод, то граф Эренталь сказал, что если Черногория будет идти рука об руку с Австро-Венгрией, то черногорская территория в близком будущем получит значительное приращение» [23, с. 346 – 347].

Раскрытие заговора против Николы удивительным образом совпало с началом судебного процесса в Загребе (Аграме). В январе 1908 года баном Хорватии был назначен Павел Раух, опиравшийся на националистическую хорватскую партию Франка. Тут же последовала череда «разоблачительных» публикаций, в которых сербское правительство обвинялось в подготовке заговора с целью захвата югославянских земель Дунайской монархии. А вскоре последовали и прямые репрессии. Перед судом предстали 53 серба – участника все той же организации «Словенский юг». Обвинение было построено на неких секретных документах, а главным свидетелем со стороны обвинения опять стал журналист Настич. Российский посол в Вене князь Урусов доносил по этому поводу в августе 1908 года: «К тому же после обнародования конституции в Турции развилось национальное стремление сербов в Боснии и их вождение получить автономное управление. В Хорватии и Боснии были арестованы главные члены общества «Славянский юг», имеющего целью освобождение южных славян, в Аграме начался против них процесс по обвинению в государственном преступлении». Российский посол писал, что Настич в своих брошюрах признал, что он сам «участвовал в «великосербской пропаганде», но что он отошел от нее, когда убедился в террористической ее программе, включавшей в себя убийство князя Николая Черногорского» [17, л. 91]. Урусов при этом отмечал: «Следствие обнаружило также, что общества сербских и хорватских соколов не только имеют политические цели, но и устроены наподобие военных кадров для предполагаемой армии повстанцев. В состав их входят преимущественно люди, отслужившие свой срок в австро-венгерской армии. План организации соколов и гимнастических обществ в Хорватии был, по утверждению обвинителей, составлен начальником Главного штаба в Белграде подполковником Мишковичем и по его указаниям приспособлен на местах» [17, л. 91 об.].

Инспирированность процесса стала очевидной сразу. «В лице 53-х сербов, привлеченных за государственную измену, собственно говоря, обвиняется и предан австрийскому суду весь сербский народ. Эти 53 человека, сидящие на скамье подсудимых, играют роль побочную; они являются как бы ширмой, чтобы прикрыть величайшее насилие, которому подвергается весь сербский народ в его целом», – писал Г. С. Бобрыкин, автор брошюры «Сербский процесс в Загребе» [24, с. 4]. Он же подчеркивал, что «аннексией Боснии и Герцеговины Австрия снова

воспользуется под видом культурной миссии у славян, внедриться, не пролив крови, в славянские земли, чтобы подвергнуть их разорению, а также вселения новых раздоров среди славян» [24, с. 5].

Такие действия австро-венгерских правящих кругов по дискредитации славянского движения, вероятно, достигли бы поставленных целей, если бы подсудимые не получили защитника, которому удалось превратить суд над сербами в суд над австрийским кабинетом. Таким человеком стал один из видных политических фигур рубежа XIX – начала XX века будущий основатель чехословацкого государства Т. Г. Массарик, который выступил с рядом громких разоблачений по этому делу, убедительно доказав, что все документы были подделаны австро-венгерским посольством в Белграде, причем непосредственное участие в этом принял граф Форгач – глава австрийской миссии в сербской столице. «Газеты называют именно членов австрийской миссии во главе с графом Форгачем. Правительство потребует отзыва посланника, опустившегося до уровня фальсификатора», – сообщал российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг [20, л. 87] [25, с. 18 – 19].⁴

В. П. Сватковский по поводу австрийских «разоблачений» выразился более образно: «Профессор Массарик приводит в одной

4 Отметим, что российский дипломат Г. Н. Трубецкой возлагал именно на Форгача персональную ответственность за 1914 год: «На беду, министром иностранных дел был в то время малозначительный граф Берхтольд, а делами в его ведомстве заправлял начальник отдела граф Форгач». Он же отмечает далее: «Честолюбивый интриган с еврейской кровью в жилах Форгач ждал минуты отместки, и минута эта, как ему казалась, наступила после сараевского убийства. <...> В сущности, Форгач не придумал нового плана, а возобновил тот, который сложился уже в 1912 году. Для обоснования ультиматума Сербии он использовал обвинения, которые в свое время стоили ему места в Белграде. Он явно хотел доказать этим повторением старого приема, насколько и в первый раз он был прав». Союзника в осуществлении своих планов Форгач, по словам Г. Н. Трубецкого, нашел в лице германского посла в Вене графа Чиршского, который, «бывший когда-то советником посольства в Петербурге и тоже вынужденный оттуда уйти из-за мелочной обиды придворно-светского характера, был нашим убежденным противником». Трубецкой при этом констатировал: «Уверяют, что ультиматум Сербии был состряпан им в сообществе с Форгачем. Правда, германское правительство после его опубликования, сочло нужным сообщить всем кабинетам, что оно совершенно непричастно к составлению ультиматума и ознакомилось с ним одновременно со всеми. Может быть, это и правда. Это может подтвердить только то впечатление, что поводы к войне создались второстепенными агентами, а не ответственными руководителями, которые вследствие своей посредственности не сумели удержать направление дел в своих руках». В то же время российский посланник особо подчеркивал, что «в первые дни стало ясно, что ключ положения в Берлине».

из своих последних статей в «Zeit» одну сербскую поговорку в объяснение, почему сербское правительство не заботится особенно об уходе гр. Форгача. Эта циничная поговорка говорит, что запачкавшийся своим пометом голубь иногда лучше чистого. Может быть, было бы недурно, если бы Массарик применил сербскую народную мудрость и к Эренталю и оставил его теперь в покое. Поход Массарика сделал уже свое дело. От прежней спеси Эренталья нет и следа. Недаром он говорил и в делегациях, что не собирается вести политику престижа. Такой «запачкавшийся голубь», пока он держится на своей голубятне, может быть более или менее безвреден и любезен не только прежним венским недоброжелателям, но и может быть и державам тройственного согласия. Топить его нет больше основания, но и спасать тоже» [26, л. 4 об. – 5].

После выступлений Массарика обвинение полностью рассыпалось. И хотя в октябре 1909 года 33 обвиняемых серба были приговорены к различным срокам тюремного заключения, процесс пришлось прекратить, а обвиняемых выпустить на свободу. Развился скандал, ударивший не только по международному авторитету австрийского правительства, но и приведший к прямо противоположным результатам: вместо ожидаемого раскола произошло еще большее сплочение между чехами и южными славянами.

Осенью 1909 года новый политический скандал разразился вокруг известного австрийского историка Фридьюнга, которого министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренталь снабдил сфальсифицированными документами о «преступной» деятельности сербов, многие из которых входили в состав Сербской самостоятельной партии – опоры хорвато-сербской коалиции в австрийском парламенте. Фридьюнг, не проверив подлинность документов, напечатал в газете «Neue Freie Presse» статью о том, что хорватские и сербские депутаты рейхсрата находятся на содержании сербского правительства. Приложением к статье являлся документ, из которого следовало, что известный деятель югославянского движения Ф. Супило получал из Белграда значительные денежные суммы. Супило возбудил против Фридьюнга дело по обвинению в клевете. Т. Массарик и специально командированному из Белграда начальнику отдела сербского МИДа, впоследствии послу в Петербурге, Спайлаковичу без труда удалось доказать, что этот документ – фальшивка. Припертый к стенке историк заявил, что считал документ достоверным, поскольку получил его из рук высших правительственных

чиновников – министра иностранных дел Эренталя, начальника Генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа и самого престолонаследника Франца-Фердинанда. «Но ведь Вы же ученый!», – крикнул Супило Фридьонгу. Австрийский историк сконфуженно молчал. Назревал неслыханный международный скандал, который удалось замять только потому, что Супило не стал доводить дело до конца. В этой же связи австрийские правящие круги постарались «забыть» и о показаниях Настича, которые были первоначально использованы для начала Загребского процесса [23, с. 110 – 111].

Все эти сообщения буквально «взрывали» сербское общество, жаждавшее мести и реванша. По словам Л. Д. Троцкого, бывшего свидетелем событий, связанных с политическими последствиями аннексионного кризиса – «прессой руководит молодое поколение, которое не проделало революционной борьбы с Обреновичами, но успело разочароваться в ее результатах. Радикальный режим придал конституционную форму политической власти и установил свободу собраний и печати, но экономическое развитие Сербии, в тисках ее международного положения, шло по-прежнему медленным темпом; а во внешней политике, которая стоит здесь неизменно в центре общего внимания, одно разочарование следовало за другим. Создался целый слой городской интеллигенции, которая мало чему училась, не имела за собой никаких идейных заслуг, но проникнута уверенностью, что будущее Сербии принадлежит ей» [27, с. 523 – 524]. Отметим, что к 1912 году в Белграде, где проживало всего около 80 тысяч человек, издавалось четырнадцать ежедневных газет, при том что более 80% трехмиллионного населения страны продолжало, несмотря на все усилия властей по строительству новых школ, оставаться неграмотным [27, с. 523].

Не принес успокоения Сербии и последовавший за событиями аннексионного кризиса 1910 год. Вот что сообщал в МИД посланник Н. Г. Гартвиг в октябре 1910 года: «В префектуру явился добровольно некий Владимир Васич, сербский поданный, бывший журналист по профессии, сознавшийся в том, что он служил орудием в руках австрийцев при составлении подлогов. Васич арестован; проводится следствие» [20, л. 87 об.] Оно, кстати, было недолгим, и уже в декабре 1910 года журналист получил пять лет каторжных работ.

Тут же возник новый скандал, поскольку, как отмечал Гартвиг, «сербскому правительству удалось снова обнаружить

тайную австрийскую организацию, имевшую целью оклеветать политических деятелей Сербии, будто бы готовивших покушение на Франца-Иосифа. Опять дело идет о подделке документов под руководством графа Форгача, на сей раз фабрикованным в пограничном городе Землине, куда и посланник, и члены миссии постоянно ездили. Местные власти захватили переписку. Форгач, вызванный сегодня в Вену по телеграфу, объяснил отъезд своей необходимостью дать присягу по случаю получения чина тайного советника. Разоблачения превзойдут все, до сих пор обнаруженное Массариком»⁵ [201, л. 109].

Канун 1912 года показал необходимость консолидации сербского общества. Теперь речь шла о создании балканского союза, только теперь уже наступательного против Турции и оборонительного против Австрийской империи. Толчком к его формированию послужила итало-турецкая война, начатая в сентябре 1911 года с целью захвата турецких владений в северной Африке – Триполитании и Киренаики (Ливия)⁶. Эта война закончилась поражением Турции, уступившей эти территории Италии согласно статьям Лозаннского мира, подписанного в октябре 1912 года. Г. Н. Трубецкой отметил: «Война Италии с Турцией в 1911 году была последним толчком, побудившим балканские государства перейти из области предварительного обмена мнений, и наконец, заключения союза» [25, с. 39]. Шанс нанести еще один удар агонизирующей Османской империи упускать было нельзя. Как заметил историк В. Н. Виноградов, «все было вновь: не поддан-

5 Гартвиг в МИД 13 декабря 1910 года. Охота на австрийских шпионов усилилась после начала Первой балканской войны. Так, например, В. А. Артамонов доносил, что 15 февраля 1913 года по приговору Верховного суда расстрелян австрийский шпион Светозар Гаврилович, а «на очереди процесс еще одного шпиона - австрийского серба Божина, прошедшего всю Сербию и задержанного в г. Рашке в сентябре прошлого года». // [2, Ф. 2000, оп. 15., д. 75., л. 54].

6 Италия начала военные действия 29 сентября 1911 года. 5 октября 1911 года итальянский морской десант занял Триполи и Хомс, а экспедиционный корпус генерала К. Каневы, преодолев сопротивление незначительных турецких войск, занял города Тобрук, Дерну, Бенгази. К 1912 году численность итальянских войск в Триполитании и Киренаике достигла 100 тыс. человек. Но, несмотря на количественное и военно-техническое превосходство, попытки итальянцев проникнуть вглубь страны успеха не имели из-за вооруженного сопротивления партизанских отрядов местного населения и добровольческих отрядов, прибывших из Туниса, Алжира, Египта и других арабских стран. К концу 1911 года итальянские войска удерживали лишь прибрежную полосу. В апреле-октябре 1912 года Италия, помимо операций в Северной Африке, провела бомбардировку Дарданелл, не давшую, впрочем, существенных результатов, и оккупировала Додеканесские острова. Отметим также, что в этой войне впервые для разведки и бомбометания была применена авиация. - Прим. авт.

ные собирались восставать против тиранического правления, а независимые христианские государства готовились освободить еще находившихся под турецким господством славянские и греческие земли с намерением присоединить их к себе» [28, с. 445].

В свою очередь, по словам историка В. И. Шеремета, «поражения Османской империи в период Балканских войн 1912 – 1913 гг. с бывшими подданными, оцениваемые в новых аспектах восточного вопроса, оказывали существенное влияние на политический курс страны, на само существование каких-либо владений Турции в пределах крайнего юго-востока Балканского полуострова. Борьба за их сохранение любой ценой, а точнее – ценой любых политических комбинаций с великими державами во многом определяла внешнеполитический курс турецкого правительства» [29, с. 72]. Эти новые внешнеполитические приоритеты, как известно, отразились на ходе и характере военных действий Первой мировой войны. С. Д. Сазонов отметил, что Бухарестский мир для Австро-Венгрии «означал тяжелое нравственное поражение благодаря вторичному в течение одного года блестящему успеху Сербии» [30, с. 120]. В этом же ключе рассуждает российский исследователь Т.М. Исламов, отмечая, что Балканские войны явились решающим фактором для развития июльского кризиса 1914 года: «Бессилие и бесплодность австро-венгерской дипломатии со всей очевидностью проявились в 1912 – 1913 гг. Проигравшей в итоге балканских войн стороной оказалась не одна только Турция, но и Австро-Венгрия. Она была унижена, посрамлена. Впервые за всю историю европейско-османского противостояния балканские проблемы решались без непосредственного участия империи Габсбургов. Авторитету ее как великой державы был нанесен ощутимый урон. Еще больше пострадал престиж империи в глазах собственных подданных, особенно югославянских и просто славянских. Жгучее чувство униженности и бессилия испытывала, пожалуй, вся верхушка империи. И эта психологическая травма сыграла немалую роль в бесшабашной агрессивности правящих кругов в роковые июльские дни 1914 г.» [31, с. 20].

Отметим, однако, что в 1913 году итоги Лондонской конференции и Бухарестского мира преподносились австро-венгерскими правящими кругами перед общественным мнением страны и Европы как очередной успех имперской политики: в противовес идее создания Великой Сербии успешно проведена аннексия Боснии и Герцеговины, а также создано албанское государство.

Именно так писал в австрийской прессе уже упоминавшийся нами придворный историк Фридьонг. А видный представитель немецкого юнкерства Леопольд Хлумецкий⁷ уговаривал Берхтольда немедленно начать войну против Сербии. «Необходимо воспользоваться моментом, – говорил он, – вопрос ведь в том, чье влияние будет преобладать в Белграде – наше или русское?» И он же предостерегал министра иностранных дел: «Если к русскому влиянию присоединится еще и экономическая независимость, тогда будет ясно, что югославянский вопрос решен без нас и против нас»⁸ [33, л. 283 – 285]. Милитаристскую антисербскую и антирусскую кампанию развернула и австрийская военная печать – газеты «Danzers Arme-Zeitung» и «Arme Blatt» [32, л. 128 – 130]. Таким образом, амбиции Вены ясно были выражены уже тогда. Желание австрийских правящих кругов перекроить в свою пользу политическую карту Балкан, уничтожив Сербию и вытеснив оттуда российское влияние, было очевидно. Подобные настроения выражал и начальник Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, который не только не боялся войны, но и стремился ее начать. Как заметил В. Готлиб, «по утверждению Конрада, сербское королевство было «смертельным врагом Австро-Венгрии, никогда не дающим покоя», и именно он внушал Францу-Иосифу то, что «к нему нужно относиться только как к таковому» [1, с. 357]. С начала XX века он делал это так настойчиво, что одно время даже впал в немилость у осторожного Франц-Иосифа, однако в 1912 году был возвращен на службу, что могло означать только одно: Австро-Венгрия готова развязать войну. В феврале 1914 года В. П. Сватковский сообщал о

7 Леопольд Хлумецкий (1874 – 1940) – редактор австрийской официозной газеты, входил в ближайшее окружение Ф. Фердинанда и занимал откровенные антисербские позиции. Был одним из свидетелей в процессе Фридьонга.

8 Не случайно в декабре 1912 года, во время ведения переговоров в Лондоне и перекройки политической карты Балкан, австро-венгерские правящие круги, в том числе и при посредничестве германского посланника в Белграде Гринингера, который уговаривал Н. Пашича «лично отправиться в Вену для непосредственных объяснений с австро-венгерским министром иностранных дел», пытались заключить с Сербией сепаратное политическое соглашение. Причем, как сообщил Н. Г. Гартвиг, австро-венгерский представитель в Белграде Угрон весьма откровенно «стал рисовать все выгоды для Сербии непосредственного соглашения с Австро-Венгрией». Н. Пашич, однако, ответил, что сербское правительство «не считает себя вправе возбуждать самостоятельные переговоры по тем же предметам с австрийским правительством, в виду проходящей в Лондоне конференции по этим же вопросам». Однако данная попытка Вены по «нейтрализации» влияния Сербии, вкуче с активизацией ее политики по отношению к Черногории, вполне согласуется с обсуждавшийся в австро-венгерских политических кругах идей «триализма».

ширившихся в общественных кругах Вены слухах об усилении военной активности Австро-Венгрии в Боснии, отмечая при этом, что «вокруг Сараево происходят большие упражнения войск с артиллерией и пулеметами, имеющие характер настоящих сражений» [34, л. 66 об.] Таким образом, уроки 1908 – 1913 годов были вполне учтены венским кабинетом во время знаменитого июльского кризиса 1914 года.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Готлиб В. В. *Тайная дипломатия во время Первой мировой войны*. М., 1960; Виноградов К.Б. *Боснийский кризис 1908 – 1909 гг. Пролог Первой мировой войны*. Л., 1964; Поповић Н. *Србија и царска Русија*. Београд, 1994; *Первая мировая война. Пролог XX века*. М.: Наука, 1998; *За балканскими фронтами Первой мировой войны*. М., 2002; В «*пороховом погребке Европы*» 1878 – 1914. М., 2003; Ясу О. *распад Габсбургской монархии*. М., 2011. Seton-Watson R *Europe in the melting-pot*. London, 1919. Fisher Fritz *Germany's War Aims in the First World War*. New York, 1967. Jelavich Barbara. *A Century of Russian Foreign Policy 1814 – 1914*. Philadelphia: Lippincott, 1964; Jelavich Barbara. *The Habsburg Empire in European Affairs, 1814 – 1918*. Chicago: McNally, 1969. Jelavich Barbara *History of the Balkans*. Cambridge, 1983.
2. *Istoričari: Gavrilo Princip nije bio terorista // Blik: Vesti*. URL: <http://www.blic.rs/Vesti/Drustvo/387215/Istoricari-Gavrilo-Princip-nije-bio-terorista> язык сербский (дата обращения 07.06.2018)
3. *Российский государственный военно-исторический архив*, Ф. 400, оп. 4. Д. 313.
4. Стојановић Д. *Србија и демократија*. Београд, 2003. – С. 37.
5. РГВИА, Ф. 2000 д. 817.
6. *Dedijer V. Sarajevo 1914. Књ. II*. Београд, 1978. – С. 78.
7. Штрандман В. Н. *Балканске успомене. Књ. I. Део 1-2*. Београд, 2009. – С. 124.
8. Чубриловић В. *Историја политичке мисли у Србије XIX в*. Београд, 1958; Љушић Р. *Књига о Начертанију*. Београд, 1993; Никифоров К.В. *Сербия в середине XIX века. Начало деятельности по объединению земель*. М., 1995; Белов М.В. *Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник*

- Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 205 – 211.*
9. Рид Д. *Вдоль фронта*. М.; Л., 1928. – С. 66 – 67.
 10. РГВИА, Ф. 2000. Д. 3035.
 11. *Международные отношения эпохи империализма т. XVIII (ч. II), серия II. 1900 – 1913. М., 1931. – С. 211.*
 12. Виноградов К. Б. *Боснийский кризис 1908 – 1909 гг. Пролог Первой мировой войны*. Л., 1964. – С. 104.
 13. *Государственный архив Российской Федерации, Ф. 559, д. 55.*
 14. *Архив внешней политики Российской империи, Ф. 166 «Миссия в Белграде», д. 102.*
 15. РГВИА, Ф. 2000, д. 836.
 16. АВПРИ, Ф. 166 «Миссия в Белграде», оп. 508/1, д. 102.
 17. АВПРИ, Ф. 166, «Миссия в Белграде», оп. 508/1, д. 113.
 18. Милюков П. Н. *Балканский кризис и политика Извольского*. СПб., 1910. С. 290 - 291.
 19. АВПРИ, Ф. 166 «Миссия в Белграде», д. 187.
 20. АВПРИ, Ф. 166 «Миссия в Белграде», д. 186.
 21. Потапов Н. М. *Русский военный агент в Черногории. В 2-х т. М., Подгорица, т. 1, 2003. – С. 424.*
 22. АВПРИ, Ф. 340, оп.793, д. 6.
 23. *Международные отношения эпохи империализма т. XVIII (ч. II), серия II. 1900-1913. М.; Л., 1931. – С. 346 – 347.*
 24. Боборыкин Г. С. *Сербский процесс в Загребе*. СПб., 1909. – С. 4 – 5.
 25. Трубецкой Гр. Н. *Русская дипломатия 1914 – 1917 гг. и война на Балканах*. Монреаль, 1983. – С. 18 – 19.
 26. АВПРИ, Ф. 340 «Личный архив Сватковского», оп. 793, д. 6.
 27. Троцкий Л. Д. *Сербская пресса // Русские о Сербии и сербах*. СПб., 2006. С.523 – 524.
 28. Виноградов В. Н. *Двуглавый российский орел на Балканах 1683-1914. М., 2010. – С. 445.*
 29. Шеремет В. И. *Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны (по материалам военной разведки)*. М., 1995. – С. 72.
 30. Сазонов С.Д. *Воспоминания*. М., 1991. – 398 с.
 31. Исламов Т. М. *Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и Новейшая история. 2001. № 5. – С.20.*
 32. АВПРИ, Ф.340, оп. 793, д. 6.
 33. АВПРИ, Ф. «Политархив», д. 528.
 34. АВПРИ, Ф. «Политархив», оп. 482, д. 3392.

Исак И. А.
аспирант Таврической академии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь)
e-mail: vanis3@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ И ПАМЯТЬ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЫМА¹

***Аннотация:** Статья «Положение евреев и память жертв Холокоста после освобождения Крыма» посвящена послевоенным событиям в жизни еврейского народа на территории Крыма. Автор предпринимает попытку охарактеризовать способ создания еврейских общин, состав, этапы деятельности, а также те функции, которые они были вынуждены выполнять в ходе «окончательного решения еврейского вопроса» на полуострове. Особое внимание уделено деятельности по обнаружению мест и останков своих соотечественников еврейскими общинами. В ходе долгих противоречий с советской властью еврейской общине удалось установить памятник жертвам Холокоста на 10-м километре Феодосийского шоссе. Известные на сегодняшний день источники не позволяют создать всесторонней истории еврейских общин в послевоенном Крыму, поэтому автор обращает внимание на вопросы, которые нуждаются в дальнейшем изучении.*

***Ключевые слова:** евреи, Холокост, Крым, оккупация, община, нацисты, историческая память.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Юга России (Волгоград – Севастополь – Керчь – Новороссийск), 1945-1991 гг.», проект № 18-09-00576.

Annotation: *The article «Conditions of Jews and the memorialization of Holocaust victims after the liberation of Crimea» is aimed to highlight postwar events in life of the Jewish people on the territory of Crimea. The author takes an attempt to describe the way of formation of Jewish communities, their structure, stages of activity, as well as the functions they were forced to fulfill in the course of the “final solution of the Jewish question” on the peninsula. Special attention is paid to the activities of revelation of the places and remains of their compatriots by Jewish communities. During long-lasting contradictions with the Soviets the Jewish community managed to establish a monument to the victims of the Holocaust on the 10th kilometer of Feodosiyskaya highway. Currently known sources are not able to form a comprehensive vision of Jewish communities in post-war Crimea, so the author focuses his attention to the issues to be further investigated.*

Keywords: *Jews, Holocaust, Crimea, occupation, community, Nazis, historical memory*

На начало июня 1944 г. по данным Крымского обкома ВКП(б), еще до начала реэвакуации и демобилизации из армии, в Крыму насчитывалось 499 евреев и крымчаков. Благодаря реэвакуации и демобилизации начался рост численности населения Крымского полуострова, в том числе и еврейского. Так, из 8701 члена и кандидата в члены ВКП(б) в Крыму по состоянию на 1 января 1945 г. 1138 человек (13 %) в анкетных данных указали свою принадлежность к еврейской национальности. На 1 октября 1947 г. во всех научных учреждениях Крымской области (таких учреждений было около 30) работало около 700 сотрудников – из них около 130 были евреями, что соответствовало 18 % от всего числа сотрудников [4, с. 3].

В августе 1944 г. в Крым был направлен заместитель ответственного секретаря и член президиума Еврейского антифашистского комитета Л. М. Квитко, перед которым была поставлена задача «ознакомится с состоянием дел оставшегося еврейского населения и сбором всех материалов, которые бы указывали на зверства фашистов». Материалы, собранные им и рядом других общественных деятелей, легли в основу специально подготовленной, но так и не изданной в СССР «Черной книги», описывающей уничтожение нацистами еврейского населения на территории Советского Союза во время оккупации [1, с. 66].

Однако проживавшие в Крыму в послевоенное время евреи практически отказались от своей традиционной религии – иудаизма

ма. После Великой Отечественной войны в Крымской области действовала всего лишь одна зарегистрированная иудейская религиозная община, находившаяся в Симферополе. Датой её регистрации было 16 июня 1945 г., руководителем общины в документах был указан некий Г. М. Френклах, а раввином – Ю. Г. Пинский. В 1946 г. эта община добилась передачи ей здания бывшей Хоральной синагоги по ул. Фонтанной, дом 17, возведенной еще в 1881 г., когда около 9 % симферопольцев (около 2700 человек) являлись верующими иудеями [2, с. 87].

После трагических событий войны и целенаправленного уничтожения оккупационными властями у переживших Холокост отмечался рост национального самосознания. Огромные потери в период оккупации среди родных и близких побуждали тех, кто выжил в таких тяжелых условиях, увековечить память о своих погибших собратьях. Учитывая тот фактор, что в этом вопросе отсутствовала всяческая поддержка со стороны государства, еврейским религиозным общинам зачастую приходилось принимать на себя функции по проведению мемориальной деятельности своими силами, или, как выражалась власть, «расширить функции религиозных общин, придать им национальный характер, превратить в центры еврейской национальной жизни»[3, с. 152]. В то же время органы власти пресекали попытки членов иудейской общины осуществлять деятельность, выходящую за рамки религиозного культа. В качестве примера можно привести информацию из отчета Крымского уполномоченного по делам религиозных культов за 1945 г. Здесь он с осуждением описывает прошедший 13 мая 1945 г. в Симферополе торжественный митинг евреев, посвященный годовщине освобождения Крыма и Победе над Германией. Государство не оказывало помощи и в деле увековечивания памяти погибших, что приводило к самым неоднозначным попыткам еврейских общин самостоятельно определить места погибших родственников. Так, в отчете за III квартал 1946 г. Уполномоченный по религиозным делам культов в Крымской области отмечал, что многочисленная группа евреев 6 августа 1946 г. выехала на 10-й км шоссе Симферополь – Феодосия, где находится противотанковый ров, в декабре 1941 г. ставший местом массовых расстрелов еврейского населения немецко-фашистскими оккупантами. Они имели с собой необходимые для проведения раскопок инструменты и намеревались обнаружить и опознать тела своих погибших родственников и знакомых. Тогда же еврейская община обратилась с ходатайством к местным властям об установке на данном месте

памятника жертвам Холокоста за счет средств собранных среди членов общины. По подсчетам современных исследователей здесь было расстреляно около 6 тыс. советских военнопленных и 20 тыс. человек из числа мирного населения, среди которых более половины составляли евреи и крымчаки.

В этот же день, 6 августа 1946 г., была проведена панихида «по расстрелянным евреям с массовым выездом на место совершения расстрела, для этой цели были наняты 3 автомашины». Совершивший этот обряд раввин был поставлен в известность уполномоченным по религиозным делам о том, «что эти действия являются нарушением». В ответ руководство общины выступило с двумя заявлениями. Первое из них уже упоминалось выше и было связано с просьбой выдать разрешение на установку памятника. Во втором говорилось о необходимости совершить погребение извлеченных при раскопках тел «по еврейскому обряду». В свою очередь власти разрешили произвести погребения по соответствующему иудейскому обряду, а вот в разрешении на сооружение памятника погибшим было отказано [7, с. 22].

Небольшой памятник жертвам Холокоста на 10-м километре шоссе Симферополь – Феодосия, после длительных противоречий с государственными и партийными органами, был открыт только спустя 13 лет – 28 июня 1958 года. Правовым основанием для этого стало соответствующее решение Бюро Крымского обкома Коммунистической партии Украины и Крымского облисполкома от 17 июня 1957 года. Однако это событие неожиданно привело к негативным последствиям для членов еврейской общины. Для ускорения открытия памятника жертвам Холокоста председатель совета синагоги Франклах и председатель общественной ревизионной комиссии Мостовой в нарушение советского законодательства направили тысячу рублей из собранных прихожанами средств на строительство мемориала, что дало повод властям аннулировать их регистрацию, после чего в общине начинается долгая борьба за лидерство [6, с. 142]. Почти 30 лет спустя, 6 мая 1986 года Крымский облисполком принял новое решение № 218 «Об устройстве места захоронения советских граждан, расстрелянных в 1941 – 1942 годах на 10-м километре Феодосийского шоссе». 13 декабря 1986 года здесь был открыт новый памятник.

Трагедия Холокоста также нанесла сокрушительный удар по сельскохозяйственным еврейским поселениям, существовавшим в Крымской АССР до оккупации немецко-фашистскими захватчиками. Нацисты уничтожили всех, кому не удалось или кто не успел

эвакуироваться. Также с 1944 – 1945 гг. в полной степени проявилась советская политика по интернационализации еврейских колхозов, которая осуществлялась на общем фоне возрастающей политики государственного антисемитизма. Крымский полуостров активно заселялся русскими и украинцами из других регионов СССР и это привело к тому, что из всех довоенных еврейских колхозов после войны ни один не был восстановлен. Несмотря на то, что после войны численность евреев в Крыму возросла за счет реэвакуированных семей, но возвращались они уже не в колхозы, а в города [5, с. 34].

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Альтман И. А. *Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. Учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений/ Под ред. проф. А. Г. Асмолова.* – М.: Фонд «Холокост», 2002. – 188 с.
2. Гарагуля В. К. *«Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* – Симферополь: Издательство «Таврия», 1994. – 166 с.
3. Дюков А. Р. *Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение еврейского вопроса.* – М.: Историческая память, 2009. – 176 с.
4. Тяглый М. И. *Холокост в Крыму. Документальные свидетельства о геноциде евреев Крыма в период нацистской оккупации Украины (1941–1944).* – Симферополь: БЕЦ «ХеседШимон», 2002. – 60 с.
5. Готовчиков Н., Гендин А. *Евреи – колхозники. Быль.* – Симферополь: Доля, 2009. – 86 с.
6. Брошеван В. *Спаси и сохрани историю Крыма. Историко-документальный справочник.* – Симферополь: Би., 2010. – 130 с.
7. *Черная Книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг.* – Вильнюс: Йад, 1993. – С. 87-88.

Омельчук Д. В.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической Академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Симферополь)
e-mail: odv1955@mail.ru*

ИЗМЕННИКИ РОДИНЫ И ПОСОБНИКИ ВРАГА. К ВОПРОСУ О НАКАЗАНИИ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ (40-Е ГГ. XX СТОЛЕТИЯ).

***Аннотация:** в статье рассматриваются вопросы наказания военных преступников и пособников врага за совершенные злодеяния на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны; отражены изменения подходов к определению тяжести вины лиц, изменивших родине.*

***Ключевые слова:** военный преступник, пособник врага, военный трибунал.*

***Annotation:** The article deals with the issues of punishment of war criminals and accomplices of the enemy for crimes committed in the occupied territory of the USSR during the Great Patriotic War; reflects changes in approaches to determining the gravity of the guilt of persons who have changed their homeland.*

***Keywords:** war criminal, accomplice of the enemy, military tribunal.*

Вторая мировая война отличалась от всех предыдущих не только территориально, масштабами разрушений и количеством жертв. Впервые на государственном уровне правящими кругами Германии и ее союзников осуществлялась политика геноцида – массового планового уничтожения людей по этническому принципу. Нескончаем список военных преступлений. Несмотря на возникавшие разногласия между союзниками по антигитлеровской коалиции, в вопросе наказания виновных они были единодушны. Главные военные преступники были преданы международному суду в Нюрнберге, 70-летнюю годовщину которого отмечали в прошлом 2017 году. Но на фоне всеобщего внимания к этому процессу в тени оказались другие процессы над военными преступниками, коих было около 100, в том числе 21 на территории СССР. И уж совсем малоизвестными остаются факты суды над предателями и изменниками Родины в ходе войны.

Действительно, до 1943 года никто в мире не имел опыта суда над нацистами и их пособниками. Как отмечает российский исследователь Дмитрий Асташкин: «Не было в мировой истории аналогов такой жестокости, не было зверств таких временных и географических масштабов, поэтому не было и юридических норм для возмездия – ни в международных конвенциях, ни в национальных уголовных кодексах». [2, с. 98.]

Актуальной для стран – участников борьбы с фашистской Германией – эта тема стала только в 1943 году, когда исход войны уже не вызывал сомнений. В СССР к наказанию военных преступников приступили уже с осени 1941 года, когда прошли первые открытые суды над предателями в партизанских отрядах.

В ходе контрнаступления под Москвой и Керченско-Феодосийской десантной операции была освобождена часть советской территории. В руках правосудия оказались советские граждане, поспешившие принять участие в установлении нового нацистского порядка, многие из которых успели запятнать себя кровавыми преступлениями.

Законодательная база оставалась неизменной: 58-я статья Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи в УК союзных республик предусматривали ответственность за измену Родине (подпункты 1, 3). Судебная практика корректировалась только подзаконными актами.

Так, в ноябре 1941 года в один из самых критических периодов войны письмом НКВД СССР № 18/28с было дано разъяснение о порядке применения статьи 58-10 УК РСФСР. В условиях военного времени «необходимо применять вторую часть статьи 58 – 10 УК РСФСР». [5, с. 43.]

Таким образом, лицам, привлекаемым за антисоветскую агитацию, клевету на советский строй и т.д., давалось указание выносить приговоры, вплоть до высшей меры наказания.

В начале 1942 года на первых освобожденных от оккупации территориях такой подход был массовым. За «предательскую деятельность» в период оккупации к расстрелу по ст. 58-1 УК РСФСР приговаривались массово и вполне заслуженно: одни составляли для немцев списки евреев, которых впоследствии расстреляли, другие охраняли советских военнопленных, третьи терроризировали односельчан угрозой внести их в списки неблагонадежных. Это были лица, наделенные оккупантами властью: старосты, бургомистры, полицейские. Но одновременно суровые приговоры выносились и лицам, оказавшимся на службе «нового порядка» на рядовых должностях: механики, пожарные, шофера и т.д.

Так, с началом оккупации Ф. Бученко, бывший плотник Керченского госметзавода, стал полицейским. По приговору Военного Трибунала в январе 1942 года расстрелян. [3, с. 314.]

Слесарь маяка на мысе Чауда П. Глубоченко остался работать на нем и при немцах. Был обвинен в том, что «передал немцам аппаратуру маяка». По приговору Военного трибунала расстрелян. [4, с. 164.]

Уборщица школы им. Сталина Н. Гольц по обвинению в контрреволюционной агитации, которая заключалась в разговорах о силе германской армии и слабости нашей, приговорена к 10 годам ИТЛ. [4, с. 176.]

Всего же из 627 дел, рассмотренных Военным трибуналом в январе – мае 1942 года, на территории Керченского полуострова был вынесен 541 смертный приговор (86%). [4, с. 59.]

Вероятно, в других районах страны картина была аналогичной. Обобщив первую практику деятельности Военных трибуналов по наказанию изменников родины, перешедших на службу фашистам, был издан приказ Прокурора СССР № 46сс от 15 мая 1942 г. «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом». В нем, в частности, впервые проводилась дифференциация действий лиц, перешедших на службу оккупантам, и впервые содержалось указание не привлекать к ответственности рабочих и мелких служащих административных учреждений и лиц, занимавшихся своей профессией. [7, с. 40.]

С началом массового освобождения советской территории от германской оккупации вскрылись многочисленные факты невероятных по своей жестокости преступлений фашистов. В этих условиях 19

апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принимает Указ № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и их пособников» [2, с. 99.], в котором впервые проводятся различия между изменниками Родины и пособниками врага. Однако на практике Военные Трибуналы продолжали квалифицировать как измену Родине всякое содействие, оказанное советскими гражданами немецким захватчикам в период временной оккупации той или иной местности, независимо от характера этого содействия. Это отмечалось в постановлении Пленума Верховного суда СССР № 22/м/16/4сс от 25 ноября 1943 года. Там же давалось детальное разъяснение, кого считать изменниками Родины и кого – пособниками врага. Изменниками Родины считались граждане, которые служили у немцев в органах гестапо, или на ответственных административных должностях, доставляли врагу сведения, составляющее военную или государственную тайну, выдавали или преследовали партизан, военнослужащих Красной Армии, советских активистов и членов их семей, принимали непосредственно участие в убийствах и насилии над населением. К пособникам были отнесены лица, которые выполняли задания немецких захватчиков по сбору продовольствия, фуража и вещей для нужд германской армии, по восстановлению предприятий промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Первых надлежало судить по ст. 58-1а или 58-1б УК РСФСР, а вторых – по ст. 58-3 УК РСФСР. Также были перечислены категории лиц, которых не следовало привлекать к уголовной ответственности: в этой части указания Прокурора СССР от 12.10.1942 г. были несколько расширены. [7, с. 44.] Но, несмотря на разъяснения, граница между первыми и вторыми на практике часто оставалась размытой.

В Крыму применение требований этого постановления на практике при наказании лиц, сотрудничавших с оккупантами, относится к апрелю 1944 года – т.е. ко времени изгнания войск противника.

С 10 по 27 апреля 1944 года на территории полуострова органами НКВД Крыма было арестовано «55 агентов немецких разведывательных и контрразведывательных органов, 266 изменников родины и предателей, 363 пособника и ставленника противника, а также участников карательных отрядов». [4, с. 61 – 62.] Эти данные содержались в докладной записке министра внутренних дел СССР Л. Берии в Государственный Комитет Обороны СССР. Ее содержание показывает, что в НКВД не очень-то придерживались классификации, изложенной в постановлении Верховного суда СССР от 25 ноября 1943 года:

пособники и участники карательных отрядов сведены в одну группу. Всего же в указанный период было арестовано 4206 человек «антисоветского элемента».

Выявления и аресты предателей продолжались и в последующие месяцы. Отметим, что, несмотря на все принимаемые меры органами госбезопасности, некоторым из изменников родины в тот период удалось избежать справедливого возмездия. Более четверти века скрывались от правосудия лица, причастные к массовым казням в концлагере на территории бывшего совхоза «Красный». Суд над ними состоялся только в 70-е годы.

Тогда же, в 1944 году, органам госбезопасности удалось выявить и обезвредить основную массу лиц, к которым применимо определение «военный преступник». Многие из тех, кто не смог эвакуироваться с германской армией, пытались раствориться в массе населения и даже предстать в образе борцов с захватчиками. «За несколько дней до вступления частей Красной Армии полицейские, участники «отрядов самообороны» и другие пособники оккупантов, ранее принимавшие участие в преследовании партизан, присоединялись к партизанским отрядам и вместе с ними вступали в освобожденные Красной Армией населенные пункты

В с. Албат Старокрымского района 140 полицейских и других пособников противника примкнули к партизанам за три дня до отступления немецких частей; в г. Евпатории 40 немецких пособников присоединились к партизанам за несколько дней до вступления Красной Армии в город... Бывшие полицейские и пособники оккупантов из числа примкнувших к партизанам, причастные к карательным действиям оккупантов, нами арестовываются, - отмечалось в докладной записке министра». [4, с. 65 – 66.]

Точное количество таких лиц, арестованных и осужденных в Крыму, остается неизвестным до сих пор. С 1941 по 1945 годы к высшей мере наказания в Крыму были приговорены 1509 человек, а с 1946 по 1953 гг. – 42 человека [1]. С высокой долей уверенности можно утверждать, что большинство из них – лица, осужденные за преступления, совершенные в период оккупации Крыма немецко-фашистскими захватчиками. Сложнее определить с количеством тех, кто был приговорен к лишению свободы в т.ч. и каторжным работам (25 лет). Имеется только общая статистика, но она охватывает всех осужденных по ст. 58 УК РСФСР в послевоенный период. В это время репрессиям подвергались лица, обвиняемые в антисоветской деятельности, т.н. «повторники» и т.д. В любом случае, речь может идти о 4 – 5 тысячах человек. Суды над изменниками родины и пособниками, как правило,

проводились без привлечения к ним общественного внимания. Доказательством этому может быть фактическое отсутствие материалов об этом в крымских газетах того времени. Исключением является только судебный процесс над военными преступниками, состоявшийся в Севастополе в 1947 году. На скамье подсудимых в большинстве были граждане Германии. Вина их – в массовых казнях советских граждан – судом была полностью доказана, но все преступники отделались только тюремными сроками. Это вызвало непонимание среди крымчан. Более подробно проанализировать ход севастопольского процесса, который по праву называют «крымским Нюрнбергом», не представляется возможным: материалы суда не опубликованы. До сих пор на них сохраняется гриф секретности. Обнародованы только несколько фрагментов, например, допрос Олендорфа, и доступными являются материалы газет, освещавших ход процесса. То же и с материалами других судебных процессов над военными преступниками, проходившими на территории СССР. Таких было 21. Изданы материалы, и то не полностью, только одного процесса – Киевского, состоявшегося в 1946 году.

Сегодня, спустя 70 лет, вряд ли есть причины сохранять секретность этих материалов, тем более что они крайне необходимы для сохранении исторической памяти среди последующих поколений. Современная молодежь – менее осведомленная об ужасах нацистских преступлений, не столь однозначно настроена на их осуждение. Порой даже предпринимаются попытки героизации нацистских преступников. Поэтому как никогда актуальной является задача информирования новых поколений о реальных фактах Великой Отечественной войны и воспитание их на примерах подвигов людей поколения 40-х годов.

В этой связи хочется подчеркнуть огромную эмоционально–воспитательную роль, которую играет Мемориальный комплекс памяти жертв фашизма в Симферополе. Его деятельность является примером действительно реального воспитания патриотизма и напоминанием всем, что несет с собой фашизм в любых его проявлениях.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Архив Главного Управления Службы Безопасности Украины в Автономной Республике Крым. – Д. с.35. – Л. 72. (дата обращения 2010 г.)*
2. *Асташкин Д. Советский Нюрнберг. Как судили военных преступников в СССР. / Родина. – 2015. - № 12. – С. 98 – 101.*
3. *Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга первая. – Симферополь: ИПЦ «Магистр». – 2004. – 408 с.*
4. *Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга вторая. – Симферополь: «Антиква». – 2006. – 392 с.*
5. *Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга четвертая. – Симферополь: «Антиква». – 2007. – 384 с.*
6. *Реабилитация репрессированных: законодательство и судебная практика под ред. В. Маляренко. – Киев: Юринком. – 1997. – 462 с.*
7. *Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: «Республика»: Верховный Совет Рос. Федерации. – 1993. – 223 с.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НКВД – Народный Комиссариат Внутренних Дел
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
УК – Уголовный кодекс

Оранский А. Н.
научный сотрудник музея
ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей» (г. Ялта)
e-mail: courage-soul@mail.ru

КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ: КУЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье раскрываются некоторые особенности организации и проведения Крымской конференции Большой тройки (февраль 1945 г.) В частности, упор делается на кулинарный аспект этой встречи. На основе ряда архивных материалов определяются имена главных поваров советской и американской сторон. Делается попытка выяснить судьбу этих людей. Кроме того приоткрывается завеса над спецификой переговоров «в кулуарах».

Ключевые слова: Переговоры, Крымская конференция, кухня, повар, Большая тройка, Ливадия, Алупка, Кореиз, тосты, договоренности.

Annotation: The article tells about some peculiarities of organizing and holding the Yalta Conference of the Big Three (February 1945). In particular, the emphasis is on the culinary aspect of this meeting. Based on a number of archival materials, the names of the chief-cookers of the Soviet and American sides are determined. An attempt is made to find out the fate of these people. In addition, the veil over the specifics of the negotiations «on the sidelines» is slightly opened.

Keywords: Negotiations, Yalta conference, cuisine, cook, Big Three, Livadia, Alupka, Koreiz, speeches, arrangement.

С 4 по 11 февраля 1945 года на Южном берегу Крыма проходило событие надолго определившее развитие европейской (и не только) политики. Это событие вошло в историю под названием Крымской (Ялтинской) конференции глав держав антигитлеровской коалиции. В этой встрече приняли участие главы Великобритании, Соединенных штатов Америки, СССР, а также высшие военно-политические сановники трех союзных держав. Встреча в Ялте предполагала сложную систему заседаний, двух и трехсторонних встреч, консультаций, обменов мнениями на высшем уровне, на уровне министров иностранных дел, военных представителей. Решались судьбы послевоенной Европы в целом и ряда европейских стран в частности, закладывались основы послевоенного мироустройства.

Восемь дней напряжения, споров и взаимных уступок, дипломатической борьбы и соглашений. Как завершить разгром нацистской Германии? Что будет с Германией после капитуляции? Будет ли вообще существовать эта страна? Польша и Югославия, Греция и Франция, Япония – их будущее определялось на этой встрече. Уникальная ситуация, когда судьбы целого мира оказались сосредоточены в руках трех человек: Черчилля, Рузвельта, Сталина. И этим людям надлежало определить, как распорядиться этой огромной властью.

«Нашей задачей является обеспечение мира по крайней мере на пятьдесят лет» (Рузвельт);

«Теперь мы имеем возможность избежать ошибок прежних поколений и обеспечить прочный мир» (Черчилль);

«Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран» (Сталин).

Сложные задачи, непростые решения, надолго идущие вперед планы. Такие дела не решаются за один присест, а уж тем более, натошак. И здесь уместно задаться вопросом когда, как и чем потчевали участников Крымской конференции в период ее работы.

Уже сразу после утомительного перелета с острова Мальта в Средиземном море, по прибытии на Крымскую землю – на Сакский военный аэродром; взаимных приветствий и обхода почетного караула, высокие англо-американские гости были приглашены перекусить после дальней дороги. Вспоминает Э. Стеттиниус: «Русские установили три большие палатки, где стояли столы со стаканами горячего сладкого чая с лимоном, бутылки водки, коньяка, шампанского, тарелками с икрой, копченой осетриной и семгой, сыром, вареными яйцами, черным и белым хлебом».[7. р. 125]

Рузвельт от приглашения отказался и отправился в дальнейший путь. Черчилль, напротив, проводив президента, зашел в палатку «и с явным удовольствием угощался русской водкой и икрой» [1. с. 443]. Вот как описывал первый прием Черчиллем пищи на крымской земле заместитель наркома Госбезопасности Крымской АССР полковник Ходжаев: «По предложению В. М. Молотова Черчилль и сопровождающие его лица зашли в палатку. Несмотря на военное время, стол в палатке изобиловал разнообразной едой, фруктами и напитками. Перед Черчиллем были поставлены водка и икра. Причем икра была намазана на небольшие кусочки хлеба, а сверху покрыта ломтиками лука. Когда В. М. Молотов поднял бокал и предложил тост за благополучный прилет английской делегации и успешное проведение конференции, Черчилль, поблагодарив В. М. Молотова за добрые слова, улыбнулся и, обращаясь к нему, заявил, что в Советском Союзе хорошо осведомлены о его вкусе и, показывая ка кусочки хлеба с икрой и лучком, добавил: «Это моя самая любимая закуска к водке». Все засмеялись и дружно выпили за здоровье Черчилля и британской делегации» [2]. Подкрепившись, английский премьер тоже поехал на Южный берег Крыма.

Это было только начало. Гостям предстояло вкусить сполна сталинского гостеприимства. Начнем с того, что всю тяжесть гастрономического обеспечения встречи взяла на себя принимающая, то есть советская сторона. Ставилась задача «ошеломить и подавить противника» кулинарными средствами. Посредством собственного желудка внушить ему уважение, почтение и восхищение огромными возможностями Советской страны. Ярким примером такого подхода стала конференция в Ялте. Ее политический успех нельзя отрывать от успеха кулинарного. В принципе, по воспоминаниям участников и очевидцев этого события можно сказать, что поставленная задача была выполнена (в прямом смысле) блестяще.

Для проведения Конференции было подготовлено по три тысячи ложек, ножей и вилок; из них четыреста наборов были серебряными, остальные – мельхиоровыми и стальными. Сотни кастрюль и сковородок, салатников и масленок, терок, сотейников и проч. И это еще не все: десять тысяч тарелок; шесть тысяч стопок, бокалов и рюмок; четыре тысячи блюд и чашек. Все это с учетом того, что страна уже несколько лет не выпускала столовых приборов.

«Когда в банкетном зале Большого Ливадийского дворца были накрыты столы, когда на них заискрилось серебро приборов и глянец фарфоровых сервизов, и когда столовая посуда, наполненная всевозможными яствами, была подана вместе с разнообразным бу-

кетом отличнейших первоклассных напитков, то лучше всех это оценил... Уинстон Черчилль».

Несколько подробнее хотелось бы остановиться на трех протокольных приемах, которые провели участники Конференции.

Четвертого февраля в 20.30, в Ливадийском дворце состоялся назначенный Рузвельтом ужин. «Хозяйкой» была дочь посла США в СССР мисс Кетлин Гарриман. Глав держав ждал обед с акцентом на русские деликатесы. По сведениям исследователя Р. Шервуда «готовили филиппинские повара, но из исключительно русских продуктов» [3. т 2, с. 569]. Набор прекрасных блюд дополнялся изысканной сервировкой. Участники Большой тройки сидели по одну сторону стола на стульях с прямыми спинками и сиденьями, передавая друг другу предложенные блюда и напитки.

В промежутках между тостами велась неторопливая беседа. Рузвельт поделился, что он рад находиться в Крыму и что всю жизнь интересовался новыми для него местами. Несколько ранее он отметил, что поражен бессмысленными и беспощадными разрушениями, произведенными немцами в Крыму.

За столом царил атмосфера добродушного юмора. Идиллия была ненадолго нарушена упоминанием о прозвище, которым наградили Сталина в своей переписке Рузвельт и Черчилль – «Дядя Джо» ... возникло сложное положение. Сталин спросил: «Когда я могу выйти из-за стола?». Ситуацию спас Джеймс Бирнс: «Вы же употребляете выражение «Дядя Сэм», так чем вас обижает «Дядя Джо»?!». Оказывается, что так Сталина называли в знак симпатии. Завершился обед около полуночи.

Восьмого февраля после окончания пленарного заседания в Ливадийском дворце, в Советской резиденции назначен был очередной официальный обед. В Юсуповском дворце Сталин угощал президента и премьер-министра. В Белом зале с красивым камином все было приготовлено для обеда большой тройки. Исследователи отмечали кувлинарные предпочтения Советского вождя: «с 1943, а особенно в 1944 – 1945 гг. значение в кулинарном репертуаре вождя стала играть общеевропейская дипломатическая кухня, усиленная русскими великолепными закусками из красной и черной икры, соленой и копченой красной рыбы. Роскошные дипломатические приемы на Тегеранской, а затем во время Крымской конференции задали высочайший и поистине имперский тон советским дипломатическим застольям. Помимо уникальных русских закусок, жаркое из дичи – рябчики, куропатки, тетерева, оленина, лосятина, домашняя птица – стали советскими кулинар-

ными «сенсациями», успешно соперничавшими своим чистым натуральным вкусом с изысками и гастрономическими фантазиями европейской (в основном французской) кухни...» [5. с. 6]. Как и на предыдущем протокольном приеме, подача блюд перемежалась многочисленными душевными тостами. «Маршал Сталин предложил тост за здоровье премьер-министра, которого он охарактеризовал как самого храброго правительственного деятеля в мире, он осушил бокал за Черчилля, за своего боевого друга и храброго человека... Премьер-министр в своем ответе отозвался о маршале Сталине, как о могущественном лидере могущественной страны, которая переломила хребет ... и выбросила тиранов со своей земли... Президент заявил, что он чувствует себя здесь, как в семейной обстановке, и что именно этими словами он хотел характеризовать отношения, существующие между нашими странами... «Наша задача – обеспечить каждому мужчине, женщине и ребенку на земле безопасность и благосостояние» – добавил он» [3. с. 586 – 588].

Каждый присутствующий произносил тост, многие тосты выпивались стоя. Майор Дж. Бирнс предложил тост «за простого человека»: «Мы предлагаем тосты за наших лидеров и это хорошо, но мы никогда не должны забывать простого человека, живущего на этой земле».

Интересный эпизод описал переводчик Рузвельта Чарльз Болен: «На этом обеде Сталин сделал одно из своих шуточных замечаний. Он предложил тост за тех, «кто работал, пока мы получали удовольствие» и поднял свой бокал за здоровье переводчиков... Я был выбран, чтобы ответить; видоизменил слова Коммунистического манифеста и провозгласил как лозунг «Переводчики всего мира объединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих боссов». Возцарилось недолгое молчание, затем Сталин рассмеялся, поднялся и, обойдя вокруг стола, чекнулся со мной и поблагодарил за мое остроумие» [6. с. 256].

Обед продолжался, он проходил весело и непринужденно. Провозглашено более тридцати тостов «стоя», а что касается их общего количества, имеются разные данные: от тридцати пяти до пятидесяти. По мнению госсекретаря США Эдуарда Стеттиниуса «20 блюд, 45 тостов и продолжительность до часу ночи» [6. с. 258]. Несомненно, обед у Сталина был одним из самых ярких событий на Крымской конференции.

Десятого февраля настал черед принимать высокопоставленных гостей на официальном обеде английскому премьеру Черчиллю. Назначен прием был на 20 ч. 30 мин., но, после утомительного

трудового дня, некоторые приглашенные задерживались. Начало пришлось перенести на полчаса.

Заключительный совместный завтрак Большой тройки на Крымской конференции состоялся одиннадцатого февраля в Ливадийском дворце. Правда, по времени начала и наполнению этот завтрак скорее можно было назвать обедом. Все участники были в приподнятом настроении, много говорили о мировой политике, о будущем «нового мира». Завершился завтрак фруктовым десертом в сиропе, после чего подписанием итоговых документов завершила работу и Конференция.

И вот тут нельзя обойти вниманием лиц, которые обеспечивали результат конференции в том плане, который заявлен в начале статьи, – поваров. Из материалов, которыми располагает Ливадийский дворец-музей, можно почерпнуть сведения о поваре, готовившем для И. В. Сталина и высших представителей советской делегации. Доментий Георгиевич Гогиберидзе, человек, не получивший профессионального кулинарного образования, но благодаря воле и таланту, сумевший достигнуть значительных высот на этом поприще. Долгое время являлся шеф-поваром московской гостиницы «Метрополь». По результатам Крымской конференции был отмечен благодарностями высокопоставленных участников и награжден орденом Ленина [6. с. 179].

Американская сторона тоже располагала своим штатом поваров. Во Всемирной сети имеются рассекреченные документы, посвященные поездке в Крым президента США. Благодаря этим материалам, мы установили имена поваров, сопровождавших Рузвельта в его поездке [8]. Итак, в записях Грейс Талли, среди других, упоминается имя некоего Мариано Флореска [9]. Этот человек обеспечивал питанием не только тридцать второго президента, но согласно документам, долгое время находился и при приемнике Рузвельта – Гарри Трумэне. Имеются документы, свидетельствующие о том, что Флореска сопровождал Трумэна во время его поездок на курорт Ки Уэст [10].

Возвращаясь к главному – встрече в верхах на Крымской земле. Лидеры государств остались довольны друг другом и проведенными переговорами. В немалой степени этому способствовала и кулинарная часть обеспечения встречи. Но история хранит еще множество тайн – как больших, так и малых, над которыми предстоит еще долго и скрупулезно работать исследователям. Так пожелаем успеха в этом непростом труде!

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Кузнецов Н. Г. *Курсом к победе.* – М., 1975.
2. *Воспоминания о Крымской (Ялтинской) конференции глав трех великих держав – Советского союза, США и Великобритании бывшего начальника 1 сектора охраны госбезопасности Ялтинской конференции полковника в отставке Н. М. Ходжаева 15 ноября 1985 г.* – с.2//Научный архив Ливадийского дворца-музея. КП1719/1 – 10, Д. – 78.
3. Шервуд Р. *Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: в 2 т.* – М., 1958.
4. Черчилль У. *Вторая мировая война: Сокр. Пер. С англ.* – в 3-х кн. – М., 1991.
5. *Эхо.* – 1997. – №44.
6. Юрченко С. В. *Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира.* – Симферополь, 2005.
7. Stettinius E.: *Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference.* – NY, 1949.
8. http://www.fdrlibrary.marist.edu/resources/images/tully/7_13c.pdf
9. <http://www.fdrlibrary.marist.edu/daybyday/daylog/february-12th-1945/>
10. <https://www.trumanlibrary.org/hstpaper/florescam.htm#series1>

Пахомова Н. А.

*научный сотрудник музея
ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»,
(г. Ялта)
e-mail: natka.sosnina@gmail.com*

К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА ДЛЯ КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ Г. ЯЛТЫ НА ОСНОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ 1944 – 1945 ГГ.

***Аннотация:** На основании актов комиссии по установлению и расследованию разрушений, причиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками по городу Ялте, хранящихся в архиве МКУК «Ялтинский историко-литературный музей», приведены некоторые данные по ущербу в разных сферах города, выраженные в денежном эквиваленте того периода.*

***Ключевые слова:** Ялта, немецко-фашистская оккупация, Восточный музей, Ялтинский городской театр им. А. П. Чехова, ущерб.*

***Annotation:** The article is devoted to the consequences of the Nazi occupation of 1941-1944 for Yalta's cultural and museum institutions. On the basis of acts of the Commission of the establishment and investigation of the destruction caused by the Nazi invaders and their accomplices in the city of Yalta there are given some data of damage in different areas of the city, expressed in monetary terms of the period. This documents are stored in the archive of the "Yalta historical and literary Museum".*

***Keywords:** Yalta, German-fascist occupation, Oriental Museum, Yalta City Theater of A. P. Chekhov, the damage.*

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. затронула все сферы жизни советского общества, одну из которых можно напрямую связать с историческим наследием. Крым – уникальный регион. В его многочисленных культурно-исторических памятниках отражены события разных эпох и народов. Несмотря на большое разнообразие исследовательских работ, посвященных событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Крыму, Южный берег и Ялта, как административный центр округа, в настоящий момент представляет собой «белое пятно». Очень скудно раскрыта тема ялтинских партизан и подпольщиков, лишь отдельные упоминания в справочниках-путеводителях, газетной публицистике, в мемуарной литературе участников партизанского движения и компилятивные статьи без какого-либо научного аппарата из открытых интернет-источников. Цель данной работы – ввести в научный оборот выявленные в архиве МКУК «Ялтинский историко-литературный музей» источники 1944 года.

Ялта накануне Великой Отечественной войны – центр Ялтинского района, город-курорт, Всесоюзная здравница, крупный административный, культурный и научный центр. В Ялтинском районе в нач. 1941 года проживало 46693 человека, функционировало 108 санаториев (в Ялте – 39), в которых ежегодно лечились и отдыхали около 120 тыс. человек со всего Союза. Из предприятий действовали институт климатотерапии и туберкулеза им. Семашко (старый корпус гостиницы «Виллы Елены»), морзверрыбзавод, ледоделательный завод, винкомбинат «Массандра», научно-исследовательский институт «Магарач», Никитский ботанический сад и другие [1, с. 48 – 49], [6].

22 июня 1941 года началась война и уже в середине июля, когда над Крымом нависла угроза вторжения, было принято решение об эвакуации в глубь страны промышленных предприятий, а также культурных ценностей [2, с. 2]. Научные сотрудники Объединенного краеведческого музея Ялты еще в июле-августе подготовили наиболее ценные экспонаты (фарфор, фаянс, слоновую кость, керамику, ткани, ковры), научный архив к эвакуации [1, с. 65 – 159].

Путь экспонатов лежал через Сталинград, оттуда в августе 1942 г. – в г. Уральск, Красноярск, Новосибирск и Краснодар [3, с. 7].

Однако судьба эвакуированных ценностей вызывает многочисленные вопросы. В Симферопольском архиве сохранился запрос от 24 ноября 1944 года – уточнить о состоянии реэвакуации предметов Ялтинского музея. На что был получен ответ:

«...На днях в гор. Симферополь прибыли из г. Уральска эвакуированные предметы Ялтинского музея краеведения в количестве 12 ящиков. Упаковка повреждена» [4, л. 163].

Известно, что помимо ящиков эвакуировались еще тюки с коврами и учетная документация, которая в итоге оказалась полностью утраченной. По некоторым сведениям, она находилась на борту затонувшего теплохода «Армения».

В том же документе имеется просьба – выслать инструкции по учету предметов, так как «система учета полностью уничтожена... в музее не сохранились инвентарные книги и др. документы» [4, л. 163].

8 ноября 1941 г. Ялта была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Наступили 879 дней оккупационного режима [5, с. 50].

Войска противника не чувствовали себя уверенно и безопасно в городе. Они боялись высадки советского десанта со стороны моря, поэтому на Набережной были построены доты, улицу Морскую перегородили каменной стеной. Эти укрепления строились ялтинцами под надзором полиции. За отказ от работы грозил расстрел [6].

Не углубляясь в тему массовых расстрелов, борьбу партизан и подпольщиков в ялтинском районе, перейдем непосредственно к последствиям.

16 апреля 1944 года город был освобожден. В июле месяце в Ялте работала комиссия по установлению и расследованию разрушений. В архиве Ялтинского историко-литературного музея хранятся акты и заключения данной комиссии, а также свидетельства местных жителей о злодеяниях и расстрелах оккупантов.

Согласно опубликованным данным, из Восточного музея (бывший дворец Эмира Бухарского) была украдена коллекция из 86 персидских, туркменских, турецких и кавказских ковров XVIII и XIX веков, 310 японских и китайских ваз XVIII – XIX веков, свыше 100 экспонатов из коллекции клуазоне, художественные вышивки, бронзовые и лакированные изделия [2, с. 4 – 5].

Полностью разграблена коллекция иранского искусства – 320 штук посуды, ткани и вышивки, более 1000 экспонатов этнографической коллекции музея [2, с. 4 – 5]. Уничтожена наиболее ценная часть археологической коллекции, погребальный инвентарь таврских могильников, свыше 50 экспонатов древнегреческих сосудов VII – VI вв. до н. э., ценнейшая коллекция посуды Боспорского царства и многое другое. Полностью уничтожен отдел природы. Разграблена выставка живописи и графики, картины советских ху-

дожников (836 – маслом, 400 – акварелью). Среди них отличные копии картин Айвазовского, Шишкина, Репина и др. Ущерб, нанесенный только художественному отделу, составил 3.996.280 р. [7, л. 7].

Всего из 10 тысяч экспонатов музея разграблено, уничтожено и вывезено более 9 тысяч. Само здание разрушено на 83 %. При отступлении войска противника музей подожгли. Уничтожена богатая отделка, выполненная узбекскими народными мастерами [7, л. 7].

К концу Великой Отечественной войны также прекратил свое существование дом-музей им. Найденова [8].

Следующие сведения относятся к Ялтинскому городскому театру им. А. П. Чехова:

«В ноябре-декабре 1941 года в нем были расквартированы немецко-фашистские военные части. В фойе театра, где находилась выставка картин из Москвы... была устроена кузница для подковки лошадей. В других помещениях театра устроен ремонт мотоциклов. В некоторых залах были походные кухни.... Печи растапливали театральными креслами и стульями. Офицеры и солдаты стреляли в картины. Ткани, бархат, ковры, живопись театра и филармонии были вывезены». При бегстве из Ялты фашисты подожгли театр. Ущерб – 2.661.433 р. [7, л. 6 об.].

Накануне войны в городе работали медико-фармацевтическая школа, техникум спецкультур, музыкальная школа и педагогическое училище. Кроме того, в Ялте было пять средних и три начальные школы. В двух средних школах гитлеровцы устроили конюшни, а большинство остальных превратили в казармы. Оборудование и учебные пособия были почти полностью уничтожены [7, л. 6].

Были разрушены все имеющиеся в Ялте 11 детских садов. Разграблено имущество и инвентарь детского дома и Дома Пионеров. Пострадали здания центральной городской библиотеки им. А. П. Чехова и библиотек других учебных заведений, санаториев, научно-краеведческая библиотека Ялтинского музея [7, л. 7 об.].

Большой ущерб был нанесен курортным организациям города. До оккупации в Ялте действовало 39 санаториев. Из них 8 сожжены полностью (санаторий им. Сталина, «Большевик» и др.), остальные – разграблены [7, л. 7].

Пострадали организации здравоохранения. Полностью разрушен корпус инфекционной больницы, корпус малярийной станции, вывезено имущество и инвентарь родильного дома, терапевтической больницы. Общий ущерб – 4.293.235 р. [7, л. 7 об.].

Разрушениям подверглись 42 различных государственных учреждения, к ним относятся органы Горисполкома, банки, народные суды, прокуратура. Ущерб – 37.196.254 р. [7, л. 7 об.].

Колоссальные потери город получил и в области озеленения и паркового хозяйства. Уничтожено 23 га многолетних насаждений питомника им. Калинина (бывший сад Эрлангера) и Массандровского парка площадью 83 га, среди которых – редчайшие экземпляры растений, типа пальма «Лотагия» в возрасте 115 лет, стоимостью в 360 тыс. рублей, кедр «Атласский» – 60 лет и другие. Общий ущерб – 10.512.344 р. [7, л. 8].

Таким образом город был разрушен практически полностью. Набережная им. Ленина обвалилась в двух местах, чем была создана опасность сползания в море всей этой части города, дороги и мосты наполовину пришли в негодность. Сильно пострадало энергоснабжение и канализация. Электростанция мощностью 1600 кВт. взорвана, подземное кабельное хозяйство разрушено, все трансформаторное хозяйство и почти все электросети выведены из строя [7, л. 8].

Водопровод длиной 104 км пострадал в очень сильной степени, возникла угроза «недоснабжения» города питьевой водой [7, л. 8].

Ущерб в целом по городу за полуторагодовое пребывание здесь немецко-фашистских захватчиков составил 310.319.717 р. [л. 9 об.].

16 апреля 1944 г. город был освобожден. После окончания Великой Отечественной войны Ялта вошла в список городов первоочередного восстановления. И следует отметить, что за 10 лет курорт был практически восстановлен [1]. Однако, если коммунальные предприятия и жилой фонд можно было построить заново, многие богатства города были и остаются утраченными безвозвратно. Музеи так и не смогли вернуть утраченные ценности в том объеме, в котором они были представлены до войны.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванова Л. М., Ливицкая З. Г., Меркушева Л. В., Ткачук О. П., Фоменко И. Ф. Ялта / под. ред. С. Б. Филимонова. – Симферополь: «ЧерноморПРЕСС», 2006. – 260 с.
2. Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // IV Таврические чтения. Симферополь, 2004. URL: <http://history.org.ua/LiberUA/MuzKrVOV/MuzKrVOV.pdf> (дата обращения 22.03.2018)
3. Иванова Л. М., Ливицкая З. Г., Мельник Ю. З., Науменко И. В., Петренко Л. В. Тайны старой Ялты: улицы, дома, люди. . – Симферополь: Н. Оріанда, 2017. – 416 с.
4. ГАРК ф. Р-20 о.11, д.1 л. 163
5. Гурьянова Н. М., Гурьянов Н. А. Памятники Ялты: Справочник. – Симферополь: Таврия, 1985. – 185 с.
6. Ялта, которую мы должны помнить // Старая Ялта. URL: <http://oldyalta.ru/551-yalta-kotoruyu-my-dolzheny-pomnit.html> (дата обращения 22.03.2018)
7. МКУК «ЯИЛМ» о. 2, д.1, лл. 6 – 9.
8. Улица Володарского, 11 // Путеводитель по Старой Ялте. URL: <http://crimean.info/page-id-268.html> (дата обращения 22.03.2018)

Плужник П. Б.

*старший научный сотрудник музея
ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»*

(г. Ялта)

e-mail: ppluznik@mail.ru

ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА В ЛИВАДИИ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1945 ГОДА

***Аннотация:** Вторая мировая война, развернувшаяся между двумя крупнейшими военно-политическими коалициями на огромной территории с массированным применением новейших образцов вооружения и военной техники, стала самой кровопролитной в истории и унесла миллионы человеческих жизней.*

Внезапное нападение Германии на СССР летом 1941 года стало серьезным испытанием для всей системы советского здравоохранения. Потребовалось на ходу, в неблагоприятных условиях отступления, формировать мощную госпитальную базу, способную объединить эвакуацию и лечение огромного количества раненых и больных на фронте и в тылу в единый, непрерывный процесс. Ключевым звеном этой системы стали эвакуационные госпитали НКО и НКЗ СССР.

В своей статье автор приводит перечень и дает краткую характеристику эвакуационных госпиталей, функционировавших в Ливадии на протяжении 1944 года, а также отмечает роль военной медицины в послеоккупационном восстановлении Ливадийского курорта и ее вклад в благоприятный исход Крымской конференции.

***Ключевые слова:** Военная медицина, госпитальная база, эвакогоспиталь, Ливадия, 1944 год, Крымская конференция.*

Annotation: *The World War II, which unfolded between the two largest military and political coalitions on a vast territory with massive use of the latest weapons and military equipment, became the most bloody in history and claimed millions of human lives.*

The sudden attack of Germany on the USSR in the summer of 1941 was a serious test for the whole system of Soviet health care. It was required on the move, under adverse retreat conditions, to form a powerful hospital base capable of combining the evacuation and treatment of a large number of wounded and sick at the front and in the rear into a single, continuous process. The hook-up link of this system was the evacuation hospitals of the NKO and the NKZ of the USSR.

In his article the author gives a list and gives a brief description of evacuation hospitals functioning in Livadia throughout 1944, and also notes their role of military medicine in the post-occupation restoration of the Livadia resort and its contribution to the favorable outcome of the Crimean conference.

Keywords: *Military medicine, hospital base, evacuation hospital, Livadia, 1944, the Crimean conference.*

Внезапное нападение Германии на Советский Союз летом 1941 года поставило медицинскую службу Красной Армии в крайне тяжелое положение. Масштабная война потребовала организовывать непрерывное лечение огромного количества раненых и больных на передовой и в тылу, для чего необходимо было быстро сформировать мощную госпитальную базу, способную объединить эвакуацию и лечение в единый, непрерывный процесс. Основная нагрузка легла на эвакогоспитали, сформированные по линии различных ведомств – НКО, НКЗ и ВЦСПС. В августе 1941 года Военно-санитарную службу подчинили Тылу Красной Армии с целью организации единого руководства всеми медицинскими учреждениями находящимися в прифронтовой полосе. В ведении Наркомздрава СССР остались только эвакогоспитали сформированные в тыловых районах страны. По такому же принципу была сформирована госпитальная база Крымского гарнизона в первые месяцы войны. Летом 1941 года в Крыму, на базе ликвидированных здравниц по линии гражданских ведомств, был сформирован 51 эвакогоспиталь, включая 18 южнобережных. Деятельность южнобережных госпиталей продолжалась до последней возможности. Наиболее ярким, по-

лучившим всеобщую известность, свидетельством тому является эвакуация нескольких сот раненых из Ялты последним, трагическим рейсом теплохода «Армения» 7 ноября 1941 года. И все же гибель теплохода «Армения» это скорее трагическая случайность. Основную часть раненых и медперсонала южнобережных госпиталей, включая два ливадийских, удалось морем, в плановом порядке, эвакуировать на Кавказ без существенных потерь. Имущество южнобережных здравниц было оставлено без эвакуации и в последующий период было полностью утрачено. Основной ущерб лечебной базе Ливадийского курорта был нанесен в начале ноября 1941 года. В соответствии с приказом ГКО, отступавшие к Севастополю подразделения Красной Армии уничтожили лучшие по уровню медицинского оснащения ливадийские здравницы, подожгли Малый ливадийский дворец и взорвали виадук дороги ведущей в Ялту. Из девяти довоенных здравниц в Ливадии уцелело семь, включая санаторный комбинат им. Сталина НКЗ РСФСР. Полностью были разрушены санаторий № 2 СКО ВЦСПС и санаторий Наркомзема СССР [1, л. 10; 2, л. 81]. Уцелевшие здравницы существенно пострадали в период оккупации от грабежей, бесхозяйственности и варварской эксплуатации. На первом заседании Ялтинского горкома ВКП(б), состоявшемся 18 апреля 1944 года, было заявлено: «...имущество и медицинское оборудование всех лечебных учреждений полностью разграблено...» [3, л. 2].

Операция по освобождению Крыма началась весной 1944 года. ЮБК был освобожден 16 апреля, но наиболее кровопролитные бои за Севастополь оставались еще впереди. Для размещения раненых в период штурма Севастополя необходимо было в кратчайшие сроки ввести в эксплуатацию все уцелевшие здравницы южнобережья. С целью скорейшего восстановления структуры управления южнобережных курортов здесь были сформированы Курортные управления санаториями и госпиталями Профсоюзов и Наркомздрава. Уже 28 апреля 1944 года руководители Курортных управлений доложили о готовности к функционированию 1-й очереди санаторных учреждений на 5.000 коек [4, л.4 – 6]. В их число вошли наиболее сохранившиеся южнобережные здравницы, включая санаторий №10 им. Сталина на 700 коек и санаторий «Ударник» на 200 коек из состава Ливадийской курортной конторы [5, л.2 – 9; 6, л. 3]. На базе ливадийских здравниц Военно-санитарное управление 4-го Украинского фронта развернуло 1.000 госпитальных мест для

приема фронтовиков, раненых под Севастополем в начале мая 1944 года [7, л. 60].

Таким образом, все послевоенное восстановление Ливадийского курорта оказалось непосредственно связано с деятельностью эвакуационных госпиталей НКО, продолжавшейся здесь до конца 1944 года. О работе этих военно-медицинских учреждений известно мало. Фронтные эвакуационные госпитали, обычно специализированные, составляют, как правило, второй эшелон госпитальной базы фронта и размещаются на удалении до 100 км от передовой. Подчиняясь фронтовому тылу, эти подразделения имели статус воинских частей, сведения о которых в военное время не подлежали разглашению. Из доступных исследований источников известно, что в 1944 году на территории Ливадии временно дислоцировались три эвакуационных госпиталя 4-го Украинского фронта.

Здания дворцового типа санатория № 10 им. Сталина, включая Большой дворец, а также новый корпус и столовую санатория «Ударник» занимал специализированный челюстно-лицевой эвакогоспиталь (СПЭГ) № 2343. Первое формирование состоялось 2.07.1941 года в составе Юго-Западного фронта (Тернополь). Второе формирование – 30.04.1942 года в составе Северо-Кавказского фронта (Тамань). Пройдя долгий боевой путь в составе Северо-Кавказского, Сталинградского и 4-го Украинского фронтов эвакогоспиталь оказался в Ливадии, где функционировал в период с 19.05.1944 до своего расформирования 08.09.1944 года. В фондах ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей» имеются фотодокументы и материалы мемуарного характера, содержащие сведения о ливадийском периоде деятельности этого лечебного учреждения, главное отделение которого, размещалось непосредственно в Ливадийском дворце [8]. Известны имена некоторых руководителей этого госпиталя. Должность начальника госпиталя занимал полковник медицинской службы В. А. Обуховский, начальника медицинской части – майор м/с Л. И. Финкельштейн, помощника начальника госпиталя по снабжению – капитан Л. И. Каплунова, начальника челюстно-лицевого отделения и зуботехнической лаборатории – майор м/с А. Я.Тарловский, старшей медсестры – Р. И. Зак и другие. Челюстно-лицевое отделение было основным подразделением госпиталя и решало наиболее сложные лечебные задачи. В составе этого отделения насчитывалось около 50 человек медперсонала, включая 13 офицеров-медиков. Возглав-

лявший отделение майор м/с А. Я. Тарловский получил до войны прекрасное профильное образование, обладал практическим опытом работы в области военной медицины и пользовался заслуженным авторитетом среди специалистов. А. Я. Тарловский родился 1 октября 1910 года. После окончания Харьковского медицинского стоматологического института с отличием в 1933 году он был оставлен на кафедре челюстно-лицевой хирургии аспирантом. В 1937 году А. Я. Тарловский был призван на военную службу и как кадровый офицер получил назначение на должность заместителя начальника Окружной зуботехнической лаборатории Харьковского военного округа. В 1939 году в должности начальника зуботехнической лаборатории № 339 12 Армии (Ивано-Франковск) он получает боевое крещение в период Польской кампании. С начала ВОВ Тарловский А. Я. в рядах РККА в должности начальника челюстно-лицевого отделения госпитальной базы Северо-Кавказского, Сталинградского и 4-го Украинского фронтов. В 1942 году под его руководством из города Нальчик, непосредственно перед вступлением в него врага, было эвакуировано 12.000 раненых, за что офицер-медик представлен к правительственной награде. После расформирования СПЭГ № 2343 в Ливадии осенью 1944 года Тарловский А. Я. будет до конца войны занимать должность начальника стоматологического отделения Харьковского окружного военного госпиталя.

В лечебных, административных, хозяйственных и части подсобных зданий санатория № 10 им. Сталина до декабря 1944 года размещался общехирургический эвакуогоспиталь (ЭГ) № 1008 51-й общевойсковой армии 4-го Украинского фронта, сыгравшей решающую роль в ходе Крымской наступательной операции [9, л.17 – 28]. Это лечебное учреждение прошло долгий боевой путь в составе нескольких фронтов – Южного, Юго-Западного, Сталинградского, 4-го Украинского (Крымской АССР, Ливадия 11.05.1944 – 01.01.1945) и 1-го Белорусского.

В период штурма Севастополя, с 01.05.1944 по 15.05.1944 года, в Ливадии также находился, вероятно в резерве, не разворачивая лечебной базы, общехирургический эвакуогоспиталь № 4427 из состава госпитальной базы 4-го Украинского фронта. После освобождения Крыма это лечебное учреждение, с непродолжительными остановками в Ялте и Бахчисарае, покинуло полуостров, а позже, в составе своего фронта, принимало участие в освобождении Западной Украины, Польши и Чехословакии.

Можно предположить, что для фронтовых госпиталей, привыкших к работе в суровых условиях передовой, размещение в корпусах бывшего царского имения оказалось вполне приемлемым, даже с учетом известных ограничений их эксплуатации и минимальных бытовых удобствах в наспех отремонтированных помещениях. Понимая исключительную историческую и культурную ценность многих южнобережных зданий, в целях обеспечения их сохранности, штаб тыла Красной Армии совместно с НКЗ СССР издали Приказ № 100/300 от 13 мая 1944 года, определявший порядок временного размещения госпиталей и прочих тыловых подразделений Красной Армии. Приказ предусматривал обязательное документальное оформление приема-передачи зданий воинскими подразделениями администрации курортных управлений, а также определял порядок контроля за состоянием зданий и ответственность за нанесенный ущерб [10, л. 9]. Принятые меры способствовали сохранению культурного наследия, но не решали всех проблем – в ходе эксплуатации зданий возникало множество проблем и непредвиденных ситуаций. Директор южнобережного курортного управления Галенин К. А. докладывал народному комиссару здравоохранения СССР Митереву Г. А.: «...опыт размещения в Ливадии 2-х госпиталей НКО летом 1944 года показал всю несостоятельность двойного хозяйственного руководства в Ливадии. Оставлять Ливадию без единого хозяйственного руководства нельзя, ибо это приведет к еще большему разрушению ценнейших исторических зданий и всего паркового хозяйства. Ливадия представляет собой курорт закрытого типа с многопрофильным, выстроенным хозяйством, которое требует единого руководства» [11, л. 117].

К осени 1944 года, по мере продвижения фронта на Запад, деятельность южнобережных эвакуогоспиталей, оставшихся в глубоком тылу, постепенно затихает. Количество раненых, по мере выздоровления, сокращается. Не имея нового поступления эвакуогоспитали начинают переключаться с раненых фронтовиков на больных ветеранов войны. В сентябрьской сводке «О дислокации, емкости и профиле госпиталей ЮБК» отмечается, что в Ливадии, на базе санаторного комбината им. Сталина и санатория «Ударник» в настоящее время функционирует 1300 коек для фронтовиков больных туберкулезом легких [12, л. 45, 60]. Учитывая сложившиеся обстоятельства, правительство ставит перед южнобережными курортами новые задачи. Решением СНК

СССР от 25 августа 1944 года было предписано развернуть на ЮБК сеть эвакуогоспиталей НКЗ СССР для долечивания генералов, офицеров и бойцов Красной Армии на 4.200 коек, а с учетом санаториев для тружеников тыла, предполагалось развернуть 5.390 коек [13, л. 20; 14, л. 74]. Для решения этой задачи планировалось перебросить в Крым к началу 1945 года из тыловых районов страны, преимущественно Средней Азии, одиннадцать действующих госпиталей Наркомздрава, укомплектованных профессиональными кадрами и необходимым медицинским оборудованием [15, л. 102]. Для размещения прибывающих лечебных учреждений были выделены лучшие санаторные здания южного бережья. В Ливадии планировалось развернуть 1100 коек для лечения больных с закрытой формой туберкулеза легких на базе двух тыловых эвакуогоспиталей НКЗ СССР – туберкулезного ЭГ № 3601 на 600 коек и хирургического ЭГ № 3975 на 500 коек. Для их размещения выделялись корпуса санаториев № 10 им. Сталина и «Ударник», которые до конца года должен был освободить еще оставшийся здесь фронтовой ЭГ № 1008 [16, л. 20]. С целью избежания двойного руководства на территории курорта без уменьшения общей емкости коечного фонда было принято решение объединить прибывающие в Ливадию лечебные учреждения на базе туберкулезного ЭГ № 3601 [17, л. 117]. Осенью 1944 года железнодорожный состав из 36 вагонов доставил из Актюбинска (Казахская ССР) в Крым имущество и медицинский персонал ЭГ № 3601, насчитывавший более 300 человек, включая 13 врачей и 40 медсестер, во главе с военврачом 2 ранга С. И. Милославским. Уже в ноябре 1944 года этот госпиталь приступил к работе в Ливадии. ЭГ № 3975, которым руководил военврач 2 ранга И. И. Кирилов, к этому времени прислал в Ливадию из Уральска (Казахская ССР) своего представителя [18, л. 118].

Начало функционирования тыловых эвакуогоспиталей на ЮБК было сопряжено со значительными трудностями. Не имевшие, в отличие от фронтовых госпиталей, централизованного снабжения, они были плохо приспособлены к полностью автономной жизнедеятельности и целиком зависели от местной власти, по всем вопросам, включая размещение сотрудников, а также обеспечение их продовольствием, вещевым и прочим имуществом. Документы партийного архива ГА РК свидетельствуют о крайней нужде медперсонала лечебных учреждений, переброшенных в Крым поздней осенью 1944 года [19, л. 47].

О серьезных недостатках в подготовке южнобережных курортов говорится в Постановлении ЦК ВКП(б) «О работе Крымского обкома ВКП(б)», принятом осенью 1944 года. Лишь ценой самоотверженного труда и максимального напряжения сил медицинских работников южнобережные курорты начнут функционировать к концу 1944 года в режиме близком к традиционному. Вскоре в план восстановления курортов пришлось внести серьезные коррективы. В соответствии с решением Советского правительства о проведении в Крыму Ялтинской конференции, из курортного фонда были изъяты и переданы в распоряжение НКВД Алупкинский дворец и Ливадия, со всеми прилегающими парками и подсобным хозяйством. В январе 1945 года приказом НКЗ СССР три из девяти развернутых на ЮБК тыловых эвакуогоспиталей – два ливадийских и один алупкинский – были расформированы. Ливадийская курортная контора продолжала функционировать до мая 1945 года. Она выполнила все возложенные на нее задачи и обеспечила благоприятные условия для проведения в Ливадии встречи «большой тройки». Самоотверженный труд коллектива конторы, которым руководил Р. Р. Назаров, позволил своевременно ввести в эксплуатацию все уцелевшие корпуса ливадийских здравниц и поддерживать их на уровне, необходимом для успешной работы военно-медицинских учреждений на протяжении всего послеоккупационного периода. Длительное прибывание учреждений военной медицины обеспечило в Ливадии высокий уровень эпидемиологической безопасности, в отличие от остальной территории Крыма, крайне неблагоприятной после оккупации в отношении ряда инфекционных заболеваний. Известно, что премьер-министр Великобритании У. Черчилль, упорно сопротивлявшийся выбору Ливадии в качестве места встречи «большой тройки», писал президенту США Ф. Рузвельту: «...мы не могли бы найти в мире худшего места, чем Ялта, даже если бы искали десять лет... эти районы кишат вшами, там свирепствует тиф» [20, с. 41]. Подтверждение опасениям У. Черчилля можно найти даже в документах ГА РК. Так, в разгар подготовки Крымской конференции, 16.01.1945 года в ялтинское Управление курортов обратился заместитель начальника 4-го Строительного Управления ГУАС НКВД СССР Е. Р. Явелов с просьбой отпустить через него, размещавшейся в Ливадии комендатуре НКВД, 40 кг пиретрума для «...неотложно срочных нужд» [21, л.75 – 83]. В период подготовки Крымской конференции

подразделения Главного управления аэродромного строительства на ЮБК, используя труд военнопленных, занимались ремонтом дорог, зданий, сооружений, прокладкой коммуникаций и строительством бомбоубежищ. На территории Кореиза, Гаспры и Ливадии в то время размещались отделения нескольких лагерей военнопленных: №№ 12, 241, 332 и 24299 [22, л. 51]. Так что опасность была где-то совсем рядом...

В результате вынужденной реорганизации, численность курортного коечного фонда сократилась на треть, но это не внесло дополнительного напряжения в работу оставшихся лечебных учреждений. Документы крымских архивов констатируют парадоксальную ситуацию, сложившуюся на ЮБК к началу 1945 года: «Госпиталя подготовлены к приему пациентов, но больных и раненых – нет, и не только тех, кому по климатическим условиям показан Крым, но даже общехирургических больных. За 5 – 6 месяцев было принято около 800 человек раненых ... из госпиталей НКЮ, ранее находившихся на ЮБК и переведенных на фронт. Небольшой контингент поступил из Симферополя. Из этого небольшого количества... 150 венерических больных» [23, л. 1 – 15]. Такое положение дел долго терпимым быть не могло. В центральные органы начали поступать предложения о необходимости реорганизовать южнобережные эвакуогоспитали Наркомздрава в санатории для инвалидов войны и труда. Инициатива с мест была поддержана и наступивший новый, победный, 1945 год открыл следующую страницу в истории южнобережных здравниц.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАРК. Ф.р.- 4048, оп.1, д.6.
2. ГАРК. Ф.84, оп.1, д.50.
3. Там же. Д.38.
4. Там же.
5. Там же. Д.180.
6. Там же. Д.42.
7. ГАРК Ф.р.- 3868, оп.1, д.2.
8. Фонды ГБУК РК ЛДМ КП3337 ф.1225; КП3368 ф.1119; КП3336 ф.1224; НВ339 — 357
9. ГАРК Ф.р.-3868, оп.1, д.16.
10. Там же. Д.1.
11. Там же.
12. Там же. Д.2.
13. ГАРК Ф.83, оп.1, д.179.
14. Там же. Д.50.
15. ГАРК Ф.р. 3868, оп.1, д.1
16. Там же. Ф.83, оп.1, д.179.
17. Там же. Ф.р.3868, оп.1, д.1.
18. Там же.
19. Там же. Ф.84, оп.1, д.39.
20. Юрченко С. В. Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира./ С. В. Юрченко. – Симферополь: Издат. дом «Крым», 2005 – 340 с.
21. ГАРК Ф.р.-3868 оп.1, д.21.
22. ГАРК Ф.р.-3868, оп.1, д.45.
23. Там же. Ф.84, оп.1, д.55.

Попов А. Д.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической Академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь), научный сотрудник ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»
e-mail: popalex79@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СОВЕТСКОМ МЕМОРИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ¹

***Аннотация:** В статье на основе официальных документов и эго-источников автор обосновывает тезис о системообразующем значении памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войне в советском дискурсе, рассчитанном как на зарубежную, так и на внутреннюю аудиторию. Констатация решающей роли СССР в разгроме фашизма и недопустимости повторения новой мировой войны стали идейными доминантами, которыми объяснялось отношение советской стороны к историческому прошлому, настоящему и будущему. В случае с иностранными гражданами признание ими этих идей оценивалось как свидетельство их дружественной позиции по отношению к СССР, а в случае с советскими людьми – как признак политической лояльности.*

***Ключевые слова:** историческая память, официальный дискурс, города-герои, культурная дипломатия, мемориальная дипломатия, холодная война, СССР.*

¹ Исследование в части анализа советской «мемориальной дипломатии» и роли в ней исторической памяти о Второй мировой войне выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10213), а в части характеристики внутренней мемориальной политики – при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00576).

Annotation: *In the article on the basis of official documents and an ego sources the author proves a thesis about system-forming value of memory of World War II and the Great Patriotic War in the Soviet discourse intended both on foreign and on internal audience. Emphasizing of a crucial role of the USSR in defeat of fascism and inadmissibility of repetition of new world war became ideological dominants by which the relation of the Soviet party to the past, the present and the future was explained. In a case with foreign citizens recognition of these ideas by them was estimated as the certificate of their friendly position in relation to the USSR, and in a case with the Soviet people – as sign of political loyalty.*

Keywords: *historical memory, official discourse, hero cities, cultural diplomacy, memorial diplomacy, the Cold War, USSR.*

После окончания Второй мировой войны Советский Союз оказался в принципиально новой геополитической ситуации. Он превратился в мировую сверхдержаву, лидерский статус которой подкреплялся, прежде всего, огромной ролью СССР в разгроме фашистской Германии и её союзников. Международный имидж «страны Советов» значительно улучшился, благодаря чему резко увеличилось количество иностранцев из самых разных национальных, религиозных и социальных групп, которые открыто симпатизировали Советскому Союзу. В августе 1945 г. в докладной записке на имя высшего руководства страны председатель ВОКС В. С. Кеменов сообщал: «Если в начале существования советского строя советскую культуру признавали лишь небольшие группы левой интеллигенции и члены зарубежных компартий, то сейчас, в результате Великой Отечественной войны, произошел коренной перелом, – среди населения различных стран мира прочно установилось признание огромной силы советской культуры и ее прогрессивного характера. В зарубежных странах возникли мощные организации дружбы и культурных связей с СССР, имеющие многочисленные отделения на периферии» [цит. по: 16, с. 14]. Кроме того, героические и трагические события 1941 – 1945 гг. имели огромный идейный потенциал для консолидации советского общества, каждого из представителей которого затронула беспрецедентная по своим масштабам и степени антагонизма война. Именно поэтому после 1945 г. историческая память о Второй мировой и Великой Отечественной войне постепенно становится системообразующим элементом советского дискурса, обращенного как к внутренней, так и к внешней аудитории.

«Мемориальная дипломатия» наиболее активно реализовывалась на территории вошедших в сферу влияния СССР стран Центральной и Восточной Европы. Особенно показательным является случай ГДР, власти и население которой, несмотря на тень нацистского прошлого, на протяжении второй половины 1940-х – 1980-х гг. демонстрировали лояльность советской картине исторической памяти о войне, что проявлялось в создании и функционировании мемориальных комплексов, постройке памятников советским воинам, совершении ритуальных практик и постоянном воспроизводстве соответствующих нарративов. Такие объекты, как Трептов-парк, Потсдам и Карлсхорст, Бухенвальд становились местами формирования «общей» памяти о войне, которая должна была не разделять бывших противников, а объединять партнеров по социалистическому лагерю [подробнее см.: 7; 10].

8 мая 1949 г. во время открытия величественного мемориала советским воинам в Трептов-парке, созданного по проекту советского скульптора-монументалиста Е. В. Вучетича, председатель Совета Министров ГДР Отто Гротеволь заявил: «Четыре года назад здесь бушевало пламя священной войны. Ныне мы, немецкие антифашисты, вместе с вами, дорогие друзья, склоняем свои головы над прахом павших советских воинов-героев. Мы никогда не забудем подвига Советской Армии, спасшей немецкий народ от ужасов фашизма. Мы будем неустанно повторять нашим детям, что своей жизнью они обязаны великому Советскому Союзу» [цит. по: 8, с. 12 – 13].

В свою очередь, посещавшие перечисленные выше мемориальные объекты советские граждане (члены официальных делегаций, туристы, военнослужащие ГСВГ и члены их семей) воспринимали их наличие как проявление дружбы со стороны жителей Восточной Германии, как свидетельство их лояльности к советской концепции исторической памяти и искреннего покаяния. Это подтверждают, в частности, записи советских гостей в книгах отзывов, сделанные при посещении ими мемориального комплекса в Бухенвальде: «Мы, советские туристы-москвичи глубоко тронуты увиденным в Бухенвальде. Благодарим немецких друзей за то, что они свято чтут память погибших в Бухенвальде. Только мир должен быть идеалом человечества» (29 июня 1981 г.) [18]; «Мы, группа советских людей, посетили мемориал в Бухенвальде и в наших сердцах вновь острой болью всколыхнулись страшные преступления фашизма. Нынешняя администрация США зовет опять к «крестовому походу» против коммунизма. Мы вместе с нашими

друзьями из стран социалистического содружества сделаем все, чтобы сорвать преступные замыслы против светлого будущего человечества» (29 мая 1984 г.) [18].

В то же время бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции, прежде всего США и Великобритания, в связи с началом Холодной войны все чаще характеризовались в негативном контексте. В частности, это касалось исторической оценки массированных бомбардировок Дрездена англо-американской авиацией 13 – 15 февраля 1945 г. Спустя десять лет, когда Восточная Германия уже устойчиво находилась в сфере советского влияния, генерал армии И.Е. Петров на страницах газеты «Правда» называл эти бомбардировки варварскими и не оправданными военной необходимостью, а число их жертв среди мирного населения оценивал на уровне 300 тыс. чел. [9].

Не случайно именно в Дрездене проходили основные мероприятия первого фестиваля дружбы молодежи ГДР и СССР, состоявшегося в октябре 1970 г. Помимо посещения мемориалов, связанных с памятью о Второй мировой войне, в его рамках состоялся массовый митинг солидарности советской и восточногерманской молодежи с героической борьбой народа Вьетнама против американских империалистов [15, л. 5 – 6]. Следующий, «ответный» фестиваль советско-немецкой молодежи состоялся летом 1972 г. в Ленинграде – городе-герое, в годы Великой Отечественной войны пережившем страшную блокаду продолжительностью более 870 дней. Одним из ключевых мероприятий программы фестиваля стал митинг-реквием молодежи двух государств, состоявшийся 27 июня 1972 г. на Пискаревском мемориальном кладбище и сопровождающийся факельным шествием, а также массовым возложением венков и живых цветов [1].

Но главным преступлением бывших союзников называлась атомная бомбардировка США японских городов Хиросима и Нагасаки. 6 августа 1957 г., во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, его самым массовым мероприятием (около 500 тыс. участников) стал антивоенный митинг на Манежной площади, приуроченный к 12-летию со дня бомбардировки Хиросимы. Приведем фрагмент из репортажа об этом событии, написанного известным советским писателем Львом Кассилем: «Юноши и девушки всех пяти материков земли, и с ними молодые москвичи направляются по улицам столицы к её центру <...>. Молодежь идет с факелами. <...>. «Нет!» – звучит над Манежной площадью, повторяемое на всех языках мира. <...> «Нет!» – говорят плакаты, щиты, стяги, которые несут манифестанты. Нет, Хи-

росима не должна повториться! Нельзя допустить, чтобы угроза атомных войн, гибельных, опасных для всего живого на планете, продолжала нависать над миром» [5].

Количество таких антивоенных массовых мероприятий, имеющих мобилизационное и интегрирующее значение, ещё более возросло во время войны во Вьетнаме, а своего апогея достигло на фоне новой волны обострения международной конфронтации в начале 1980-х годов. В качестве яркого примера можно привести массовую манифестацию молодежи социалистических стран «За мир и разоружение», проведенную в Потсдаме 21 мая 1983 г. И само это мероприятие, и его описание в прессе явно должны были оказать суггестивное воздействие на участников и читателей из разных стран: «Где-то за зданием изящного старинного дворца вспучился огромный, тревожнобагровый шар. Он растет, он уже в полнеба, он тянется ввысь, превращаясь в зловещий ядерный гриб. Ошеломленные, притихли десятки тысяч зрителей. ... Но вот вспыхнули два ослепительных прожекторных луча и перечеркнули зловещее ядерное видение. Гриб поблек, сник и растворился в многоцветье праздничного салюта. Вспыхивали и гасли мириады разноцветных огней. Они выхватывали из темноты молодые лица ребят, готовых сделать все, чтобы ядерный кошмар никогда не заслонил от человечества солнце» [12].

На территории Советского Союза важнейшие «места памяти», связанные с событиями Великой Отечественной войны, были сосредоточены в городах-героях. Впервые так были официально названы Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одесса в приказе № 20 Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 1 мая 1945 г. [11]. После принятия в 1965 г. Положения о почетном звании «Город-герой» этот статус официально получили также Москва, Киев, крепость-герой Брест (1965), Керчь и Новороссийск (1973), Минск (1974), Тула (1976), Мурманск и Смоленск (1985). Инициатором сооружения первых крупных мемориальных комплексов в стране стал Г. К. Жуков, являвшийся в то время Министром обороны СССР. 14 июня 1955 г. он обратился в ЦК КПСС с предложением создать несколько «значительных памятников», которые бы достойным образом увековечили память погибших советских воинов и способствовали воспитанию советского народа, особенно молодежи, на славных боевых традициях советских вооруженных сил. Местами сооружения таких мемориалов он называл Москву (или Подмосковьё), а также города-герои Ленинград, Сталинград, Севастополь, Одессу [14, л. 114 – 115].

Однако реализация этих мемориальных инициатив несколько затянулась. Постановление Совета Министров РСФСР «О сооружении в г. Сталинграде памятника-монумента в ознаменование победы над немецко-фашистскими войсками под Сталинградом» было принято 25 декабря 1958 г. и предполагало строительство мемориала на Мамаевом кургане по проекту, созданному под руководством уже упоминавшегося Е. В. Вучетича. Завершить сооружение этого самого грандиозного на тот момент в стране мемориального комплекса планировалось к 9 мая 1961 г. [4, л. 112 – 113.]. Но в реальности строительство мемориала на Мамаевом кургане значительно затянулось и его открытие состоялось лишь 15 октября 1967 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на открытии, подчеркнул: «Товарищи! Не раз бывало так, что на решающих поворотах истории наша страна, отстаивая свою свободу, спасала от порабощения другие народы. Так было и четверть века тому назад, когда Советская Армия своим беспримерным мужеством спасла человечество от самой большой опасности, которая ему когда-либо угрожала, – от коричневой чумы фашизма. Городу, где мы сейчас находимся, суждено было стать символом этого всемирно-исторического подвига. Весь мир, затаив дыхание, следил за битвой на Волге. В Вашингтоне и Лондоне, в Париже и Белграде, в Берлине и Риме – везде люди чувствовали, понимали: здесь решается исход войны» [13].

В Зале воинской славы мемориального комплекса на Мамаевом кургане в Волгограде также были книги отзывов, где представители официальных делегаций, экскурсионных групп и отдельные посетители могли оставить свои записи. Впоследствии некоторые из них были опубликованы, благодаря чему мы можем сделать вывод, что советский мемориальный дискурс для внутренней аудитории имел мобилизационное значение. Об этом свидетельствуют, например, следующие записи: «Самый лучший венок памяти героев – это наш труд во имя светлого будущего Родины! Мы дадим нефть (нефтяники Тюмени, февраль 1975 г.) [2, с. 117], «Потомки! Лучшая память павшим – ваш честный и добросовестный труд во имя коммунизма!» [2, с. 128].

Крым в поздний советский период имел очень значимую роль в контексте исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войне. Помимо городов-героев Севастополь и Керчь на его территории находился Ливадийский дворец, который благодаря состоявшейся здесь в 1945 г. Крымской (Ялтинской) конференции приобрел всемирную известность и

символизировал победные для Советского Союза итоги Второй мировой войны. При этом обстоятельства сложились таким образом, что на протяжении нескольких послевоенных десятилетий его мемориальный потенциал использовался не в полной мере. Сначала здесь располагалась госдача для высшего государственного-партийного руководства страны, а затем – профсоюзный санаторий «Ливадия» кардиологического профиля. Только с 1974 г. в здании Большого дворца, продолжавшего находиться на территории санатория, была открыта мемориальная экспозиция о событиях Крымской конференции, впоследствии ставшая основой для создания Ливадийского музея. Один из непосредственных участников конференции, бывший переводчик и помощник Министра иностранных дел СССР В. П. Павлов, посетивший Ливадию вскоре после открытия экспозиции, в своей записи в книге отзывов называл Крымскую конференцию «немеркнувшей вехой в летописи борьбы передового человечества против сил зла, за мир и прогресс на нашей планете» (30 мая 1975 г.) [6]. Большинство иностранных посетителей солидаризировались с такими оценками. Например, председатель Всемирной федерации трудящихся Э. Пасторино назвал Ливадийский дворец местом, где был «подписан приговор нацизму» [6].

Идейно-политическое значение Великой Отечественной войны для внутренней аудитории особенно актуализировалось в первой половине 1980-х гг. Именно тогда на фоне широкого празднования 35-летия и 40-летия Победы тема Великой Отечественной войны активно использовалась для популяризации советского внешнеполитического курса и преодоления нарастающего кризиса доверия к коммунистической идеологии среди граждан СССР. В январе 1985 г. в преддверии 40-летнего юбилея Победы помимо широкой программы традиционных мемориальных мероприятий Крымский областной комитет КПУ разработал методические рекомендации для проведения в трудовых коллективах региона «бесед за круглым столом» на тему «Всемирно-историческое значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Задачи разоблачения фальсификаторов истории Второй мировой войны». К участию в таких беседах активно привлекались участники боев за Крым и Севастополь, а также передовики производства. Их содержание явно имело две основные проекции: внутреннюю (обоснование ключевой роли КПСС в разгроме врага, объяснение героизма советского народа на фронте и в тылу преданностью коммунистическим идеалам) и внешнеполитическую (разоблачение

агрессивного курса ведущих капиталистических государств и их попытки преуменьшить роль СССР в победе над фашизмом) [3, л. 1 – 2].

Во время празднования 40-летия Великой Победы в мае 1985 г. один из советских военачальников периода Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, генерал армии П. Н. Лашенко в составе советской делегации посетил Музей истории капитуляции фашистской Германии Берлин-Карлсхорст. Сделанная им пространный запись в книге отзывов содержит все основные тезисы, характерные для позднесоветского мемориального дискурса в его национальном и «экспортном» вариантах и поэтому заслуживает того, чтобы быть процитированной практически полностью:

«Бесконечно дорог и близок нам – ветеранам войны, праздник Победы. Отмечая его, мы испытываем высокие и светлые чувства. Это – гордость от того, что наша Родина достигла невиданных высот в развитии экономики, науки, культуры, что год от года в нашей повседневной действительности все полнее воплощаются идеалы коммунизма. Это – радость от того, что новые поколения советских людей стремятся быть достойными бессмертного подвига своих отцов и братьев, вынесших огромную тяжесть минувшей войны. Это – глубокое удовлетворение тем, что дружба Советского Союза и ГДР стала делом широких народных масс, что между нашими странами существует единство взглядов по всем актуальным вопросам современности, что в отношениях между нашими народами сложилась атмосфера искренности, взаимного уважения и товарищеского доверия.

Душой нашей Победы явилась Коммунистическая партия. Мудрость и дальновидность политики партии и ее стратегии, всеобъемлющая титаническая деятельность по руководству фронтом и тылом, по мобилизации всех материальных и духовных сил страны на разгром врага – вот решающий источник нашей Победы.

Отмечая славную годовщину Победы, мы – ветераны войны мысленно возвращаемся к тому грозному времени, когда пламя великой битвы полыхало почти четыре года. И сорок лет спустя нашим самым сокровенным чаяниям и надеждам по-прежнему созвучны полные глубочайшего гуманизма ясные, предельно лаконичные слова клятвы победителей на могилах и руинах Второй мировой войны: война не должна повториться!» [17].

Спустя всего несколько лет произошел распад социалистического лагеря, Советский Союз фактически капитулировал перед западными державами в Холодной войне, а мудрое руководство со стороны Коммунистической партии перестало называться главным

источником Победы над фашистской Германией. В то же время, заложенные в советском мемориальном дискурсе идеи преемственности поколений «наследников Победы» и недопустимости новой глобальной войны продолжают быть актуальными и в наши дни.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Вечная слава героям* // Ленинградская правда. – 1972. – 29 июня.
2. *Голоса сердец: Сборник / Сост. В.Б. Ростовицков, И.М. Кандауров. 2-е изд., доп. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1985. – 144 с.*
3. *ГА РК. – Ф. П-1. – Оп. 10. – Д. 25.*
4. *ГА РФ. – Ф. А-259. – Оп. 1. – Д. 1059.*
5. *Кассиль Л. «Да» и «нет»* // Литературная газета. – 1957. – 8 августа.
6. *Копии записей из книг отзывов разных лет* // Фонды Ливадийского дворца-музея.
7. *Нагорная О.С. «Если бы не война, советский народ ушел бы далеко вперед...»: советская мемориальная дипломатия в социалистическом лагере (1949–1989)* // Диалог со временем. – 2017. – № 59. – С. 100–115.
8. *Памятник воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом. Берлин. Трептов-парк / [Предисл. М. Величко]. – Москва: Изд-во Акад. художеств СССР, 1961. – 61 с.*
9. *Петров И. Благородный акт советской армии. Как была спасена Дрезденская картинная галерея* // Правда. – 1955. – 1 апреля.
10. *Попов А. Д. Война и Мы: горизонты культурной памяти в мемориальных текстах позднего советского периода* // Шаги/Steps. – 2016. – Т. 2, № 4. – С. 96–113.
11. *Приказ Верховного Главнокомандующего* // Красное знамя. – 1945. – 1 мая.
12. *Пусть всегда будет солнце!* // Комсомольская правда. – 1983. – 23 мая.
13. *Речь Л. И. Брежнева* // Известия. – 1967. – 16 октября.
14. *РГАНИ. – Ф. 4. – Оп. 16. – Д. 39.*
15. *РГАСПИ. – Ф. М-1. – Оп. 30. – Д. 640.*

16. *Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны (1945–1989): Сб. документов / под ред. О. С. Нагорной и др. – Челябинск: Каменный пояс, 2017. – 339 с.*
17. *Archiv des Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst. Bilder 25.*
18. *Ehrenbuch der Nationalen Mahn- und Gedenkstätte Buchenwald. Band 3 // GBArchiv.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ГА РК – Государственный архив Республики Крым.
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГСВГ – Группа советских войск в Германии
КПУ – Коммунистическая партия Украины
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
GBArchiv – Gedenkstätte Buchenwald Archiv

Романько О. В.

*доктор исторических наук, профессор кафедры истории
России Таврической академии (СП), ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет им. В. И. Вернадского»*

(г. Симферополь)

e-mail: romanko1976@mail.ru

ГЕРМАНИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА (1941-1943)¹

***Аннотация:** В данной статье рассматривается германизация Крымского полуострова как один из инструментов нацистской оккупационной политики. На основе комплекса разнообразных источников показано, что планы по изменению этнической карты Крыма путем замены его населения на так называемых «этнических немцев» представляли собой практически уникальный сюжет в истории Второй мировой войны. Прослежена четкая связь между послевоенным статусом Крымского полуострова, каким его видело нацистское военно-политическое руководство, и его переселенческими планами. Установлено, что теоретической основой германизации являлась так называемая «готская проблема», при помощи которой нацисты стремились показать свои исконные права на Крым. В результате проведенного исследования обоснован вывод, что руководство нацистской Германии, с одной стороны, определилось с послевоенной судьбой полуострова: его, в целом, ожидала политическая и этническая германизация. С другой стороны, сохранявшаяся в период с 1941 по 1943 год неопределенность в сроках этой германизации не могла не наложить свой отпечаток на взаимоотношения оккупантов и крымского населения.*

***Ключевые слова:** Вторая мировая война, Крым, оккупация, германизация, «готская проблема», Альфред Розенберг, Альфред Фрауэнфельд, Генрих Гиммлер.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Юга России (Волгоград – Севастополь – Керчь – Новороссийск), 1945-1991 гг.», проект № 18-09-00576.

Annotation: *This article considers the Germanization of the Crimean peninsula as one of the tools of Nazi occupation policy. Based on a wide complex of various sources, it is shown that the plans to change the ethnic map of Crimea by replacing its population with so-called ethnic Germans represented a virtually unique story in the history of the World War II. There is a clear link between the post-war status of the Crimean peninsula, as seen by the Nazi military-political leadership, and his resettlement plans. It is established that the theoretical basis of Germanization was so-called «Gothic problem» by means of which Nazis aspired to show the native rights to the Crimea. As a result of the conducted research a substantiated conclusion that the leadership of Nazi Germany, on the one hand, decided on the post-war fate of the peninsula: it, in general, expected political and ethnic Germanization. On the other hand, the uncertainty in the terms of this Germanization that persisted between 1941 and 1943 could not but leave its mark on the relations between the occupiers and the Crimean population.*

Keywords: *World War II, Crimea, occupation, Germanization, «Gothic problem», Alfred Rosenberg, Alfred Frauenfeld, Heinrich Himmler.*

В период Второй мировой войны нацистская Германия применяла самый разнообразный инструментарий для проведения своей политики на оккупированных территориях. Некоторые из этих инструментов, такие, как террор или привлечение населения к сотрудничеству, применялись во всех оккупированных регионах. Изменение национального состава того или иного региона путем массовых выселений по этническому признаку также активно планировалось, однако, по целому ряду причин, практически не осуществлялось. С этой точки зрения весьма интересна история Крымского полуострова, где нацисты хотели изменить этническую карту, не просто выселив некоторые этносы, а заменив их немецким населением.

Сразу следует сказать, что эти планы имели жесткую привязку к послевоенному статусу Крыма, каким его видела нацистская верхушка. Как известно, основные задачи войны против СССР были окончательно сформулированы 30 марта 1941 года на совещании высшего военно-политического руководства Германии. По итогам этого совещания главный нацистский специалист по «восточной политике» Альфред Розенберг написал несколько меморандумов, в которых высказался о будущем устройстве советских территорий. В частности, он включил Крымский полуостров в состав союзной

Германии «Великой Украины». Интересно, что первоначальные варианты меморандумов содержат многочисленные рукописные пометки, свидетельствующие о том, что определение судьбы Крыма далось Розенбергу не без труда. Он явно понимал, что полуостров только с большой натяжкой можно отнести к Украине, так как число проживавших там украинцев было ничтожно мало. Но это – не единственный парадокс плана. Одновременно с указанным моментом, Розенберг настаивал, чтобы Крым находился под прямым контролем правительства Германии. Объясняя этот казус, он всячески подчеркивал «германское влияние» на полуострове. Так, главный нацистский идеолог утверждал, что до Первой мировой войны немецким колонистам принадлежали здесь значительные территории. Таким образом, получалось, что Крым только «технически» присоединялся к Украине. Управлять же им должны были из Берлина [1, с. 311; 4, р. 253–254].

Планы Розенберга могут показаться полностью противоречивыми. Тем не менее, они были всего лишь отражением аргументов Гитлера, которыми тот обосновывал будущий статус полуострова. Во-первых, как считал фюрер, Крым должен был стать «немецким Гибралтаром». Располагаясь здесь, немецкая армия и флот могли полностью контролировать акваторию Черного моря. Во-вторых, привлекательным для немцев полуостров являлся потому, что шеф Германского трудового фронта Роберт Лей мечтал превратить его в «один огромный немецкий курорт». Что же касается местного населения, то его в любом случае ожидала незавидная участь: выселение за пределы Крыма. Пустующие же земли предполагалось отдать под расселение немецких колонистов [4, р. 254].

Наиболее конкретно о судьбе крымчан Гитлер высказался 16 июля 1941 года на очередном совещании военно-политического руководства нацистской Германии. В своем выступлении он специально выделил Крым из ряда других оккупированных советских территорий и сказал, что его «необходимо очистить от всех чужаков и заселить немцами». В частности, русских предполагалось переселить в центральную Россию [1, с. 314].

Однако, как свидетельствуют документы, «крымский вопрос» и судьба населения полуострова продолжали занимать Гитлера на протяжении всей войны. В декабре 1941 года, всего через месяц после начала оккупации Крыма, Розенберг в очередной раз посетил фюрера в его резиденции. Между ними состоялся разговор на тему «восточной политики». Однако уже в самом конце встречи Гитлер в очередной раз повторил: «Крым должен быть полностью

очищен от негерманского населения». Эта встреча интересна еще и тем, что на ней собеседники затронули проблему так называемого «готского наследия», как повод изменения этнической ситуации на полуострове. Как известно, в середине III века на территорию Северного Причерноморья вторглись германские племена готов. Они создали в этом регионе свою «державу», которая просуществовала относительно недолго – в конце IV века ее разгромили гунны. Крым также входил в это государственное образование. Основная масса готов ушла на Запад вместе с новыми завоевателями. Однако часть из них остались на полуострове и жили здесь еще довольно длительное время – некоторые исследователи утверждают, что до XVI века. По большому счету, вклад готов в историю Крыма был не самым значительным. Тем более, нельзя говорить, что они оставили здесь какое-то наследие. Однако Гитлер думал иначе. Завершая беседу с Розенбергом, фюрер высказал пожелание, чтобы после окончания войны и решения вопроса с населением, Крым получил название Готенланд. Розенберг сказал, что он уже думает над этим, и предложил переименовать Симферополь в Готенбург, а Севастополь – в Теодорихсхафен [3, с. 25].

Продолжением «готских планов» Гитлера и Розенберга, но уже на территории Крыма, явилась ознакомительная поездка, которую 14 июля 1942 года предприняли местный глава полиции СС-бригадефюрер Людольф фон Альвенслебен, полковник медицинской службы профессор Генрих-Отто Кальк и капитан Люфтваффе, писатель Вернер Боймельбург. По приказу генерального комиссара Крыма Альфреда Фрауэнфельда они посетили городище Мангуп – бывшую столицу Княжества Феодоро, которое в 1475 году разгромили турки-османы, где пришли к выводу, что данная крепость – типичный образец древнегерманской фортификации. Также готскими по происхождению были признаны Алушта, Гурзуф и Инкерман. Впоследствии эти и другие «открытия» появились в небольшой книге «Готы в Крыму», которую написал капитан Боймельбург [7, р. 224].

Фантазии относительно Готенланда так и остались фантазиями, а вот планы по германизации Крыма могли стать реальностью. Откуда же предполагалось взять такое количество населения, чтобы восполнить те демографические потери, которые бы неизбежно повлекла за собой «зачистка» полуострова от всех «ненемцев»?

Осенью 1941 года высшее руководство СС предлагало переселить сюда 140 тыс. этнических немцев из «Транснистрии» – тер-

ритории СССР между реками Днестр и Южным Бугом, находившейся под румынской оккупацией. Этот план стоял на повестке дня до самого освобождения Крыма, но нацисты к нему так и не подступились [4, p. 255].

Летом 1942 года генеральный комиссар Фрауэнфельд подготовил специальный меморандум, копии которого разослал в разные инстанции, отвечавшие за оккупационную политику. В нем он предлагал переселить на полуостров 235 тыс. немецких жителей Южного Тироля, чтобы раз и навсегда решить старый итало-германский спор. Известно, что Гитлер отнесся к этому плану с большим энтузиазмом. Так, на одном из совещаний он сказал, буквально, следующее: «Я думаю, что это великолепная идея. Кроме того, я также считаю, что Крым и климатически, и географически подходит тироляцам, а по сравнению с их родиной, он действительно земля, где текут реки с молоком и медом. Их переселение в Крым не вызвало бы ни физических, ни психологических трудностей» [6, s. 314].

Интересно, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, в чьем ведении находились все вопросы по «укреплению германской расы», не возражал против постороннего вторжения в сферу своей компетенции. Германизация Крыма признавалась настолько важной, что он собирался уступить тирольцев Фрауэнфельду, даже, несмотря на то, что ранее планировал поселить их в Бургундии – государстве, где после окончания войны должна была «концентрироваться германская кровь». Но, по мнению Гиммлера, переселять их следовало только после окончания войны. В конце концов, Гитлер согласился именно с рейхсфюрером [8, s. 126].

Во второй половине 1942 года Фрауэнфельд разработал еще один план. На этот раз он предлагал переселить в Крым 2 тыс. немцев из Палестины. Правда, Фрауэнфельд оставил за скобками, как такое можно было сделать в условиях британской оккупации региона. Более того, этот план уже явно граничил с прожектерством. Поэтому, даже официальный германизатор Гиммлер приказал отложить его до лучших времен [5, s. 840 – 841].

Наконец, предел всем усилиям по переселению немцев положили протесты тех органов Вермахта, которые отвечали за военную экономику. В середине августа 1943 года начальник его Верховного командования генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель решительно выступил против каких-либо перемещений населения в условиях войны. Не без основания он заметил, что «эвакуация» русских и украинцев – 4/5 всего населения Крыма – полностью

парализует экономическую жизнь полуострова. Три недели позднее Гитлер принял сторону военных и высказался в том смысле, что любые перемещения возможны только после окончания войны. С этой точкой зрения согласился и Гиммлер. Он, конечно, считал, что переселение немцев необходимо и планировать, и осуществлять, но делать это в условиях военной ситуации, крайне преждевременно [4, р. 257].

Следует сказать, что у рейхсфюрера Гиммлера был свой интерес относительно Крымского полуострова, связанный с послевоенной германской колонизацией «восточных территорий». С 1940 по 1943 г. в его ведомстве разрабатывался Генеральный план «Ост», в одном из документов которого указывались конкретные границы отдельных областей заселения. Область колонизации должна была охватить 364 231 км² или три административных округа в области Ленинграда, Херсонско-Крымской области и в районе Белостока. При этом предполагалось создать поселенческие хозяйства площадью 40 – 100 га, а также крупные сельскохозяйственные предприятия с площадью как минимум 250 га. Необходимое количество переселенцев оценивалось в 5,65 млн. человек. Запланированные к заселению области должны были быть очищены от примерно 31 млн. местных жителей. Расходы на осуществление плана оценивались в 66,6 млрд. рейхсмарок. План был рассчитан на 30 лет, а к его реализации предполагалось приступить после победы Германии в войне против СССР. Однако уже в 1943 году его разработка была прекращена [2, с. 66 – 73].

Таким образом, можно констатировать, что нацисты имели весьма обширные планы на территорию Крымского полуострова. Эти планы создавались и отменялись, практически, на протяжении всего периода оккупации. Однако то, что большинство этих планов сводились к тотальной германизации полуострова как с административно-политической, так и этнической точек зрения, свидетельствует о том, что нацисты, в целом, определились с его послевоенной судьбой. По большому счету, с таким вариантом соглашались все ведомства, ответственные за «восточную политику» на крымском направлении. Дискуссии шли только вокруг сроков начала германизации: во время войны или после ее окончания. Но, безусловно, все эти противоречия не были известны подавляющему большинству крымчан, до основной массы которых доходили лишь отголоски германизаторских планов. Тем не менее, даже они наложили свой отпечаток на оккупационную действительность и взаимоотношения с местным населением.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Политический дневник Альфреда Розенберга. 1934–1944 гг.* – М.: Русская книга, 2015. – 448 с.
2. *Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944) / Сост. Г. В. Заставенко и др.* – М.: Экономика, 1985. – 328 с.
3. *Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944.* – М.: Центрполиграф, 2014. – 414 с.
4. *Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of occupation policies.* – London: Macmillan, 1957. – 695 p.
5. *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Hrsg. vom MGFA: In 10 bd.* – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1990. – Bd. 6. – 1184 s.
6. *Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–1942.* – Bonn: Athenäum, 1951. – 463 s.
7. *Pringle H. The master plan: Himmler's scholars and the Holocaust.* – New York: Hyperion, 2006. – 463 p.
8. *Reichsführer!.. Briefe an und von Himmler / Hrsg. v. H. Heiber.* – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1968. – 319 s.

Скоробогатов С. Б.

*аспирант исторического факультета
Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО*

*«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
(г. Симферополь)*

e-mail: serjcrimea@gmail.com

РОЛЬ АВИАЦИИ 4-Й ВОЗДУШНОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ОСВОБОЖДЕНИЮ КРЫМА

Аннотация: *В статье проведено исследование боевого пути 4-й воздушной армии в период подготовки к Крымской наступательной операции (октябрь 1943 – апрель 1944 гг.). Обозначены структура, цели и задачи действий воздушной армии в исследуемый период. Установлены основные проблемы, сопровождающие боевые действия над Керченским проливом. К ним относим: материально-техническое обеспечение, недостаточная подготовка пополнения кадрового состава, слабое взаимодействие различных структур и подразделений наземных войск и авиации, погодные условия, оказывающие негативное влияние на выполнение боевой задачи.*

Ключевые слова: *4-ая воздушная армия, освобождение Крыма, военная авиация, Керченско-Эльтигенская десантная операция.*

Annotation: *The article studies the combat path of the 4th Air Army in preparation for the Crimean offensive operation (October 1943 – April 1944). The structure, goals and tasks of the air army operations in the period under investigation are indicated. The main problems accompanying the fighting over the Kerch Strait have been identified. These include: logistical support, inadequate training of personnel, weak interaction between various structures and units of ground forces and aviation, weather conditions that have a negative impact on the performance of the combat mission.*

Keywords: *the 4th Air Army, liberation of Crimea, military aviation, the Kerch - Eltigen landing operation.*

Вопросы подготовки операции по освобождению Крыма в период с октября 1943 по апрель 1944 гг. поднимались как российскими, так и зарубежными исследователями. Среди наиболее фундаментальных работ выделяем: А. В. Исаев, Н. Глухарев, О. В. Романько, Д. Б. Хазанов «Битва за Крым», В. М. Кононенко «Керченская – Эльтигенская десантная операция», А. Я. Кузнецов «Большой десант», Г. А. Литвин, Е. И. Смирнов «Освобождение Крыма», А. В. Неменко «Черноморский флот в годы войны. 1941 – 1945», С. Н. Ткаченко «Весна освобождение»; А. Hillgruber «Оборона Крыма», R. Forczyk «Где выросли железные кресты: Крым 1941 – 1944».

Боевой путь 4-й воздушной армии (ВА) освещался в статьях А. Симонова (Россия), М. Салонена (Финляндия), Б. Циглича (Сербия), И. Лавриненко (Украина). Справочный материал взят из работы: М. Быкова «Советские асы 1941 – 1945» и мемуаров командующего 4-й ВА К. А. Вершинина «Четвертая воздушная», фондов ЦАМО РФ, документов фондов 66-го ИАП и 329-й ИАД.

Несмотря на значимость и фундаментальность перечисленных работ, остаются еще белые пятна в истории изучения вопроса об участии авиации 4-й воздушной армии в период подготовки операции по освобождению Крыма. В статье рассматривается период октябрь 1943 – апрель 1944 гг. поскольку в это время сложившаяся стратегическая обстановка на советско-германском фронте создала предпосылки к началу операции по освобождению Крыма.

На этом основании целью данной статьи является исследовать деятельность авиации 4-й воздушной армии в период проведения подготовки стратегической операции по освобождению Крыма в период октябрь 1943 – апрель 1944 гг.

В настоящее время мирное небо над крымским полуостровом обеспечивает 4-я Краснознаменная армия ВВС и ПВО России, являющаяся исторической правопреемницей 4-й воздушной армии СССР, сформированной на базе управления и соединений ВВС Южного фронта 22 мая 1942 г. Первым командующим армией был назначен генерал К. А. Вершинин.

В октябре 1943 г. 4-ая воздушная армия была подчинена Северо-Кавказскому фронту, который после завершения боевых действий на Таманском полуострове получил приказ подготовить операцию по освобождению Крыма. Для этого необходимо было обеспечить форсирование Керченского пролива и последующее наступление наземных войск с плацдармов Керченского полуострова. 20 ноября 1943 г. Северо-Кавказский фронт был переиме-

нован в отдельную Приморскую армию (командующий генерал армии И. Е. Петров) [3; 4].

К осени 1943 г. в состав 4-й ВА входили:

- 229-я истребительная авиационная дивизия (ИАД), имевшая на вооружении самолеты типов ЛаГГ-3 и Як-1 (42-й гвардейский истребительный авиационный полк ГИАП, 88-й, 249-й и 790-й истребительный авиационный полк ИАП);
- 329-я ИАД, имевшая на вооружении истребители Р-39 «Аэрокобра» (66-й ИАП, 57-й и 101-й - ГИАП);
- 230 штурмовая авиационная дивизия в составе 210-й штурмовой авиационный полк, 7-й и 43-й гвардейский штурмовой авиационный полки, летавшие на Ил-2, а также 979-й и 863-й ИАП на ЛаГГ-3;
- 214 ШАД (190-й, 622-й, позднее 502-й ШАП, 805-й ИАП на ЛаГГ-3);
- 132-я бомбардировочная авиационная дивизия (БАД) в составе 63-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка (ГБАП), 244-го бомбардировочного авиационного полка (БАП) и 277-го БАП, имевшие на вооружении А-20 «Бостон», 46-й гвардейский ночной бомбардировочный авиационный полк и 889-й ночной бомбардировочный авиационный полк на У-2), а также 366-й отдельный разведывательный авиационный полк и несколько корректировочных эскадрилий и эскадрилий связи. Всего около 650 самолетов всех типов [1; 6].

Кроме того, для участия в операции привлекалось до ста самолетов из состава ВВС Черноморского флота и несколько разведывательных эскадрилий.

Наземная обстановка складывалась в пользу Красной армии. В Крыму была сосредоточено сравнительно небольшая группировка вражеских войск (Вершинин). Оборона побережья Черного и Азовского морей была насыщена огневыми средствами и в основном представляла собой систему опорных пунктов. Кроме того, порты были усилены береговой и противотанковой артиллерией, побережье минировано и обнесено проволочными ограждениями.

На основании директивы Ставки верховного главнокомандующего от 15 ноября 1943 г. [4] на базе полевого управления Северо-Кавказского фронта и войск 56-й армии была создана отдельная Приморская армия второго формирования, которая непосредственно подчинялась Ставке ВГК.

Перед ОПА были поставлены следующие задачи:

- форсировать Керченский пролив,
- переправить в Крым соединения и части,
- вести подготовку наступательной операции с целью освобождения Крыма [4; 5].

С конца ноября 1943 г. до января 1944 г. войска армии провели три наступательные операции, в результате которых удалось расширить плацдарм и улучшить оперативное положение. С февраля до начала апреля они прочно удерживали занимаемые рубежи, совершенствовались в инженерном отношении и занимались боевой подготовкой.

К началу освобождения Крыма летчики должны были надежно прикрывать десанты войск Северо-Кавказского фронта на Керченский полуостров и обеспечить дальнейшее их продвижение на запад.

Основным истребителем на вооружении частей 4-й ВА был уже устаревший ЛаГГ-3, значительно уступавший немецкому «Мессершмитту» Вf 109G-6. Выбора у пилотов «ЛаГГов», к сожалению, не было – переводить их на новую матчасть не спешили, рекомендовалось лишь вести бои с «Мессершмиттами» на виражах в горизонтальной плоскости, где шансы сторон несколько выравнялись. Несколько лучше обстояли дела у летчиков 42-го Гв.ИАП, поскольку «Як-1» считался более удачной машиной [1].

Перед операцией в состав армии вошла только что сформированная 329-я ИАД на американских самолетах Р-39 «аэрокобра» в составе 57-го ГИАП, 66-го ИАП и 101-го ГИАП, которые должны были стать главной ударной силой в борьбе за господство в воздухе над Керченским проливом.

Преимуществами Р-39 «аэрокобра» были: наличие надежной радиосвязи, мощное вооружение и живучесть, превосходившие советские самолеты, хотя по комплексу летных характеристик Р-39 также несколько уступал «Мессершмитту».

Вместе с тем, 926-й ИАП и 103-й ШАП вообще не участвовали в боевых действиях в этот период. Некоторые другие полки также практически не привлекались к боевым вылетам. Штаб армии находился глубоко в тылу советских войск. Когда 9 ноября ВПУ 56-й армии перешел на плацдарм в Крым, туда же были направлена группа от 4-й ВА для организации ВПУ-1.

Уровень подготовки личного состава 4-й ВА был весьма пестрый. С одной стороны, имелось достаточное количество опытных летчиков. Они накопили значительный опыт в небе над Ста-

линградом, сражениях на Кавказе и Кубани. Но прибывающее пополнение было подготовлено слабо. Отзывы о подготовке летчиков в запасных авиаполках были малоприятными, так как «новички» не могли самостоятельно поднять самолет в воздух [4; 6]. Боевые полки получали мало бензина на доучивание молодых летчиков или не получали его вообще.

Согласно докладам наблюдения с земли, истребители, несмотря на подавляющее численное превосходство, во многих случаях вели атаки нерешительно, давали вражеской авиации отбомбиться по советским войскам. Преследование уходящего врага велось ненастойчиво, истребители в лучшем случае мешали прицельному бомбометанию.

Имелись проблемы с организацией боевого применения. Например, наличие радиолокационных станций на Таманском полуострове позволяло не держать истребители в воздухе, в избытке расходуя горючее и моторесурс, а перехватывать бомбардировщики дежурными группами с земли.

Прохождение информации занимало столько времени, что дежурные группы получали приказ на взлет, когда вражеская авиация уже бомбила цели. Действия же штурмовой авиации, в отличие от истребительной, оценивались в целом положительно. Отмечалась самоотверженность, с которой наносили удары экипажи Ил-2 [5]. Основной претензией к штурмовой авиации были недостатки в организации ее применения, отсутствие должной массированности и тактического взаимодействия с пехотой.

При всех недостатках применения штурмовой авиации она оставалась наряду с артиллерией одним из важнейших инструментов в руках советского командования. Бомбардировочная авиация применялась главным образом ночью. Особенно выделялись легкие полки на По-2, один из них – 46-й гвардейский ночной бомбардировочный авиационный полк – женский [2]. Они работали с большим напряжением, совершали по несколько вылетов за ночь. Эти бомбардировки проводились для изнурения противника, прямой материальный ущерб противника от них оставался минимальным. Из трех полков на современных американских самолетах А-20 «бостон», имевшихся в 4-й воздушной армии, более-менее регулярно использовался только 63-й БАП с экипажами обученными ночным полетам. Остальные два полка, которые могли летать только днем, эпизодически использовались во время развязки с десантом на Эльтигене. В целом бомбардировочная авиация, по сравнению со штурмовой, играла незначительную роль.

Лимиты на горючее и расход летного ресурса оказывали большое влияние на активность авиации. Например, в ноябре для 329-й ИАД разрешенный расход летного ресурса в среднем не превышал один полко-вылет в день. Кроме того, почти все аэродромы Таманского полуострова и Кубани имели грунтовое покрытие, что в условиях осенних дождей серьезно влияло на интенсивность использования авиации. Бетонные полосы имелись только в Краснодаре и Крымской, которые находились далеко от линии фронта. На результативности советской авиации сказывались и проблемы со связью. Это приводило к тому, что приказ о боевом вылете приходил в отдаленные полки с задержкой на несколько часов. Но главными проблемами на этом этапе оставались недостатки в организации боевого применения авиации. Не было настойчивости в достижении цели у штурмовиков или бомбардировщиков, штурмовая авиация использовалась не массированно и часто по случайным целям [2; 6].

Впрочем, благодаря своей численности и самоотверженным действиям экипажей штурмовики оказали заметное влияние на ход боевых действий.

Таким образом, в марте 1944 г. 4-я ВА сосредоточила основные усилия на решение двух неотложных задач:

1) прикрытие своих войск накапливающихся на востоке Крыма, причалов на берегах Керченского пролива и своих аэродромов на Таманском полуострове;

2) воздушная разведка объектов вражеской обороны, железнодорожных станций и аэродромов в Крыму.

Планировалось, что по мере продвижения наземных войск в глубь Керченского полуострова советская авиация должна была постепенно перебазироваться на новые точки. Но для этого требовалось накопление средств материально-технического обеспечения. Для восстановления и строительства аэродромов, командного и наблюдательного пунктов сначала была высажена на плацдарм северо-восточнее Керчи одна из рот 21-го отдельного инженерно-аэродромного батальона. Затем через пролив переправились остальные подразделения этой части и комендатура 535-го батальона авиационного обслуживания. В установленные командованием сроки на плацдарме Керченского полуострова были сосредоточены следующие материальные средства: 70 тонн авиабензина, 3253 кг авиамасел, более 25 тыс. авиабомб, 97,1 тыс. снарядов для авиапушек, 40,9 тыс. патронов разного калибра, 806 реактивных снарядов, 36 вагонов различного авиационно-технического иму-

щества и 100 тонн продовольствия. К этому же времени на Керченский полуостров переправили до двух тыс. человек личного состава обслуживающих частей и технику, необходимую для обеспечения боевой работы авиации [1; 6].

В результате действия авиации в исследуемый период было уничтожено и повреждено 112 самолетов, около 68 танков, 263 автомашины, 13 прожекторов, 121 артиллерийская и минометная батареи, разрушены склады, доты и блиндажи, убито около 4 тыс. солдат. Советские штурмовики и истребители также понесли большие потери – 84 самолета [1].

К марту 1944 г. советской авиации удалось добиться превосходства в воздухе над Керченским проливом. С этого времени надводные корабли противника больше не смели заходить в восточную часть Черного моря, а прибрежные коммуникации у восточных берегов Крыма стали для вражеских конвоев крайне опасными.

Выводы. Таким образом, в результате деятельности авиации 4-й воздушной армии в период октябрь 1943 – апрель 1944 гг. позволила приступить к разработке операции по освобождению крымского полуострова. 4-я воздушная армия и ВВС ЧФ получили богатый опыт использования радиолокационных станций. Несмотря на ряд проблем, это увеличило эффективность применения истребительной авиации и сэкономило ресурсы. Все это способствовало успеху Крымской наступательной операции в апреле-мае 1944 года.

Массовый героизм советских воинов, в том числе и летного состава, их стойкость и мужество ярко проявились в Великой Отечественной войне. Ответственность за судьбу своих боевых товарищей и безусловное выполнение боевой задачи и сегодня присущи войнам российской армии. Лишь чувство долга способно породить величие духа.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Вершинин К. А. Четвертая воздушная: (Командующий армией Герой Советского Союза Главный Маршал авиации К. А. Вершинин. Лит. запись Н. М. Борискина).* – М.: Воениздат, 1975. – 348 с.
2. *Исаев А. В. Битва за Крым 1941–1944 гг. / А. В. Исаев, Д. Хазанов, О. В. Романько.* – М.: Эксмо 2017. – 896 с.
3. *Кононенко В. М. Керченско-Эльтигенская десантная операция (31 октября – 10 декабря 1943 г.) / кап. I ранга В. М. Кононенко; Гл. штаб Воен.-Мор. Сил Ист. отд-ние.* – Москва : Воен. изд-во, 1954. – 204 с.
4. *Кузнецов А. Я. Большой десант. Керченско-Эльтигенская операция.* М.: Вече, 2011. – 464 с.
5. *Литвин Г. А. Освобождение Крыма (ноябрь 1943 г. – май 1944 г.) / Г. А. Литвин, Е. И. Смирнов. Документы свидетельствуют.* М.: – Агентство «Кречет», 1994. – 144 с.
6. *Ткаченко С. Н. Крым 1944. Весна освобождения,* – М., 2014. – 528 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

БАП – бомбардировочный авиационный полк
ВА – воздушная армия
ВВС – военно-воздушные силы
ВГК – верховный главнокомандующий
ВПУ – выносной пункт управления
ГБАП – Гвардейский бомбардировочный авиационный полк
Гв.ИАП – Гвардейский истребительный авиаполк
ИАД – истребительная авиадивизия
ИАП – истребительный авиаполк
ОПА – отдельная приморская армия
ПВО – противовоздушная оборона
ШАД – штурмовая авиационная дивизия
ШАП – штурмовой авиационный полк

Солнце Е. О.

*младший научный сотрудник музея
ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей» (г. Ялта)
e-mail: kathisolntse@gmail.ru*

ПОСЕЩЕНИЕ ИНОСТРАННЫМИ ДЕЛЕГАЦИЯМИ ЛИВАДИЙСКОГО ДВОРЦА КАК МЕСТА ПРОВЕДЕНИЯ КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (1955 – 1965-Е ГГ.)

Аннотация: В статье приведена статистика посещения Ливадийского дворца иностранными правительственными делегациями в период «хрущевской оттепели». Приведена программа пребывания на Южном берегу Крыма, цели и впечатления о Ливадийском дворце как историческом месте. Самыми частыми гостями выступали представители азиатских и африканских государств, на которые обратило свой взор правительство Н. Хрущева во время «холодной войны». Поиск новых союзников и заручение поддержкой происходило в атмосфере отдыха и красоты Южного берега Крыма. Ливадийский дворец косвенно подтверждал силу и важность Советского Союза в международной политике.

Ключевые слова: Ливадийский дворец, Крымская конференция, иностранные делегации, «хрущевская оттепель».

Annototion: The article presents statistics of visits to the Livadia Palace by foreign government delegations during the Khrushchevskaya Ottepel period. The program of stay on the Southern coast of Crimea, goals and impressions of the Livadia Palace as a historical place is given. The most frequent guests were representatives of Asian and African countries, which were turned by the government of N. Khrushchev during the Cold War. The search for new allies and the gaining of support took place in an atmosphere of rest and beauty of the Southern coast of Crimea. The Livadia Palace indirectly confirmed the strength and importance of the Soviet Union in international politics.

Keywords: the Livadia Palace, the Crimean Conference, foreign delegations, the Khrushchev Thaw.

Крымская конференция и Ливадийский дворец уже более полувека продолжают вызывать неизменный интерес как у исследователей, так и у туристов. В феврале 1945 года в стенах этого здания были предreshены судьбы миллионов людей и исход Второй мировой войны. Поэтому буквально сразу после окончания войны Ливадию стали посещать как знаковое место, международной политики. Но в период с 1945-го по 1953-й гг. такие посещения если и были, то не упоминаются в литературе, периодике и архивных данных. В это время на территории бывшего имени «Ливадия» функционировала Государственная дача, к тому же Советскому Союзу было не до приема гостей и экскурсий в связи с восстановлением народного хозяйства.

Изменения в Ливадии наступают после смерти И. В. Сталина в 1953 году и передачи государственного объекта под санаторий. 15-го сентября 1953 начал свою деятельность Ливадийский санаторий ВЦСПС для заболеваний дыхательных путей нетуберкулезного характера [7, л. 2]. Но посещали его не только трудящиеся СССР, а и многочисленные туристические и правительственные группы. Популяризация санатория «Ливадия» как места проведения Крымской конференции происходила на фоне «хрущевской оттепели» во второй половине 1950 – 1960-хх гг.

В июне 1955 года после обретения независимости Индии, Советский Союз посетили премьер-министр Дж. Неру и его дочь Индира Ганди. Визит был вызван началом советско-индийской дружбы. К середине 1950-х гг. СССР восстанавливает народное хозяйство и обращает взор на национальную политику развивающихся государств и экономическое сотрудничество с ними. В свою очередь различные политические силы Индии были также заинтересованы в развитии тяжелой промышленности и не желали мириться с положением Индии в качестве аграрно-сырьевого придатка мирового капитализма. Они стремились к развитию связей с социалистическими странами и, прежде всего, с Советским Союзом [2].

Пребывание индийского премьер-министра в СССР длилось целых 20 дней, в течение которых гости посетили около 20 советских городов, республик и регионов: Москву, Сталинград, Свердловск, Магнитогорск, Алтай, Крым, Грузию, Туркмению, Казахстан, Ленинград. В Крыму Дж. Неру с дочерью пробыли всего полтора дня. Как отмечает выпуск «Курортной газеты» от 12 июня 1955 года они прилетели в Симферопольский аэропорт, где их встретили жители пригорода Симферополя и близлежащих сел. Из аэропорта через Ангарский перевал в открытом лимузине делегация

прибыла в Алушту. Затем на яхте «Ангара» гости отправились вдоль побережья. Когда в Артеке узнали, что премьер-министр Индии Дж. Неру едет из Алушты в Артек, пионеры вышли к морю встречать почетных гостей. Дж. Неру сказал приветственную речь и пообщался с детьми. В завершении мероприятия артековцы Володя Борисенков и Витя Пышкин преподнесли индийскому лидеру подарок – картину крымского художника К. Прохорова «Артек». Два других пионера надели на голову Индиры Ганди украинский национальный венок. В лагерном альбоме премьер-министр оставил запись: «Я очень рад посмотреть этот прекрасный пионерский лагерь. Я выражаю свою горячую любовь ко всем находящимся здесь пионерам» [8, л. 230].

Вечером того же дня делегация Индии побывала и в Ливадийском дворце, где у главного входа гостей встречали отдыхающие и сотрудники санатория с букетами ливадийских роз. Начальник Крымского Курортного управления Н. П. Дадаян представил дворец Дж. Неру и обратил внимание на то, что здесь в 1945 году состоялась Ялтинская конференция, а на данный момент отдыхает 700 человек. Далее премьер-министр обошел палаты санатория и пообщался с курортниками лично, посетил Итальянский дворик и под аплодисменты покинул Ливадийский дворец [8, л. 230]. О визите индийской делегации свидетельствуют фотографии, хранящиеся в фондах ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей».

В 1955 г. в рамках официального визита в СССР Южный берег Крыма посетил премьер-министр Бирманского Союза У Ну. На тот момент Бирма искала свой собственный путь социалистического развития после окончания Второй мировой войны и изгнания японских оккупационных войск. В Крыму У Ну принял Н. С. Хрущев, находившийся в это время на отдыхе. Делегация Бирмы остановилась в санатории «Украина» и совершила традиционную экскурсию по Южнобережью – ялтинской набережной, Ливадийскому дворцу, Дому-музею А. П. Чехова [3, с. 30].

Что интересно, прибывала делегация 26 октября в Крым на Севастопольский аэродром, и в первый день ознакомилась с достопримечательностями города-героя. 27 октября премьер-министр Бирманского Союза У Ну, его супруга До Мья И и сопровождающие прибыли в Ялту. У Ну посещает по пути Мисхор, а затем – Ливадию. Гости традиционно поприветствовали отдыхающие. Затем они осмотрели залы, где проходила Крымская Конференция и отправились в Дом-музей А. П. Чехова [9, л. 168].

В 1956 году Ялту посещали иностранные туристы из Индии, Франции, Болгарии. А вот 1957 год оказался насыщен приемами правительственных делегаций. В июле на Южный берег Крыма прибыл король Афганистана Мухаммед Захир Шах. По случаю приезда афганского короля на экранах Южного берега Крыма транслировали фильм «Афганистан» о народе, культуре, жизни и обычаях дружественной СССР страны. 24 июля король вместе с сопровождающими министрами от афганской и советской сторон направился на катере вдоль побережья из госдачи в детский пионерский лагерь «Артек». По пути делегаты осмотрели дворцы-санатории, в том числе и Ливадию. В тот же день был дан пышный торжественный обед для Мухаммеда Захир Шаха в присутствии ведущих государственных деятелей СССР и Афганистана, а также представителей крымских органов власти [10, л. 31].

21 августа 1957 года из Бухареста в Советский Союз прибыл президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин. После посещения Сталинграда и Одессы (городов-героев) Хо Ши Мин направился в Симферополь и Ялту. По традиции президент посетил «Артек», где для него устроили торжественную встречу и предоставили возможность непосредственно пообщаться с детьми. Позднее на Набережной Ялты Хо Ши Мин поприветствовал жителей города и румынских туристов с парохода «Трансильвания». 23 августа президент Демократической Республики Вьетнам встретился с Первым Секретарем Центрального Комитета КПСС Н. С. Хрущевым [10, л. 73].

28 сентября 1957 года Ливадию посетила госпожа Элеонора Рузвельт, вдова Франклина Делано Рузвельта. В СССР она прибыла как представитель ООН. С самого начала своего пребывания Элеонора просила о возможности взять интервью у Н. С. Хрущева, и встреча состоялась на его госдаче в Ялте. Первый секретарь оказался гостеприимным и вежливым – не возражал против диктофона и фотокамер. Но когда посыпался ряд политических вопросов о «холодной войне», гонке вооружений, он разгорячился и стал повышать голос. Все же в конце трехчасового интервью было решено опубликовать в советской прессе, что беседа прошла в дружеской атмосфере [1, с. 29].

Гостья в сопровождении директора Ливадийского курорта Н. П. Дадаева осмотрела Большой Ливадийский дворец. Она побывала в покоях, отведенных в 1945 году Ф. Рузвельту и дочери Анне. Госпожа Рузвельт сфотографировалась с отдыхающими. К Элеоноре Рузвельт обратился директор курорта с просьбой расска-

зять американскому народу о том, как отдыхают в Ливадии советские люди.

В заключении госпожа Рузвельт ответила на несколько вопросов корреспондента «Курортной газеты» о своем пребывании в Советском Союзе. Указав, что эта поездка была особенно интересной, гостя отметила, что Ливадия – прекрасный курорт и люди получают здесь полноценный отдых [10, л. 126].

В книге почетных посетителей госпожа Рузвельт сделала следующую запись: «Большая благодарность за то, что мне предоставили возможность увидеть это историческое место».

1 июля 1958 на Южный берег Крыма прибыла исландская делегация, гостившая в Советском Союзе, во главе с председателем альтинга Эмилем Ионссоном. Кроме него, в состав делегации входили видные государственные деятели. Иностранным гостям были представлены традиционные объекты показа: санатории, Никитский ботанический сад, винкомбинат «Массандра» [11, л. 1].

Поскольку в составе делегации находился врач Альфред Гислассон, который интересовался методами лечения различных заболеваний, в первую очередь в Ливадии исландцы ознакомились с работой санатория, посетили пляж и спальные корпуса. А уже затем директор курорта Н. П. Дадаев детально ознакомил парламентариев с местами, связанными с Ялтинской конференцией глав правительств трех держав. В бывшей комнате императрицы отдыхало несколько курортников, с которыми делегаты имели желание непосредственно побеседовать – учительницей из Архангельска А. В. Садиковой, электриком шахты из Норильска Е. И. Обержитской, лаборанткой из Новосибирска Е. А. Беловой. Следует отметить, что все отдыхающие были представителями разных городов СССР, тем самым всегда подчеркивался статус Ливадии как всесоюзной здравницы [11, л. 4].

Президент Индонезии Сукарно прибыл на Южный берег 11 мая 1959 года на крейсере «Михаил Кутузов» из Сочи. «...Гостей у входа во дворец горячо приветствовали курортники и группа «Артек»...» [12, л. 189].

В июле 1959 года Ялта встретила очередного высокого гостя – 225-го и последнего императора Эфиопии Хайле Селассие I, прибывшего в морской порт на крейсере «Михаил Кутузов». Вместе с ним в Ялту прибыли принцесса Аида Деста и министры. В ходе своего визита гости побывали в «Артеке», где пионеры подготовили специально для них концертную программу. В завершении мероприятия иностранным делегатам торжественно были вруче-

ны красные пионерские галстуки. В ответ Хайле Селассие оставил запись в книге почетных гостей, в которой говорится, что его тронул этот прием. На второй день своего пребывания гости посетили санаторий «Ливадия», у въезда в который местные жители и отдыхающие встречали их дружными аплодисментами и возгласами «Да здравствует дружба!». У входа во дворец собрались с букетами в руках сотни курортников, приехавших из разных концов Советского Союза. Главный врач санатория «Ливадия» Н. П. Дадаян поприветствовал гостей и пригласил осмотреть дворец – место проведения Ялтинской конференции. С большим интересом они осмотрели парадные залы и бывшие апартаменты президента США Ф. Д. Рузвельта. Н. П. Дадаян рассказал о контингенте отдыхающих санатория, на тот момент – 900 человек, подчеркнув, что это люди разных рабочих профессий. После экскурсии император поблагодарил работников санатория за теплый прием [13, л. 9].

10 июля 1959 года на отдых в Ялту прибыл президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин. В первый день пребывания президент совершил прогулку по Никитскому ботаническому саду и Набережной Ялты. Далее пребывание вьетнамского лидера в прессе не освещается [13, л. 17].

13 сентября 1959 года санаторий «Ливадия» посетил председатель Всеяпонского совета по запрещению атомного оружия профессор Каору Ясуи. В Крым он прибыл для того, чтобы обсудить с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым тему запрета атомного и водородного оружия всеми странами [13, л. 98].

В октябре 1959 года Советский Союз, и в частности Ялту, посещает лидер капиталистической страны – Федеральный Президент Австрийской республики Адольф Шерф [6, л. 16]. Этот лидер выступал за развитие дружественных отношений Австрии и СССР, поэтому с большим интересом и гостеприимством был принят в Ялте.

После приветствия президент и сопровождающие его лица, среди которых была и дочь Адольфа Шерфа Марта Кирле, отправились на отдых в одну из правительственных резиденций Ялты. В первый же день после обеда министр иностранных дел Австрийской Республики Бруно Крейский и другие официальные лица, сопровождающие президента в поездке, посетили санаторий «Ливадия». Крейский и его спутники поинтересовались постановкой лечебного дела, организацией отдыха трудящихся, беседовали с курортниками. В тот же день вечером торжественный кортеж машин последовал из резиденции в Ялтинский порт. На крейсере «Михаил Кутузов» австрийцы отчалили из Ялты [13, л. 151].

В июне 1965 года в рамках своего второго официального визита в СССР, Ялту посетил премьер-министр Швеции социал-демократ Таге Эрландер. Политика нейтралитета, которой придерживалась Швеция, создавала благоприятный климат в общеевропейских отношениях и способствовала благоволению советского руководства. Несмотря на то что, Н. С. Хрущев был отправлен на пенсию в октябре 1964 года, основы внешней политики СССР по отношению к странам Северной Европы, в том числе и Швеции, заложенные в хрущевский период, сохранились после его ухода со всех государственных постов [5].

Накануне своего ухода в июле 1964 года Н. С. Хрущев нанес визит в Стокгольм, который в целом прошел успешно. 23 июня состоялись основные переговоры с премьер-министром Т. Эрландером по вопросам международного положения (германский вопрос) и советско-шведских отношений. Среди них: торговые отношения, важные для Хрущева сельскохозяйственные вопросы, культурный обмен, планирование научно-исследовательских работ. Большое внимание во время советско-шведских переговоров было уделено известной проблеме, связанной со шведским судном «Бенгт Стуре», а также о гражданах, которые хотели бы переселиться из СССР в Швецию [5].

В Советский Союз Т. Эрландер прибыл по вопросам культурного и экономического сотрудничества с новым правительством Л. И. Брежнева. Судя по тому, что делегация была приглашена в Крым, результат визита оказался успешным для обеих стран. 15 июня 1965 года по прибытии делегаты отправились в Красногвардейский район, чтобы ознакомиться с постановкой многоотраслевого хозяйства «Дружба народов». По окончании знакомства, сельское правление устроило торжественный обед, где премьер-министр выступил с речью [14, л. 107].

16 июня шведская делегация в составе премьер-министра Т. Эрландера, его супруги и шведских государственных деятелей отправилась в Ялту и оказалась на праздновании 40-летия «Артека». От советской стороны делегацию сопровождали министр Б. П. Бещев, посол Советского Союза в Швеции Н. Д. Белохвостиков (ранее был Ф. Т. Гусев), председатель Ялтинского горсовета И. А. Король и др. Во второй половине дня гости посетили санаторий «Ливадия». После небольшой прогулки отправились в Мисхор на госдачу. 17 июня после двухдневного пребывания в Крыму делегация отбыла в Москву, а оттуда в Стокгольм [14, л. 107].

Анализ посещений Ливадийского дворца иностранными делегациями позволил сформулировать вывод о том, что местное партийное руководство представляло санаторий и как место проведения Крымской конференции, и как важное достижение социалистического строя. Для иностранцев здание, в первую очередь, представляло интерес как место где проходило важное историческое событие. Кроме того, все гости отмечали удивительную возможность простого советского гражданина отдохнуть и поправить здоровье в бывшем царском дворце, причем совершенно бесплатно. В основном правительственные делегации находились в Крыму с целью встретиться с Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, а дворец посещали в рамках культурно-идеологической программы. Большинство правительственных делегаций представляли страны Азии, Ближнего Востока и Африки (Индия, Бирма, Афганистан, Вьетнам, Индонезия, Эфиопия), что объяснялось внешней политикой СССР.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Ефимов И. Франклин Делано Рузвельт (1882–1945). Из книги «Бермудский треугольник любви» // Семь искусств. – 2012. – №2 (27). – С. 29.
2. Лунев С. И. Советско–индийские отношения (1955 – 1971 гг.): рождение дружбы. // Вестник МГИМО – Университета. – М.: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», 2017. – С. 24 – 51.
3. Лысова Л. И. Из премьеры в монахи и обратно // Историко–краеведческий альманах Старая Ялта. – 2017. – №3 (52 – 54). – С. 30.
4. Лысова Л. И. Гранаты для президента // Историко–краеведческий альманах Старая Ялта. – 2017. – №3 (52 – 54). – С. 40.
5. Рупасов А. И. Советско–шведские отношения в конце 1950-х гг. // Новейшая история России. – 2012. – № 3. – С.117–137.
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-1030, оп. 6, д. 143.
7. Там же, ф. Р-3868, оп. 1, д. 526.

8. *Управление по архивным делам администрации города Ялты Республики Крым, ф. 339, оп. 1, д. 38.*
9. *Там же, ф. 339, оп. 1, д. 39.*
10. *Там же, ф. 339, оп. 1, д. 49.*
11. *Там же, ф. 339, оп. 1, д. 53.*
12. *Там же, ф. 339, оп. 1, д. 57.*
13. *Там же, ф. 339, оп. 1, д. 58.*
14. *Там же, ф. 339, оп. 1, д. 95.*
15. *Там же, ф. 339, оп. 1, д. 162.*

Таньшина Н. П.

*доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (г. Москва)
e-mail: nata.tanshina@mail.ru*

Можайский А. Ю.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета (г. Москва)
e-mail: a.mozhajsky@mail.ru*

**КРЫМ И ГРЕЦИЯ ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО
АНАЛИЗА**

«Следующая за сим страна у того же моря, гористая и выступающая в Понт, занятая народом тавров до так называемого Суrowsого полуострова и по направлению к востоку входит в море. С двух сторон Скифия граничит морем, с юга и с востока, так же как и Аттика. Далее, если часть Скифии занимают тавры, то вообразим себе, что подобно этому и в Аттике на Сунийской возвышенности жили бы не афиняне, но другой народ, между деревнями Фориком и Анафлистом, причем мыс выдавался бы еще больше в море; я сравниваю это лишь постольку, поскольку позволительно малое сопоставить с большим»

Ндт.99 перевод Ф. Мищенко

Аннотация: В центре внимания статьи – восприятие Крыма и Греции французами и англичанами в первой половине XIX в., то есть после того, как Крым в 1783 г. был присоединен к Российской империи, а Греция в 1832 г. обрела независимость от Османской империи. Образ Крыма реконструируется по двум источникам: путевым записям П. Гибаль и барона П. де Баранта. Что касается материковой Греции, то изменения, произошедшие в ней с 1832 г., анализируются по материалам наблюдений английских и французских путешественников.

Ключевые слова: Крым, материковая Греция, присоединение Крыма к России в 1783 г., война Греции за независимость 1821 – 1832 гг., травелоги, барон Проспер де Барант, Поль Гибаль, международные отношения в XIX в.

Annotation: The article focuses on the perception of Crimea and Greece by the French and English in the first half of the 19th century, that is, after the Crimea was annexed to the Russian Empire in 1783, and Greece in 1832 gained independence from the Ottoman Empire. The image of the Crimea is reconstructed from two sources: the road records of P. Gibal and baron P. de Barant. As for the mainland Greece, the changes that have taken place since 1832 are analyzed on the basis of observations made by British and French travelers.

Keywords: Crimea, mainland Greece, the conquest of Crimea to Russia in 1783, the war of Greece for independence of 1821 – 1832, travelogues, baron Prosper de Barant, Paul Guibal, international relations in the XIX century.

Крым и Греция для европейцев XIX столетия – это Восток. Россия всегда для Запада была Востоком; Греция, эллинистический мир восточного Средиземноморья позиционировались еще римлянами как Восток. В первой половине XIX в. и Крым, и Греция продолжали восприниматься как неевропейский регион. Греция – это периферия Европы, имевшая только отблески былой цивилизации в виде сохранившегося культурного наследия как архитектурного, так и интеллектуального, которая только начала возрождаться после обретения независимости в ходе событий 1821 – 1832 гг., когда Греция стала самостоятельным государством во главе с президентом Иоанном Каподистрией, возглавлявшим до этого российское министерство иностранных дел.

Если возрождение Греции было связано с обретением ею независимости от Османской империи в 1832 г., то возрождение Крыма было связано с его присоединением к Российской империи в 1783 г. И Греция, и Крым получили мощный импульс для дальнейшего развития, выйдя из-под власти турецкого султана и крымского хана, соответственно (Крым освободился от вассальной зависимости от Османской империи после заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.) Свободная, но в то же время ставшая объектом соперничества европейских держав, Греция вызывала активный интерес на Западе, проявлявшийся уже на рубеже XVIII–XIX вв., что было связано с англо-французской борьбой в Средиземном море. Не случайно, многие знаменитые европейцы, среди прочих властитель дум тогдашней Европы Ф.-Р. де Шатобриан, стремились побывать в Греции. Политическими факторами объясняется и интерес «великих держав» к Крыму. После завоевания Россией в 1783 г. Крымского ханства ее позиции на Черном море заметно усилились, что вызывало серьезное беспокойство в Европе, особенно в связи с возможностью создания крупного военного флота и порта в Севастополе. В то же время, Крым, как и Россию в целом, иностранцы плохо знали. Показательным является, например, эпизод со знаменитым герцогом или дюком Э. О. Ришелье, когда в 1815 г. он вернулся во Францию после 12-лет губернаторства в Одессе и Новороссийском крае. В Париже его о Крыме вообще никто не спрашивал; для французов это была какая-то далекая и непонятная Татария [1, р. 214].

В центре внимания статьи – восприятие Крыма и Греции французами и англичанами в первой половине века. То есть взгляд на Грецию после обретения ею независимости, и на Крым спустя некоторое время после того, как он стал российским. Был ли этот взгляд схожим?

Что касается Крыма, то в центре внимания – анализ взглядов двух французов, посетивших эти места с промежутком в двадцать лет, в 1818 – 1819 гг. и 1839 г. Это дает возможность проследить изменения, произошедшие в Крыму за это время. Кроме того, один путешественник, – это француз по национальности, но проживавший в России и считавший себя русским подданным. Второй – это французский дипломат, совершивший путешествие по Крыму. То есть это два французских взгляда, но один – изнутри, а другой – извне. Тем интереснее сравнить выводы, сделанные ими. Итак, имя первого француза – Поль Гибаль. Сын французского эмигранта, он родился в Петербурге, в 1818 г. перебрался на юг России.

В 1818 – 1819 гг. совершил путешествие по Крыму и Кавказу, оставив путевые записки в виде книги «Обозрение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис». Эта работа, рукопись которой хранится в Российском государственном архиве древних актов, только в 2017 г. была переведена и опубликована Т. П. Петерс. Н. И. Храпунов в своей статье «Образ Крыма в записках французского эмигранта Поля Гибалья сделал ряд ценных уточнений относительно биографии Гибалья, а также представил подробный анализ его путешествия по Крыму¹.

Взгляд Поля Гибалья – это взгляд позитивный, дружеский; он изучает Крым с целью получения информации об этом крае в целях его эффективного освоения. Гибаль отмечает, что несмотря на то, что в последние годы «этот край был изъезжен во всех направлениях таким большим количеством путешественников, русских и иностранных... что о полуострове создалось более точное представление...», «Крым остается во многих отношениях мало изученным» [2, с. 49].

Второй взгляд – это впечатления от путешествия по Крыму французского дипломата, посла Франции в России в 1835 – 1841 гг. барона Проспера де Баранта. Его «Заметки о России», написанные по следам путешествия, совершенного в 1839 г., были опубликованы во Франции только в 1875 г. и уже являлись предметом выступления на конференции в Ливадии два года назад [3, с. 164 – 172]. Посол не случайно вернулся из очередного отпуска во Франции через Константинополь и Одессу: в условиях набиравшего обороты Восточного кризиса его интересовала политика России на побережье Черного моря.

Компаративный анализ текстов двух путешественников позволяет ответить на ряд вопросов: каким они увидели Крым? Каковы были перспективы его развития? Какие изменения произошли в Крыму за 20 лет между путешествиями?

Эти изменения были очевидны. Прежде всего, и дипломат Барант, и Гибаль отмечали прогресс, достигнутый в Крыму со времени его присоединения к России, это главный вывод. Крым стал другим.

Следующий вывод: Крым активно развивался, и Россия многое делала для его модернизации. Важнейший фактор для развития любой экономики – это инфраструктура, дороги. За двадцать лет,

1 См.: Храпунов Н. И. Образ Крыма в записках французского эмигранта Поля Гибалья // Французский ежегодник 2018: Иностранная оккупация как опыт межкультурного контакта. Под ред. А. В. Чудинова. М., 2018.

если сравнить тексты, ситуация кардинально изменилась: если Гибаль описывал ситуацию как весьма безрадостную, подчеркивая, что отсутствие дорог тормозило развитие Крыма, то Барант уже сообщал о достигнутом значительном прогрессе и построенной дороге, соединившей Крымское побережье.

Оба говорят о том, что для развития Крыма необходим приток населения. Гибаль пытается опровергнуть сформировавшееся у иностранцев мнение, будто за годы нахождения Крыма в составе России он обезлюдел на 9/10: якобы, «завоевание полуострова русскими совершалось в ужасных обстоятельствах и привело к тирании...» [2, с. 63]. Да, соглашается Гибаль, население сократилось, но не настолько сильно и совсем по иным причинам. Под Крымом тогда многие понимали не просто Крымский полуостров, а территорию вплоть до реки Кубань; до завоевания Крыма Россией немалая часть населения погибала в междоусобицах, от чумы и голода, что привело к бегству жителей с насиженных мест; турки, которых было много в Керчи, Еникале и Феодосии предпочли уехать; греки и армяне переселились в Мариуполь и Нахичевань [2, с. 64 – 65].

Барант, также обращая внимание, что Крыму нужны рабочие руки, отмечал усилия российских властей по привлечению населения на полуостров. Правда, спустя 20 лет после путешествия Гибаля он полагал, что Крым все еще являлся просто «новой фантазией», забавой для аристократов, в то время как благосостояние края могло быть связано только с развитием массового производства и массовой колонизацией. Но и успехи были налицо: Барант приводил в пример эксперимент графа Воронцова в Магараче, когда земля сдавалась в аренду небольшими участками, а арендаторы земли становились ее полноправными собственниками после того, как сажали на своих землях определенное количество предписанных сортов винограда [3, с. 168].

Оба француза отмечали развитие винодельческой отрасли. Во время путешествия Гибаля она находилась только в стадии становления: «Виноградарство является той отраслью, на которую владельцы земель возлагают большие надежды, и с недавних пор оно получило существенный размах» [2, с. 69]. Правда, качество вина Гибаль считал невысоким, объясняя это отсутствием правильного ухода за лозой и недостатком знаний в виноделии [2, с. 69].

Изменить ситуацию попытался генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф М. С. Воронцов. Как писал барон де Барант, «в Массандре у него виноградники и питомники... Он хочет привезти сюда сорта винограда из всех стран мира. Он даже пригласил в

Крым виноградарей из Бургундии и Медока» [4, р. 131]. Но, как и Гибаль, Барант полагал, что высокого качества вин, несмотря на все старания Воронцова, в Крыму достичь не удастся, да и стоит они будут гораздо дороже импортных. Он писал, что начинания Воронцова в Массандре – «все это роскошь и скорее фантазия богатых людей, нежели полезное предприятие» [5, р. 201-202]. Он считал, что Воронцову надо было обратить внимание не на производство вин экстра-класса, а сосредоточиться на массовом секторе недорогого вина.

Следующая важная проблема – взаимоотношения русских властей с татарским населением. Выводы обоих французов по этому вопросу совпадают. Оба говорят о том, что татары не стремились к активной трудовой деятельности, довольствовались малым, а с русским населением жили мирно. Хотя и предубеждения у местного населения против русских были, что иногда проскальзывает на страницах книги Гибалья. Например, он пишет, что татары никогда не смазывают колеса салом, поэтому их повозки можно слышать издали. При этом татары на предложение смазать колеса отвечали, что «одни только воры и русские боятся заявлять о себе издали...» [2, с. 26]. В целом Гибаль говорит даже о «братстве двух народов... бывших на протяжении длительного времени заклятыми врагами и принадлежащих к таким разным вероисповеданиям...» [2, с. 48].

Спустя 20 лет такой же вывод делал и Барант, отмечая, что российские власти уважали традиции, обычаи и религию татар, не делали ничего, что бы их «шокировало и скандализировало» [5, р. 220], а татары, со своей стороны, не имели никаких политических претензий и жили спокойно и счастливо под властью России [5, р. 218].

Что касается перспектив развития, оба делают вывод о том, что Крымом надо заниматься. Гибаль отмечал: «... Крым можно рассматривать как край, если не слишком плодородный, то, по крайней мере, довольно способный превратиться в такой и подняться до высокого уровня процветания, разумеется, при условии применения в хлебопашестве продуманных способов возделывания земли» [2, р. 68]. Особо он выделял выращивание фруктов отмечая, что «фруктовые сады являются одним из главных богатств Крыма» [2, р. 69].

Весьма оптимистично относительно будущего Крыма высказывался и Барант, хотя и отмечал, что в России многое зависело от личного фактора. Он писал: «... если другой губернатор насле-

дует графу Воронцову, Крым может быть забыт. Если, напротив, эта «новая фантазия» еще какое-то время будет в моде, развитие продолжится. Вслед за крупными собственниками сюда потянутся мелкие; сюда приедут иностранцы. Появятся небольшие городки, а вместе с ними и новые возможности...» [5, р. 207].

А теперь переместимся на берега Средиземного моря, в материковую Грецию. Как видно из эпитафии, «отец истории» Геродот еще в V в. до н.э. сопоставлял южный гористый отрог Крымского полуострова, заселенный таврами, с частью Аттики. Как видим, предпринятый нами компаративный анализ двух регионов не является модернизмом: мы лишь следуем древней традиции и распространяем это сравнение на XIX век.

Начнем с того, что до XIX столетия европейские путешественники были мало знакомы с Грецией. Это было связано с рядом факторов. В предыдущем веке путешественников привлекала прежде всего Италия [6, р. 75 – 76; 7, р. 30 – 34; 8; 9, р. 422]. Это было связано с тем, что именно в Италии были собраны коллекции греческой материальной культуры, а также их римские копии. О Греции европейцы знали благодаря прекрасным работам по истории эллинистического искусства немецкого ученого Иоганна Винкельмана, который сам никогда не бывал в Греции.

Кроме того, фактором, препятствующим посещению Греции, являлось морское пиратство и бандитизм. Тот же Ф.-Р. де Шатобриан в 1816 г. предлагал организовать новый «крестовый поход» с целью искоренения пиратства в Средиземном море. Вплоть до обретения Грецией независимости в 1832 г. (отметим, что в 1830 г. Франция начала военную операцию против алжирского дея также под предлогом борьбы с пиратством) только немногие европейские путешественники посещали материковую Грецию, и то лишь имевшие достаточно веские основания: по дипломатической службе или с целью проведения исторических и топографических исследований. Но даже эти, влюбленные в Грецию путешественники, как правило, описывали ее как страну, пребывающую в глубоком упадке, и объясняли такое «варварское» состояние греческого общества османским гнетом («варварийскими государствами» именовали тогда страны Ближнего Востока и Северной Африки, находившиеся под властью Османской империи) [10, р. 277 – 279]; [9, р. 422].

Обретение Грецией независимости и активное участие в этом процессе «великих держав» [11, с. 145 – 150], а именно России, Франции и Великобритании, не привело к трансформации взглядов европейцев на Грецию. Англичане и французы, имея в созна-

нии образ «классического идеала», никак не могли соотнести его с реальным состоянием современной Греции [12, р. VII]. Их ожидания от посещения страны, знакомой им по произведениям античных авторов, разбивались о суровую действительность Греции первой половины XIX в.

Лишь с середины XIX столетия можно говорить о переменах в самой Греции, а также об изменении в восприятии ее иностранцами. Для самих греков их классическое наследие являлось средством связи их страны с Западом [9, р. 435]. Восстановление античных памятников началось при короле Оттоне и было продолжено позже под руководством государственной археологической службы. Параллельно осуществлялась система городского планирования, особенно в городах, пострадавших во время войны за независимость. Для греков было важно изгладить из памяти все следы османского господства и с помощью великого культурного наследия связать новую Грецию с Западом. Больше всего такой реконструкции подверглась столица нового государства – Афины. В соответствии с новой градостроительной программой, принятой в 1832 г., античные монументы, призванные демонстрировать величие Греции как колыбели западной цивилизации, расчищались от мусора. В неоклассическом стиле создавались новые общественные сооружения, в том числе здание Академии. Однако, чтобы включить Грецию в политическую и культурную систему Европы и изменить отношение европейцев к этой стране понадобилось время.

Как европейцы воспринимали Грецию в первой трети XIX в. и сразу после обретения независимости? Путешественники, посещавшие Афины, отмечали тотальную разруху. «Жители оставили свои дома; большинство из них не имеют крыш. От церквей остались лишь стены, груды камней и извести. Только в одной церкви идут службы...», – писал англичанин Кристофер Вордсворт, посетивший эти места в 1832 – 1833 гг. [13, р. 51]. «Невозможно описать первое впечатление, произведенное на меня этим полностью разоренным городом и его впечатляющими руинами. Лишь несколько домов имели крыши, а улицы были полностью неузнаваемы, будучи разрушенными в результате всех этих невероятных неурядиц. Прекрасные окрестные поля тоже выглядят так, как будто их никогда не возделывали», – сообщал молодой архитектор Кристиан Хансен [14, р. 70].

Однако спустя тридцать лет ситуация изменилась. Грек Эммануэль Манитаки, автор книги «Наблюдения о материальном

прогрессе Греции» (*Aperçu sur les progrès matériels de la Grèce*, 1866), описывает успехи нового государства: «К моменту обретения независимости Греция была всего лишь грудой развалин. Уже через треть столетия «было перестроено двадцать три старых города и основано десять новых» [15, р. 17]. Вместо узких улочек турецких деревень с постройками из сырцового кирпича появились широкие ровные улицы с домами, «которым нашлось бы место и в Италии» [15, р. 15]. Если для Шатобриана в начале столетия Афины были «турецким», городом, то теперь они стали современным средиземноморским городом в 5 000 домов [16, р. 58].

Это взгляд просвещенного грека, а как оценивали эти изменения иностранцы? Некоторые, как, например, французский путешественник Франсуа Ленорман в 1864 г. отмечали, что Афины изменились к лучшему: здесь появились новые площади, бульвары, красивые дома. На главных улицах, в кафе, бутиках и даже на рынке появилось освещение. Большинство же путешественников в 1850 – 1860-е гг. воспринимали Афины хоть и как европейскую столицу, но с пережитками османского времени. Так, француз А. Пруст, проведший в Афинах зиму 1857 г., насчитал здесь 70 портных и 50 сапожников, одевавших и обувавших горожан по французской моде, и всего 6 портных и 3 сапожников, работающих в традиционном стиле. В то же время Пруст отмечал, что греки за тридцать лет мало преуспели в заимствовании европейского образа жизни. По его словам, достаточно было посетить деревенскую хижину или палатку пастуха, чтобы убедиться, что там нет никакого европейского влияния. Даже в афинских салонах европеизация скорее носила внешний характер, не затронув глубинную суть, остававшуюся национальной [16, р. 59-60].

Итак, каковы итоги? Опыт компаративного анализа показывает, что и Крым, и материковая Греция не воспринимались западными путешественниками в целом как составные части Европы (в лучшем случае, как ее задворки). Для них это все еще Восток. В случае с Крымом во многом это было связано с тем, что саму Россию европейцы подчас продолжали считать страной, чуждой европейской цивилизации. Что касается Греции, то тут на их восприятие влияло длительное пребывание Греции под османским владычеством. Но, что показательно: если саму Россию воспринимали как варварскую и дикую, то ее политику в Крыму – как цивилизаторскую, схожую с той, которую проводили европейцы за пределами Европы. Поэтому французы сходились во мнении, что после включения Крым в состав России и освобождения его от ханской власти

ситуация там существенно улучшилась. Аналогичные изменения отмечали и европейцы, путешествующие по Греции: обретение независимости способствовало развитию Греции и постепенному вхождению ее в европейскую семью. Как видим, противопоставление по оси Восток-Запад, помноженное на противопоставление мусульманского и христианского миров, продолжало оказывать влияние на восприятие европейцами Другого.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Waresquil E. de. *Le duc de Richelieu*. – Paris: Perrin, 2009. – 498 p.
2. Гибаль П. *Обозрение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибалья, 1818 – 1819. Сост., предисл., коммент., пер. с фр. яз., указ. Т.П. Петерс*. – М.: Русский мир, 2017. – 416 с.
3. Таньшина Н. П. «Крым вдруг стал в моде»: Крым в путевых заметках французского дипломата Проспера де Баранта // *Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX – XX вв.: Материалы научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник, 25 – 26 февраля 2016 г.)*. Сборник научных статей. – Ялта: ООО Рибест, 2016. – 184 с.
4. Barante P. de. *Souvenirs du baron de Barante. 1872 – 1866*. – Paris: Calmann Lévy, 1897. – Т. 6. – 647 p.
5. Barante P. de. *Notes sur la Russie. 1835 – 1840*. – Paris: Michel Lévy Frères, 1875. – 464 p.
6. Eisner R. *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*: Ann Arbor, University of Michigan Press, 1991. – 304 p.
7. Withey L. *Grand Tours and Cooks Tours: A History of Leisure Travel, 1750 – 1915*. – New York W. Morrow, 1997. – 384 p.
8. Buzard J. *The Grand Tour and After (1660 – 1840)* // *The Cambridge Companion to Travel Writing*, ed. P. Hulme and T. Youngs, Cambridge, 2002. – pp. 37 – 52.
9. Harlan D. *Travel, Pictures, and Victorian Gentleman in Greece* // *Hesperia*. – 2009. – Vol.78. – N 3. – pp. 421 – 453.
10. Saïd S. *The Mirage of Greek Continuity: On the Uses and Abuses of Analogy in Some Travel Narratives from the Seventeenth to the*

- Eighteenth Century // Rethinking the Mediterranean, ed. W. V. Harris. – Oxford, 2005. – pp. 268 – 293.*
11. Можайский А. Ю. *От Пилоса до Наварина: древнее наследие и российская преемственность // Ключевские чтения – 2016. Образ и смысл Победы в российской истории: Сборник / Отв. ред. В. Е. Воронин. – М.: Спутник +, 2017. – 484 с.*
 12. Herzfeld M. *Ours Once More: Folklore, Ideology, and the Making of Modern Greece. – New York: Pella Pub Co, 1986. – 197 p.*
 13. Wordsworth C. *Athens and Attica: Journal of a Residence There. – London: J. Murray, 1836. – 285 p.*
 14. Haugsted I. *The architect Christian Hansen and the Greek Neoclassicism // Scandinavian Studies in Modern Greek. – № 4. – 1980. – 70 p.*
 15. Manitaky E. *Aperçu sur les progrès matériels de la Grèce. – Paris: E. Plon, 1869. – 23 p.*
 16. Bastéa E. *Nineteenth-century Travellers in the Greek Lands: Politics, Prejudice, and Poetry in Arcadia // Dialogos. Hellenic Studies Review, U.K. – № 4. – 1997. – pp. 47 – 69.*

Таньшина Н.П.

*доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (г. Москва)
e-mail: nata.tanshina@mail.ru*

РУСОФОБИЯ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ФРАНЦИИ)¹

Аннотация: *Статья посвящена исследованию идеологии русофобии в системе международных отношений в XIX в. на примере взаимоотношений между Россией и Францией. В статье вскрываются истоки русофобской идеологии, время ее формирования и причины негативного отношения к России и русским. На примере анализа полемики вокруг работы А. де Кюстина «Россия в 1839 году» изучается такое явление в истории межгосударственных отношений, как информационные, или журнальные, как их называли в XIX в., войны.*

Ключевые слова: *русофобия, стереотипы взаимного восприятия, российско-французские отношения, информационные войны, А. де Кюстин, П. А. Вяземский, Июльская революция 1830 г., император Николай I.*

¹ Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

Annotation: *The article analyzes the ideology of Russophobia in the system of international relations in the nineteenth century on the example of the relationship between Russia and France. The article reveals the origins of Russophobic ideology, the time of its formation and the reasons for the negative attitude towards Russia and the Russians. On the example of the analysis of the polemics around the work of A. de Custine «Russia in 1839», the author of the article researches the important phenomenon in the history of international relations – information warfare, or journalistic warfare, as they were called in the nineteenth century.*

Keywords: *Russophobia, stereotypes of mutual perception, Russian-French relations, information wars, A. de Custine, P. A. Vyazemsky, July Revolution of 1830, Emperor Nicholas I.*

Русофобия имеет глубокие исторические корни. Ее можно рассматривать двояко. Можно как проявление нелюбви к русским и России и исходящего из этого страха. Такие негативные чувства в определенной степени свойственны для соседских народов, или народов, когда-либо воевавших друг с другом. А можно ее трактовать не просто как проявление негативных чувств в отношении России и русских, но как целостную идеологию. На мой взгляд, мы имеем дело именно с таким явлением.

Принято считать, что самый старый случай употребления термина «русофобия» встречается в письме Ф. И. Тютчева дочери Анне от 26 сентября 1867 г., причем он говорил о «русофобии некоторых русских людей» [1, с. 251]. На самом деле, этот термин встречается гораздо раньше: у князя П. А. Вяземского в 1844 г. [2, р. 267] и у министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде примерно в эти же годы [3, р. 296].

Как идеология русофобия начинает складываться в XVI столетии в ходе Ливонской войны (1558 – 1583), явившейся фактически первым масштабным столкновением России и Запада. В распространении русофобских идей на Западе особая роль принадлежала Польше. Именно во многом благодаря полякам в это время утверждается образ России как экзистенциально чуждой и враждебной Западу державы [4].

Что касается Франции, то отношение к нам в этой стране не было оригинальным. В то же время, далеко не всегда и не все к нам там относились враждебно, хотя последняя тенденция доминировала. Первым, кто попытался найти взаимопонимание с версальским

двором, был царь-реформатор Петр Великий. В 1717 г., на исходе Северной войны, он посетил Францию, надеясь заручиться посредничеством в прекращении затянувшегося конфликта со Швецией. Приезд русского царя произвел настоящий фурор во французском обществе. Герцог де Сен-Симон был одним из первых, кто начал формировать во французском общественном сознании то, что позднее назовут «русским миражом» – несколько идеализированное представление о России, а вернее, о ее просвещенных правителях, начиная с царя-реформатора. Вслед за Сен-Симоном над созданием этого привлекательного образа будут трудиться Вольтер, Дидро, Даламбер и некоторые другие просветители, получавшие «пансион» и иные формы материального поощрения от Екатерины II, продолжательницы дела Петра Великого [5, с. 7].

Однако революционная буря, начавшаяся в Париже в 1789 г., рассеяла «русский мираж». С самого начала отношение Екатерины к революции было резко отрицательным, а когда были казнены Людовик XVI и Мария-Антуанетта, русская императрица прониклась к «жакобинам» нескрываемым отвращением и ненавистью, что, впрочем, нисколько не помutilo ее политический разум. В отличие от других европейских монархов она воздержалась от участия в военной интервенции против революционной Франции, мудро уповав на то, что в Париже неизбежно явится новый Цезарь, который усмирит взбунтовавшихся галлов. В то же время важно отметить, что Екатерина после 1789 г. предоставила убежище тысячам беженцев из Франции, спасавшимся от революционного террора, многие из которых обрели в России вторую родину. Однако это не помешало формированию негативного имиджа России [5, с. 9].

Очередной всплеск русофобских настроений пришелся на завершающий этап Наполеоновских войн. Именно тогда в душах французов поселился страх перед русскими – «новыми варварами», жаждавшими окончательно разорить Францию. Как отмечает современная французская исследовательница М.-П. Рэй, «...достаточно было произнести слово «казак», означающее высшую степень варварства, чтобы вызвать ужас среди населения, в большой степени затронутого наполеоновской пропагандой» [6, с. 300]. Однако после вступления русских войск в Париж весной 1814 г. настроения парижан изменились: император Александр I потребовал от своих офицеров и солдат безупречного поведения, предусмотрев суровые наказания для нарушителей, вплоть до смертной казни. В результате казаки, расположившиеся лагерем прямо под открытым небом на Елисейских полях, стали объектом всеобщего

любопытства, особенно среди женщин и детей. Виктор Гюго, которому в ту пору было двенадцать лет, спустя многие годы писал, что «страшилища казаки оказались кроткими как агнцы» [6, с. 301].

Прошло пятнадцать лет, и эти опасения, вроде бы забытые, вновь пробудились. В конце июля 1830 г. в ходе «трех славных дней», как французы именуют Июльскую революцию, во Франции был установлен новый политический режим – Июльская монархия во главе с королем Луи-Филиппом Орлеанским. Реакция на это событие российского императора Николая I спровоцировала во Франции русофобские настроения: движимый стремлением защитить неизбежность Венской системы и принципов легитимизма, на первых порах государь был решительно настроен организовать совместно с Австрией и Пруссией вооруженную интервенцию во Францию, дабы на корню пресечь распространение революционной заразы и вернуть престол венценосному брату Карлу X. Французы, сами поддерживавшие идею «экспорта революции», в том числе и политическая элита в лице левых либералов, опасались интервенции войск Николая I, которого на Западе тогда сравнивали с Атиллой, а русских – с гуннами, стремящимися подчинить Европу [7, с. 92].

Действия России по подавлению Польского восстания 1830 – 1831 гг. вызвали резкую критику политики российского правительства со стороны европейской общественности. В Париже и Лондоне осуждение со стороны либералов приняло форму настоящей ненависти ко всему русскому. Французские газеты обрушились яростными оскорблениями. В парламенте лидеры Движения (сторонники левого фланга орлеанизма – либерализма времен Июльской монархии) требовали вооруженной интервенции французской армии в Польшу, чтобы устранить последствия ее постыдного раздела. Несколько раз толпа угрожала разбить стекла в здании российского посольства. Барон Маскле, французский консул в Ницце, писал 3 февраля 1831 г.: «Говорят, что все русские должны будут покинуть Францию, где парижане, охваченные энтузиазмом, вызванным варшавским восстанием, охотно распевают «Варшавянку» Делавиня...» [8, с. 478-479].

Когда 16 сентября 1831 г. парижские газеты сообщили о штурме Варшавы русскими войсками и о поражении поляков, в Париже в течение нескольких дней происходили антирусские манифестации, для усмирения которых потребовалось вмешательство войск. Под окнами здания отеля, в котором располагалось русское посольство, раздавались крики: «Долой русских! Да здравствует Польша!». Люди из окружения посла России во Франции графа

Ш.-А. Поццо ди Борго советовали ему покинуть Париж, но он решил остаться, сохранив тем самым дипломатические отношения между Францией и Россией [7, с. 94].

После подавления восстания Франция, наряду с Великобританией, стала одним из центров польской эмиграции. Именно тысячи эмигрировавших в Европу участников Польского восстания сыграли значительную роль в восприятии России как варварского деспотичного государства, непосредственно угрожающего свободе европейцев. Русофобские публикации, к которым были причастны поляки, появлялись во Франции все 1830 – 1840-е гг. [8, с. 364].

Антирусские настроения в Европе провоцировались и активной внешней политикой России. Наиболее яркие проявления – в ходе Восточного вопроса, обострившегося в XIX столетии с завидной регулярностью. В 1833 г. антирусскую волну спровоцировало подписание между Россией и Османской империей Ункяр-Искелессийского договора, значительно усиливавшего позиции России на Черном море и в зоне Проливов. Если летом 1830 г. французы опасались нашествия русских «варваров» на Европу, то теперь боялись экспансии России на Восток. Очередной всплеск русофобских настроений пришелся на конец 1830-х – начало 1840-х гг., когда Франция оказалась в международной изоляции после подписания 15 июля 1840 г. Лондонской конвенции по делам Востока без ее участия, обвиняя в случившемся именно Россию. И как апофеоз – события кануна и самой Крымской войны, отмеченные просто шквалом русофобских публикаций и карикатур. Характерная деталь: как только появлялась «русская угроза», так сразу противоречия между Францией и Великобританией, весьма острые, отступали на второй план [7, с. 97].

Всем нам хорошо известно такое явление, как информационные войны. Оно возникло не в XX веке, а было распространено уже в XIX столетии, когда пресса стала действительно массовой и приобрела значение четвертой власти в обществе. Посредством прессы русофобские настроения становились предметом широкой гласности; постоянно повторяемые, они незаметно индоктринировались в массовое сознание, а русофобия становилась модным явлением. Тем более, что о стране, далекой и неизвестной, легче всего сообщать всяческие нелепицы, формируя в нужном направлении общественное мнение. Россияне, посещавшие Париж, обращали на это внимание². В частности, журналист и писатель В.М. Строев,

2 См. об этом: Таньшина Н. П. Три взгляда на Францию 1838 – 1839 гг.: П. А. Вяземский, В. М. Строев, М. П. Погодин // Локус. 2017. № 1. С. 72 – 85.

оказавшийся в Париже в 1838 – 1839 г., отмечал, что газетные утки – «статьи чисто выдуманнные, для возбуждения ужаса на бирже или в гостиных», про Россию и русских «выдумывать легче всего, ибо нас в Париже совсем не знают... Тут обширное поле французскому воображению: оно создает какое-то небывалое царство под именем России, и печатает об нем глупейшие басни» [9, с. 90 – 91]. Историк М. П. Погодин, тогда же посетивший Францию, по дороге из Марселя в Париж разговорился в дилижансе с двумя старушками-попутчицами, проявившими абсолютную невежественность в отношении России, задававшими «смешные» вопросы о том, «... есть ли у нас постели, раздеваемся ли мы, ложась спать... О холоде нашем и говорить нечего» [10, с. 206]. Причем Россию плохо знали не только обыватели, но и, зачастую, интеллектуально искушенные люди. Так, знаменитый писатель Александр Дюма-отец во время разговора с четой Каратыгиных, навестивших его в Париже в 1845 г., назвал Бородинскую битву Полтавской [11, с. 518], что лишний раз говорит о скудных сведениях, которыми французы располагали о России.

Самая настоящая информационная, или, как тогда называли, «журнальная» война, была спровоцирована нашумевшей книгой, а точнее, памфлетом маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», опубликованной в 1843 г.³

Книга Кюстина вызвала настоящий публицистический бум. У него появилось много подражателей, но на каждую такую работу появлялась ответная публикация⁴. Задачи по формированию позитивного образа России за рубежом были возложены на Третье отделение Императорской канцелярии во главе с А. Х. Бенкендорфом⁵. На западное общественное мнение пытались воздействовать через специально создаваемые для этой цели газеты, финансируемые русским правительством. Ф. И. Тютчев, не только блестящий поэт, но и опытный дипломат, предлагал защищать русские интересы пером просвещен-

3 О полемике, развернувшейся после публикации работы Кюстина и об ответных действиях российских властей см. также: Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004; ее же «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М., 2017.

4 Впервые об этом подробно писал французский исследователь Мишель Кадо: Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839 – 1856. Paris, 1967.

5 О работе Третьего отделения см.: Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826 – 1855. 2-е изд. СПб., 1909; Абакумов О. Ю. «... чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.

ных европейских публицистов⁶. Однако эти проекты не были реализованы, поскольку возобладали точка зрения графа Нессельроде, которую поддерживал император: взирать на все публикации о России с совершенным равнодушием, полагаться в основном на собственные силы и перья и, более того, стараться избегать прямой полемики [12, с. 259].

Помимо журналистов, финансируемых русским правительством, а также секретных агентов, задачи борьбы с русофобскими настроениями возлагались на людей, вполне официально выполнявших свои обязанности. Одним из них был князь Элим Петрович Мещерский (1808–1844), первый «интеллектуальный атташе», как его назвал французский исследователь Андре Мазон [13, с. 377]. Молодой, обаятельный, стройный высокий блондин, он стал настоящей парижской легендой еще при жизни. Несмотря на то, что князь был наглядным опровержением русофобских опасений, даже к таким утонченным и европеизированным аристократам французы относились настороженно, воспринимая их как «чужих». Очень точно эти опасения выразил влиятельный французский политик герцог Л.-В. де Брой, набросав портрет русских аристократов в Париже: одетые с иголки, знающие наизусть последний модный роман и рассуждающие о современной политике, как француз из предместья Сен-Жермен. С таким русским, по словам де Броя, невольно пускаешься в беседу, как с соотечественником. «И вдруг какой-нибудь жест, какая-нибудь интонация голоса дают вам почувствовать, что вы находитесь лицом к лицу с самым ожесточенным врагом вашей родины» [13, с. 377]. Как видим, французы, сами испытывая русофобские настроения, у русских усматривали франкофобские.

Поскольку князь Элим был мечтателем, носившимся с идеями «святой Руси», не находившими у французов отклика, ему нашли замену в лице Якова Николаевича Толстого, агента Третьего отделения. В его обязанности входил негласный надзор за русскими политическими эмигрантами. Как и князь Мещерский, он регулярно просматривал парижскую прессу и, обнаружив в ней статьи антироссийского содержания, сочинял их опровержения. Печатали их он в тех парижских газетах, которым русское правительство выплачивало денежную «дота-

6 См. Осповат А. Л. Тютчев и заграничная служба III Отделения // Тыняновский сборник. Пятое Тыняновские чтения. Рига; Москва, 1994. С. 124–133.

цию», а для пущей убедительности подписывал статьи французскими фамилиями⁷.

В антикюстиновской пропаганде были задействованы выдающиеся умы – тот же Ф. И. Тютчев, П. А. Вяземский. Работа князя Вяземского «Еще несколько слов о работе г-на Кюстина «Россия в 1839 году» по поводу статьи в «Le Journal des Debats» от 4 января 1844 г.», может быть, является самой сильной в длинном списке опровержений⁸. Как писал Петр Андреевич, в своих выводах Кюстин не идет дальше трактирщика из Любека, который говорит, что Россия плохая страна. «Это суждение, с религиозным рвением принятое Кюстином, приходит из кухни трактирщика в работу путешественника <....> Я всегда думал, что трактирщики Любека, этого торгового города, столько выигрывали от потоков путешественников между их городом и Санкт-Петербургом, что они должны были воспринимать Россию как землю обетованную. Я ошибался... Обладая в высшей степени чувством великодушия и бескорыстия, пораженный, к тому же, Русофобией, этот достойный человек скорее согласится увидеть свой хозяйский стол пустым, а комнаты – безлюдными, лишь бы не поощрять несчастных путешественников посещать эту гибельную страну» [2, р. 267].

Что же нового узнал Кюстин? – задается вопросом Вяземский. Узнал он ровным счетом три вещи: что Россия управляется абсолютным монархом; что в России есть крепостное право; и что в России есть царедворцы. Для того, чтобы узнать эти прописные истины, отмечает Вяземский, Кюстину вовсе не нужно было отправляться в такое далекое путешествие. По словам Вяземского, Кюстин мог вернуться домой, едва ступив на русскую землю: свои выводы он уже сделал, и заключаются они в одной фразе: «Можно сказать, что все русские, от мала до велика, пьяны от рабства». [2, р. 274].

Однако Вяземский отказался от публикации своей работы. Как отмечала отечественная исследовательница В. А. Мильчина, «в связи с опубликованием царским правительством указа «О дополнительных правилах выдачи заграничных паспортов» от 15/27

7 О Я. Н. Толстом см.: Черкасов П. П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008.

8 Французский текст статьи Вяземского содержится в книге М. Кадо «Россия в интеллектуальной жизни Франции. 1839 – 1856» и используется в авторском переводе по этому изданию. Первый перевод на русский язык был сделал Г. А. Невелевым: Невелев Г. А. А. де Кюстин и П. А. Вяземский // Теоретическая культурология и проблемы отечественной культуры. Брянск, 1992. С. 66 – 93.

марта 1844 г. он понял, что «благомыслящему русскому человеку нельзя говорить в Европе о России и за Россию» [14, с. 723]. Главный аргумент – французы все равно ему не поверят. Он писал, что французы верят только родным органам печати и «разделяют веру своего прихода и убеждения своей газеты». Вяземский приводит такой пример. Во время эпидемии холеры он с семьей и гувернером-французом, воспитателем его сына, жил в деревне. Все они живо интересовались новостями, а ипохондрик-француз волновался больше всех. Наконец в сводках сообщили новость, что болезнь отступила. Семейство Вяземского облегченно вздохнуло, в отличие от француза: оказалось, из «*le Journal des Débats*» он узнал, что от холеры каждый день умирали сотни людей. Напрасно Вяземский пытался его успокоить, объясняя, что эта информация устарела минимум на полтора месяца. Несчастный француз только и твердил, что французские газеты говорят правду, а официальным докладам из Москвы верить нельзя [2, р. 277].

Каков же итог этой журнальной войны? Многочисленные антикюстиновские публикации никак не повлияли на мнения французов и их образ России. Как отмечал современный исследователь О. Неменский, у Запада была и есть своя Россия, на нашу страну вовсе не похожая. Русофобия возникла не из систематизации западного опыта контактов с русскими, а как внутренний для западной культуры антиобраз, на осуждении которого и складывалась западная идентичность [4].

Информационная война всегда имеет риск перерастания в войну реальную. Именно это и случилось в начале 1850-х гг., когда баланс сил оказался нарушенным, а Россия из страны, внесшей существенный вклад в разгром Наполеона, превратилась в главную угрозу европейского спокойствия. И напрасно многоопытный К.В. Нессельроде полагал, что «руссофобия пройдет, как прошли другие безумства нашего века» [12, с. 259]. На дворе уже XXI столетие, а слово «руссофобия» никуда не ушло ни из политического лексикона, ни из западного общественного мнения.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Кожин В. В. Тютчев. – М.: ЖЗЛ, 2009. – 471 с.
2. Vyazemsky P. A. *Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844* // Cadot M. *La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839 – 1856.* – Paris: Fayard, 1967. – 642 p.
3. Nesselrode Ch. de. *Lettres et papier.* – Paris: A. Lahure Imprimeur–Editeur. – Т. 7. – 308 p.
4. Неменский О. Б. Идеологическая русофобия. [Интернет–ресурс] // <http://www.cis-emo.net/ru/news/nemenskiy-ideologicheskaya-rusofobiya>. (Дата обращения 14.12.2017).
5. Черкасов П.П. Сплетение судеб: год Франции в России // *Экономические стратегии.* – 2010. – № 10. – С. 6 – 14.
6. Рэй М.-П. Александр I. – М.: Росспэн, 2013. – 495 с.
7. Танышина Н. П. Антирусские настроения во Франции в годы Июльской монархии // *Новая и новейшая история.* – № 4. – 2017. – С. 91–108.
8. *Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827 – 1869. Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова.* – М.: Грифон, 2006. – 706 с.
9. Строев В. М. *Париж в 1838 и 1839 годах.* – Ч. 2. – СПб.: Тип. А. Иогансона, 1841. – 215 с.
10. Погодин М. П. *Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник.* – Ч. 1–2. – М.: Университетская типография, 1844. – 226 с.
11. Дурылин С. Александр Дюма–отец и Россия // *Литературное наследство.* – Т. 31/32. *Русская культура и Франция.* – М.: Газ.–журнальное объединение, 1937. – 1028 с.
12. Мильчина В. А. *Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы.* – СПб.: Гиперион, 2004. – 528 с.
13. Мазон А. Князь Элим // *Литературное наследство.* – Т. 31/32. *Русская культура и Франция.* – М.: Газ.–журнальное объединение, 1937. – 1028 с.
14. Мильчина В., Осоват А. *Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году».* – СПб.: Крига, 2008. – 368 с.

Тимофеев А. Ю.

*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института новейшей истории Сербии (г. Белград)
al.timofeev@gmail.com*

ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И БАЛКАНЫ В 1945 Г.: ОПЫТ ВООРУЖЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

***Аннотация:** В годы Второй мировой войны в ряду важнейших вопросов послевоенного переустройства мира Балканы, несомненно, не являлись приоритетом внешней политики СССР. Гораздо важнее были планы относительно будущего стран Центральной Европы – Германии и Польши, продолжения войны на Дальнем Востоке, устройства единых международных организаций. Однако традиционный для внешнеполитических интересов России Балканский вопрос (прежде всего – черноморские проливы и соседние с ними страны) не был для Москвы совершенно малозначимым. Анализ архивных документов позволяет выделить два пика напряжения, связанного с глобальными событиями, – окончанием Второй мировой войны в Европе (весна 1945 г.) и окончанием Второй мировой войны вообще (конец лета – осень 1945 г.). В первом случае в основном имелись в виду планы исключительно оборонительные, а во втором особенно активно подразумевалось и прорабатывалось контрнаступление. Эти планы, несомненно, были лишь элементами как региональной политики СССР (поддержка греческих партизан через Албанию и Югославию, опора на курдских повстанцев в Иране), так и глобальной конструкции противостояния с США и Англией. Несмотря на устоявшееся представление о завершении раздела сфер влияния на Балканах в октябре 1944 г. в Москве и в феврале 1945 г. в Ялте, дипломатические договоренности были лишь формой закрепления реального состояния дел, гарантированного правом оружия. При этом доверие к «партнерам» по переговорам из США и Англии было настолько низким, что советской стороной готовились войсковые операции для закрепления договоренностей, а возможно и для их некоторой коррекции.*

Ключевые слова: Вторая мировая война, Югославия, Болгария, Турция, Греция, СССР, холодная война, Балканы, Черноморские проливы.

Annotation: *During the World War II, among the most important issues of the postwar reconstruction of the world, the Balkans were not a priority of the USSR's foreign policy. Much more attention was given to shaping the future of the Central European countries (Germany and Poland), to the continuation of war in the Far East, to the establishment of united international organizations. However, the Balkan issue, which had been traditional for Russia's foreign policy interests (primarily, concerning the Black Sea straits and neighboring countries) was not absolutely insignificant for Moscow. The analysis of archival documents makes it possible to distinguish two peaks of tension associated with global events – the end of the World War II in Europe (spring 1945) and the end of World War II in general (late summer–autumn 1945). In the first case, the plans were basically defensive, while in the second case, the counterattack was meant and particularly worked out. No doubt these plans were only elements of both the regional policy of the USSR (support of the Greek guerrillas through Albania and Yugoslavia and reliance on the Kurdish insurgents in Iran) and the global construction of opposition to the USA and Britain. Despite the established and long-held view that the division of spheres of influence in the Balkans was completed in October 1944 in Moscow and in February 1945 in Yalta, those diplomatic arrangements were only a form of fixing the real state of affairs guaranteed by the right of arms. At the same time, the trust to the «partners» in negotiations with the USA and Britain was so low that the Soviet Union was working out the plans of military operations for consolidation of the diplomatic agreements, and possibly for their correction.*

Keywords: *World War II, Yugoslavia, Bulgaria, Turkey, Greece, the USSR, the Cold War, the Balkans, the Black Sea straits.*

В годы Второй мировой войны мира СССР, несомненно, не ставил балканский вопрос на первостепенное место при определении своего видения послевоенного переустройства. В центре советских внешнеполитических озабоченностей были судьбы стран Центральной Европы – Германии и Польши, продолжение войны на Дальнем Востоке, устройство единых международных организаций. Тем не менее, Москва не могла не рассматривать

и проблему Балкан, прежде всего вопрос о черноморских проливах и соседних с ними странах, что было традиционно для внешней политики России. До начала Второй мировой войны страны Балканского полуострова (Турция, Румыния, Болгария, Греция, Югославия и Албания) в политическом смысле интересовали СССР в разной степени. В большей мере внимание уделялось пограничным странам (Турции и Румынии), дипломатические отношения с которыми, пусть и не очень ровные, были неизбежны, а также странам, имевшим крупные, политически активные центры белой эмиграции (Болгария и Югославия), с которыми у СССР дипломатические отношения сравнительно долго не были установлены (с Софией – до 1934 г., с Югославией – до 1940 г.). После оккупации Балканских государств Германией и ее союзниками СССР разорвал отношения с Югославией, Албанией и Грецией, вновь установив отношения с этими странами лишь после начала войны, но уже с их эмигрантскими правительствами. С Румынией были начаты военные действия, а Болгария и Турция старались сохранять дипломатические отношения с СССР, хотя и ориентировались на Германию почти до самого конца войны. Их базы оказывали помощь немецкому флоту, а экономисты работали в качестве сырьевых придатков военной индустрии Рейха. Осенью 1944 г. войска Красной армии заняли Румынию и Болгарию, а Великобритания ввела войска в оставленную вермахтом Грецию. На подконтрольных территориях обе стороны начали достаточно жестко насаждать своих ставленников. Турция, которая до этого вела политику выжидания по отношению к англо-американцам и враждебно-го нейтралитета по отношению к СССР [4; 17, с. 22], наконец решила и 23 февраля 1945 г. объявила войну Германии. СССР 19 марта 1945 г. разорвал советско-турецкий договор о дружбе от 1925 г., оказывая давление с целью добиться удовлетворения собственных требований: режим совместного советско-турецкого контроля в черноморских проливах, размещение советской военно-морской базы, возвращение территорий, отошедших Турции по Московскому договору 1921 года [9]. Что же касается Югославии, то там в годы Второй мировой войны активно шла партизанская война, осложнившаяся гражданской войной между двумя ветвями Сопротивления – просоветскими партизанами и проангло-саксонскими четниками. Красная армия освободила от немцев восточную часть страны со столицей и помогла установить там коммунистическую диктатуру Тито, который,

превратив свое партизанское войско в регулярную армию, смог освободить от немцев и их союзников западную часть страны лишь к маю 1945 года. Албания, находившаяся вдали от линий коммуникаций и не имевшая никакого значения после отступления немцев из Греции и падения восточной части Югославии, была оставлена немцами осенью 1945 г. Там также пришло к власти коммунистическое партизанское движение, жестоко подавлявшее партии, ориентировавшиеся на западных союзников.

На международных конференциях вопрос о послевоенной судьбе Юго-Восточной Европы обсуждался советскими представителями среди прочего с самого 1941 года. Свои идеи по поводу будущего устройства Восточной Европы Советский Союз выразил в переговорах между СССР и Британией, состоявшихся в декабре 1941 г. Тогда СССР предложил английской стороне подписать «пакетом» два договора. Первый – о взаимопомощи между СССР и Британией (в дополнение к предыдущему от 12 июля 1941 г.). Второй договор предполагал конкретно утвердить послевоенное переустройство Европы. Среди прочего (после предложений, касающихся Чехословакии и Польши) было предложено расширить границы Югославии за счет Италии (Триест, Риека, адриатические острова) и Болгарии [15, с. 536–537; 17, с. 38, 51]. Прямые переговоры с Британией о послевоенных границах и статусе Югославии без консультаций с эмигрантским правительством еще раз демонстрируют реальный статус этого правительства. Со своей стороны, британское правительство отказывалось от переговоров по поводу территориального расширения Югославии и выдвигало собственные притязания [3]. Идея о разделе сфер влияния на Балканах с СССР обдумывалась англичанами еще с 1942 г. [2, с. 430 – 431].

Осенью 1943 г. в период между Московской конференцией министров иностранных дел СССР, Англии и США (19 – 30 октября 1943 г.) и Тегеранской конференцией (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) Британия и СССР пришли к соглашению о том, что в Югославии следует поддерживать движение Тито. Остальные Балканы в этих переговорах оставались в почти полной тени [12]. Куда более важным было решение Рузвельта отклонить предложение Черчилля о высадке англо–американских войск на Балканах. Американский президент, по словам его сына, так отзывался об этих попытках британского премьера в Тегеране: «Всякий раз, когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно,

чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные... На беду, премьер-министр слишком много думает о том, что будет после войны и в каком положении очутится тогда Англия. Он смертельно боится чрезмерного усиления русских. Я не вижу оснований рисковать жизнью американских солдат ради защиты реальных или воображаемых интересов Англии на европейском континенте» [19, с. 186 – 187].

Идея о детальном разделе зон влияния на Балканах с СССР выдвигалась британской стороной в переговорах с Советским Союзом с весны 1944 г. и окончательно была сформулирована в октябре 1944 г. [25, с. 479; 17, с. 412 – 488]. В результате конкретный раздел зон влияния на Балканах был осуществлен в октябре 1944 г. во время второго визита Черчилля в Москву, практически без участия США в ходе небезызвестного «процентного» соглашения [5, с. 320 – 326; 36, с. 448 – 451]. Черчилль предложил разделить зоны влияния на Балканах («Румыния: Россия – 90%, другие – 10%; Греция: Великобритания (в согласии с США) – 90%, Россия – 10%; Югославия – 50:50 %; Венгрия – 50:50%; Болгария: Россия – 75%, другие – 25%»), получив на это молчаливое согласие Сталина. Затем о деталях договаривались главы МИД двух стран, В. Молотов и А. Иден, уточнившие пропорции, впрочем Греция, Румыния и Турция ими больше не упоминались, как окончательно разделенные между сферами влияния. Экзотическая Албания вовсе не фигурировала в процентном соглашении. По поводу Югославии «Молотов... добавил, что, предлагая 60 и 40%, он имеет в виду, что советскую сторону мало интересует побережье и что он хотел бы иметь больше влияния в центре страны». Впрочем, окончательное соглашение не было подписано, что в условиях «холодной войны» представляло собой лишь обозначение заинтересованности обеих сторон.

Последняя большая конференция военного времени, состоявшаяся 4 – 11 февраля 1945 г. в Крыму, окончательно определила взгляды великих держав на будущее послевоенной Европы, в том числе – Балкан. Ялтинская конференция, подтвердившая раздел зон влияния в Европе, затрагивала вопрос о Балканах в основном по инициативе британской и американской сторон, активно старавшихся защитить свои интересы в зоне влияния

(нахождения РККА и союзных войск) советской стороны. Важным моментом англо-американцы считали вопрос о совместной телеграмме Й. Тито – И. Шубашичу от правительства СССР, Британии и США по вопросу о соглашении [1; 21, с. 219]. Это соглашение стало способом трансформации партизанской власти в законное и признанное союзниками правительство Югославии. Соглашение было подписано на острове Вис на территории, подконтрольной британским войскам, между премьером королевского правительства И. Шубашичем и лидером КПЮ Й. Тито 14 – 16 июня 1944 года. Шубашич был поставлен на место премьера и подписал это соглашение (тем самым он вошел в правительство новой Югославии, а король Петр потерял возможность вернуться в страну) под диктатом У. Черчилля. В контексте внутренних взаимоотношений в Югославии 1944 год можно рассматривать как крайне сложный (критический) год для сербов. Три ведущие стороны мирового конфликта опирались тогда в Югославии на трех лидеров – СССР на Й. Тито, США и Англия на И. Шубашича, а Германия на А. Павелича. Все три фигуры по национальности были хорватами, что делало будущее сербского народа смутным при любом исходе событий. Пикантность ситуации заключалась в том, что с 1942 г. И. Шубашич был завербован советской разведкой [27, с. 263 – 265]. Практической выгоды для британцев из этого соглашения так и не последовало. Тем не менее на Ялтинской конференции британцы с огромным вниманием следили за тем, чтобы была дана рекомендация о формировании совместного правительства, чтобы уважался договор Тито – Шубашич, а партизанский «парламент» АВНОЮ был дополнен нескомпрометированными депутатами последней югославской Скупщины для ратификации Учредительным собранием предыдущих решений [21, с. 172].

В целом окончательные решения Крымской конференции 4 – 11 февраля 1945 г. были зафиксированы в итоговом Протоколе работы конференции [21, с. 274 – 281]. По Балканскому вопросу был выделен ряд тем. Параграф VIII касался Югославии и рекомендовал Й. Тито и д-ру Шубашичу привести в действие соглашение Тито – Шубашич, создать новое правительство, расширить АВНОЮ и готовиться к созыву Учредительного собрания. В параграфе IX рассматривались итало–югославская и австро–югославская границы, впрочем, несмотря на ноты британской делегации, общее решение этих вопросов не было выработано.

Параграф X затрагивал югославно-болгарские взаимоотношения. СССР настаивал на желательности югославно-болгарского договора о союзе. Британцы были категорически против такого союза, т.к. Болгария все еще находилась под режимом перемирия, несмотря на то, что ее войска уже активно с октября 1944 г. участвовали в борьбе против немцев. В параграфе XI были затронуты прочие проблемы Юго-Восточной Европы, также поставленные на повестку дня по инициативе британской стороны: деятельность Контрольной комиссии в Болгарии, греческие претензии к Болгарии, принадлежавшее союзническим фирмам до войны нефтяное оборудование и концессии в Румынии. С другой стороны, уже по инициативе советского правительства, параграфом XIV было предусмотрено соглашение о необходимости внести уточнения в Конвенцию в Монтре на основании консультации глав трех МИД. Турецкое правительство должно было быть лишь «информировано об этом вопросе», и не сразу, а «в надлежащий момент». Таким образом, практические проблемы разграничения Балкан были обозначены, но не решены окончательно. Опубликованный сборник документов из «личной папки Сталина» из РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории) и особенно анализ проблем безопасности Британской империи, подготовленные еще до Ялты, свидетельствует, что «холодная война» начала планироваться уже в годы Второй мировой войны [37].

Таким образом, окончательное решение по вопросу будущего Европы еще не было принято. В этот момент все дипломатические маневры и договоренности (крайне важные и острые) зависели от «числа дивизий», наличия военной техники и готовности применить эту силу для отстаивания своих интересов. Попробуем проанализировать, как этот вопрос решался на Балканах, а точнее, в самой важной для интересов СССР точке – в их центральной части, где в феврале 1945 г. располагались войска Красной армии (в Болгарии и Румынии) или союзников СССР (югославская армия, занимавшая восточную часть Югославии).

Несмотря на условные соглашения о разделе зон влияния, в тот период Балканы стали частью более широкого пояса нестабильности. Зона напряженной ситуации на грани гражданской войны распространялась в то время не только на территории Прибалтики, Западной Украины и Польши, но и на территории Юго-Восточной Европы – на Югославию, Румынию, Албанию и

приграничные с Турцией районы Болгарии. При этом в Греции, где оккупационными войсками были англичане и знаки противостояния были противоположными, Гражданская война полыхала с еще большей силой. В Италии, Франции и Испании коммунистические полуподпольные военизированные организации также пытались, без особых, правда, успехов, защитить свое место под солнцем [26]. Балканы к этому времени уже *de facto* «поделены» между СССР (Болгария, Румыния, Югославия и Албания) и англо-американскими союзниками (Греция и Турция). Войска и основные усилия англо-американцев на Балканах были сконцентрированы в Греции, кроме того, они оказывали военную помощь Турции, где имелись западные военные миссии и военные инструкторы. Советские войска были размещены в Румынии и Болгарии, а в Албании и Югославии уровень советского военного присутствия также ограничивался военными миссиями, военной помощью и инструкторами. При этом в Румынии и Болгарии (как и в ряде других стран Европы, участвовавших во Второй мировой войне на стороне проигравших) действовали Союзные контрольные комиссии (СКК). О деятельности СКК в Болгарии и о послевоенном развитии ситуации писали непосредственные участники тех событий [6; 34], издан ряд монографий и сборников документов, а также значительное число сборников статей [8; 22; 23; 24]. Ограничимся лишь общей констатацией уже установленного предшественниками фона взаимоотношений с англо-американскими союзниками. Если СССР устанавливал железной рукой свой порядок в Румынии, Болгарии и Венгрии, не очень оглядываясь на союзников, последние, в свою очередь, делали то же самое в Италии и Греции. Стоит уточнить, что первыми конфронтацию начали англо-американцы, еще в 1943 г. приступив к вытеснению из новых правительств представителей политической оппозиции (коммунистов в Италии), выдвигая претензии к соседним странам по территориальным вопросам (проанглийское правительство в Греции) и добиваясь маргинализации роли союзников, не имевших военной мощи на территории оккупированной страны (положение советской базы АГОН в Бари и т. д.).

Хотелось бы обратить внимание на то, что, кроме подпольной поддержки повстанцев на территории зоны влияния противоположной стороны, кроме дипломатических ристалищ и маргинализации политической оппозиции, оба военных партнера держали в рукаве и запасные тузы. Известный российский

исследователь истоков холодной войны О. Ржешевский, комментируя британский план «Немыслимое» (согласно которому предполагалось нанесение ударов по вчерашнему союзнику), пишет: «В связи с «инициативами» Черчилля возникает, по меньшей мере, два вопроса. Первый – имелись ли в то время у советского руководства планы наступления до берегов Атлантики и захвата Британских островов? На этот вопрос следует ответить отрицательно... Второй вопрос – знало ли советское руководство о британских планах войны против СССР? На этот вопрос, пожалуй, можно ответить утвердительно» [18]. Соглашаясь с маститым ученым в целом, хотелось бы уточнить некоторые моменты. Такие планы у СССР, несомненно, были. Хотя, как отмечал О. Ржешевский, это были планы контр наступления оборонительного характера, исходившие из возможности нанесения первого удара англо-американцами. Таких планов, как это и понятно из второй части утверждения О. Ржешевского, СССР просто не мог не иметь. Стратегические и фронтовые уровни подобного планирования закрыты для исследования и в обозримом будущем вряд ли будут открыты. Однако на Балканском направлении эти документы не являются секретными, причем гриф секретности с них снят сравнительно недавно – в минувшее десятилетие нынешнего века.

Весной 1944 г. крайне обострилась ситуация по линии взаимоотношений СССР не только с Англией, но и с США. Известно несколько случаев межсоюзнических воздушных боев и обстрелов советских войск авиацией союзников [7, с. 255; 16; 32; 33]. Однако пиком этой напряженности на южном фронте можно назвать приказ командующего фронтом от 2 апреля 1945 г. [30, Д. 16], обращенный к командующим армий и к командирам отдельных корпусов, начальнику тыла фронта, начальнику войск по охране тыла фронта. «За последнее время, – говорилось в нем, – участились случаи посадки иностранных, в том числе американских самолетов на территории, занятой нашими войсками. Вредное благодушие, ненужная доверчивость и потеря бдительности со стороны личного состава частей Красной армии и в первую очередь ВВС способствует использованию этих посадок враждебными элементами, переброске на нашу территорию террористов, диверсантов и агентов... В связи с вышеизложенным и в соответствии с директивой Ставки Верховного главнокомандования 016050 от 30.3.45. приказываю: 1. Все экипажи севших без разрешения на территории,

занятой нашими войсками, исправных или неисправных иностранных самолетов, в том числе, американских и английских, интернировать и содержать под арестом впредь до получения указаний о дальнейшем их направлении. 2. Иностранные самолеты, в том числе американские и английские, севшие на территории, занятой нашими войсками, считать трофейными. Исправные и поддающиеся полевому ремонту направлять в 17 ВА. Не подлежащие восстановлению самолеты сдавать в трофейные органы как металл или разбирать на запчасти. 3. О всех случаях интернирования иностранных экипажей немедленно шифром доносить».

После подписания в Москве 28 октября 1944 г. соглашения о перемирии в Болгарии начала действовать Союзная контрольная комиссия, преобразованная из действовавшей до этого Объединенной союзной военной миссии. Председателем СКК был назначен Ф. И. Толбухин, заместителем (а фактически руководителем) был генерал-полковник С. С. Бирюзов. Одновременно С. С. Бирюзов был также командующим 37-й отдельной армии (37-й ОА), пополненной кадрами и техникой и размещенной в Болгарии с декабря 1944 г. В 1946 г. на базе управления 37-й ОА была создана 10-я Особая механизированная армия, имевшая в своем составе 3 корпуса (9 дивизий). Командиром этого нового соединения также был С. С. Бирюзов. Эта мощная группировка Красной армии, оставшаяся с декабря 1944 г. в глубоком тылу Второй мировой войны, содержалась в полной боевой готовности. Из документов оперативных, разведывательных и политических отделов штаба 37-й ОА, а также входивших в ее состав частей и соединений, ясно прослеживается, кто считался вероятным противником.

Деятельность представителей Англии и США при СКК в Болгарии (генералов У. Оксли и Д. Крейна) советские представители минимизировали [35, с. 264 – 284]. Работая в стесненных условиях, английские военные разведчики все же находили возможность собирать данные по советско–болгарскому взаимодействию на южном направлении. При этом в своих докладах с начала 1945 г. они напрямую связывали деятельность ЭЛАС в Греции с советским подстрекательством, фиксировали ухудшение советско–турецких взаимоотношений и активизацию советских войск, обращая особое внимание как на места базирования советской авиации, так и на усиление советского сухопутного присутствия в стране [14, с. 144 – 179].

В то же время в 37-й ОА, в армейской газете «Советский патриот», которая издавалась с грифом ДСП (т.е. могла служить лишь для поднятия боевого духа бойцов и офицеров, не являясь при этом газетой, рассчитанной на реакцию Запада или широких масс населения), полным ходом шло ознакомление личного состава с ситуацией на Балканах. Личному составу 37-й ОА в армейских и дивизионных газетах регулярно сообщали о кровавом подавлении коммунистического восстания в Греции и о том, что бывшие сообщники немецких оккупантов в Греции заседают в правительстве, а бывшие участники коммунистического партизанского движения – сидят в тюрьме [20]. Последний пропагандистский штамп о дружбе с союзниками появился в середине ноября 1944 г. – плакат, на котором советский и английский солдаты обнимались на фоне указателя «Берлин», с подписью «Скоро придет час». После этого просоюзнических публикаций в газете не печаталось. В ноябре и декабре 1944 г., а также в новом 1945 г. военные пропагандисты продолжали публиковать заметки про убитых и взятых в плен английскими и греческими правительственными войсками партизан-коммунистов. Писали про то, что тюрьмы Греции переполнены рабочими, введена система тайной государственной полиции, бывших подпольщиков расстреливают, а «квислинговцы» получают теплые местечки в правительстве. В «Советском патриоте» в июле 1945 г. был поднят вопрос о переделе территории Турции и Греции – 20 июля появились сразу две статьи о протесте «македоно-американцев» против преследования македонцев в Греции и о положении в Греции. При этом армейская газета уточняла: «Ясно, что никто не осмелится отрицать трагическую судьбу македонских славян, которые подвергаются особым преследованиям с целью спровоцировать новую войну на Балканах. Эти факты притеснений и террора противоречат духу ялтинских решений, помогающих народам освобожденных стран установить действительно демократический режим, и угрожают общему миру на Балканах». В то же время 24 июля сообщалось, что «лидеры прогрессивного Армянского национального совета в Америке опубликовали в печати заявление о том, что они обратились к Трумэну, Сталину и Черчиллю с призывом вернуть Советской Армении армянские провинции, входящие в состав Турции».

В целом можно выделить два периода: конец осени 1944 г. – начало весны 1945 г. и лето – начало осени 1945 г., когда пропагандистский накал по отношению к Греции и Турции внезап-

но поднимался до самого высокого градуса. При этом в июле – сентябре 1945 г. он достиг пика: речь шла о пограничных стычках и территориальных претензиях Греции к Болгарии, Югославии и Албании и проблемах армянского и славянского населения в Турции и Греции. Эти пропагандистские отливы-приливы в «Советском патриоте» за 1944–1946 гг. соответствовали перипетиям внутренней политики Греции [13; 28] и Турции [10; 11].

Особенно активной была деятельность Разведывательного отдела 37-й ОА по Турции, Греции и размещенным там английским войскам, что контрастирует с полным отсутствием интереса к территориям как Румынии, где были размещены советские войска, так и союзных Югославии и Албании. Исходная информация о войсках турок, греков и британцев черпалась из материалов болгарского Генерального штаба [29, Оп. 8951, Д. 29, 56]. В дальнейшем к помощи болгарских коллег добавлялся все больший объем информации, собиравшийся и силами самого разведывательного отдела (РО) 37-й ОА [29, Оп. 8951, Д. 57]. Для этого РО был полностью укомплектован на уровне как РО всей ОА, так и РО дивизий. Представить направление работы отдела позволяет анализ удовлетворенных запросов от марта–мая 1945 г. на переводчиков – с английского, турецкого и греческого, – причем при их отборе ориентировка шла на специалистов, умеющих не просто переводить текст, а способных самостоятельно вести допрос военнопленных. [29, Оп. 8951, Д. 57, Л. 5, 8, 9, 152; Д. 63]. Разведывательная деятельность велась методами радиоперехвата, с помощью добытых группами ближней разведки средств связи и с использованием радиоматериалов болгарских коллег, существенно помогало знание советской стороной английских, турецких и греческих радиошифров [29, Оп. 8951, Д. 57, Л. 18, 29–31, 63–67]. Имели место сравнительно частые допросы греческих и турецких перебежчиков, а также солдат и офицеров английской армии, по разным причинам переходивших государственную границу Болгарии и попадавших в руки контрразведки 37-й ОА [29, Оп. 8951, Д. 57, Л. 19-23, 98-99; Д. 63].

Оценка ситуации в приграничных районах заставляла РО 37-й ОА вести себя настороженно. Еще 2 марта 1945 г. РО 37-й ОА отправил в Разведупр Генштаба Красной Армии материал о турецкой армии по состоянию на 1 февраля 1945 г., в котором был сделан вывод о том, что «во Фракии продолжает концентрироваться значительная группировка турецкой армии» [29,

Оп. 8951, Д. 57, Л. 2–4]. Внимательно отслеживалось и положение на болгаро–греческой границе, о чем детальное донесение было отправлено РО 37-й ОА в тот же адрес 15 мая 1945 г. [29, Оп. 8951, Д. 57, Л. 11–13]. Составитель этого донесения делал вывод, что «англо–греческие войска, расположенные на греко–болгарской границе, ведут усиленную разведку и рекогносцировку», а «активно действующие диверсионные группы на болгаро–греческой границе с целью организации и проведения подрывной деятельности» вооружены английским оружием, были «сформированы и руководятся английскими агентами». Начальник РО 37-й ОА полковник Ермолаев отправил 24 июля 1945 г. генерал-майору Рогову, начальнику Разведывательного управления Штаба Южной группы войск (РУ Штаба ЮГВ), доклад о состоянии, возможностях и положении войск на операционных направлениях Фракийского театра военных действий. В нем рассматривались операционные направления Одрин – Баба Ески – Стамбул, Одрин – Баба Ески – Галлиполи а также Лозенград – Сарай – Стамбул. (Примечание автора – Здесь и далее во избежание путаницы географические названия даны в форме, использовавшейся советскими авторами документов. Они отличаются от современной литературной нормы, а в отдельных случаях не совпадали и с литературной нормой русского языка того времени, т. к. для планирования операций использовались детальные карты болгарского Генерального штаба). Согласно оценкам советского офицера, с захватом Фракии Красной Армией Турция теряет большую территорию, лишается места в системе стран Балканского полуострова, лишается главенствующего положения на проливах, теряет крупнейший административно-хозяйственный и политический центр, каким является Стамбул, создается непосредственная угроза проникновения в Анатолию, к основным жизненным центрам страны. При этом рассматривался, в первую очередь, вариант, в котором Турция наносит удар по приграничным территориям Болгарии, – в ответ планировались «активные военные действия на территории Фракии» всех родов войск Красной Армии – крупными группировками, при поддержке значительного количества танков и с высадкой авиадесантов в узлах коммуникаций (Баба Ески, Люле Бургас, Чорлу, Узун Кюпрю, Хайраболу, Кешане). Главные усилия авиации предполагалось направить «на контроль и разрушение турецких портов на Черном и Мраморном морях, через которые будет производиться главным образом снабжение

армии всеми видами довольствия: матчастью, боеприпасами и личным составом» [29, Оп. 8951, Д. 57, Л. 37 – 44]. Это внимание Разведуправление ГШ КА к воздушному пространству Турции, ее аэродромам и возможностям ВВС и ПВО все более усиливалось в течение 1945 г., судя по делопроизводству РО 37-й ОА [29, Оп. 8951, Д. 57, Л. 151, 165; Д.67; Д.70]. Кульминацией стало предоставление в начале сентября 1945 г. РО 37-й ОА в РУ Штаба ЮГВ доклада с характерным названием «Царьград – как воздушный объект» [29, Оп. 8951, Д. 57, Л. 153]. Аналогичные варианты действий рассматривались и по отношению к континентальной Греции, с особым упором на линии обороны [29, Оп. 8951, Д. 57, Л. 24, 45 – 50, 78 – 89, 95 – 96, 100, 111, 117]. Большое внимание уделялось также дислокации на греческой территории английских войск, чья роль в обороне Греции рассматривалась как ведущая [29, Оп. 8951. Д. 59, 63], хотя активно собиралась и информация об оборонительных возможностях греческой королевской армии [29, Оп. 8951. Д. 59, 65]. При проведении возможных операций против Турции и/или Греции советские офицеры исходили из активного вовлечения в эту операцию болгарских сил: армии, флота и авиации. Оценки состояния болгарской армии с анализом боевых возможностей отдельных частей, скорости их развертывания и переброски к участкам греко-болгарской и турецко-болгарской границы были предметом постоянного внимания РО 37-й ОА [29, Оп. 8951. Д. 57. Л. 45, 101 – 114, 172 – 177 ; Д. 64]. Концентрация внимания ЮГВ на оборонительных способностях армии Греции и Турции получила свое отражение и в Сборниках разведывательных материалов РУ штаба ЮГВ, целиком посвященных вооруженным силам Турции, Греции и размещенным там войскам англичан. Особую настороженность к осени 1945 г. (сентябрь – ноябрь) вызывали такие новые факты, как появление английских военнослужащих на территории Турецкой Фракии и начало высадки американских военнослужащих в Греции [29, Оп. 8951, Д. 57, Л. 198 – 209, 213; Д. 70].

Информация о возможностях «обороны» и «активных действий» (так характеризовали возможное контрнаступление или наступление частей РККА) собиралась РО 37-й ОА не только в разведывательных целях. Она предоставлялась и в Оперативный отдел (ОО) 37-й ОА, где использовалась для составления подробных обзоров болгарского пограничья и укреплений [30, Оп. 8898, Д. 355, 373, 374, 375, 376]. Для противодействия ожи-

даемому с весны 1945 г. наступлению противника через южные и юго-восточные рубежи Болгарии были сформированы особые подвижные отряды – прообраз бригад быстрого реагирования. Уже 12 апреля 1945 г. в районах греко–болгарского и турецко–болгарского пограничья начальник штаба 82-го стрелкового корпуса провел рекогносцировку. Были определены рубежи обороны, места для развертывания дивизий и исходный рубеж для потенциального наступления. Хотя большая часть выводов касалась обороны, в том числе критики болгарской системы дотов, колючей проволоки и кольев, среди вариантов рассматривались и возможные способы (контр)наступления. Кроме того, был сделан вывод о невозможности постоянного базирования в приграничных районах основных дивизий и указано, что они, в силу особенностей рельефа и растительности, могут быть размещены только во временных лагерях [30, Оп. 8898, Д. 338, Л. 1 – 13]. В связи с этим 16 апреля появилась идея о создании отдельного подвижного отряда, которая воплотилась в приказе начальника штаба 37-й ОА генерал-майора Блажея. Он распорядился сформировать подвижный отряд из роты автоматчиков, обеспеченный надежной радиосвязью и автотранспортом, усиленный зенитными крупнокалиберными пулеметами и бронетранспортерами с противотанковыми ружьями. Для пополнения было приказано «подобрать лучший офицерский состав, наиболее устойчивый, смелый, решительный и имеющий боевой опыт». Этот первый отряд, обеспеченный боекомплектами, запасами горюче-смазочных материалов и продовольствия, получил задание «быть в полной боевой готовности к выступлению по сигналу в район Смолян и занять оборону на рубеже Смолян, Рудозем, Среднегорцы (все пункты 70 км южнее Пловдива) с задачей – не допустить прохода данного рубежа войск всех без исключения иностранных армий в северном направлении. Занятый рубеж удерживать во что бы то ни стало до подхода стрелковых частей. Выступление отряда после получения сигнала через один час, прибытие в район сосредоточения и занятие обороны через три часа» [30, Оп. 8898, Д. 338, Л. 15]. Оборонительные планы дополнялись разработанными в конце августа – начале сентября 1945 г. планами наступления против Турции и Греции: направление София–Салоники (1 августа), направление Пловдив–Ксанти (10 августа), направление Хасково–Комотини (23 августа), направление Симеоновград–Стамбул (4 сентября) и направление Эдирне–Дарданеллы (19 сентября) [30, Оп. 8898,

Д. 338, 377, 378, 379, 380, 381]. Картину этой фантастической операции могут дополнить материалы, подготовленные в ходе двух командно-штабных учений 1945 г. Первые учения состоялись 5 марта 1945 г. и подразумевали планирование односторонней армейской наступательной операции в горных условиях с задачей отразить стабилизировавшиеся по предгорьям Малых и Централных Балкан войска противника, угрожающего вторгнуться с территории Турции и Греции [31, Оп. 8900, Д. 122, д. 2, 2 об, 3, 3 об.]. В рамках учений, состоявшихся 29–30 ноября 1945 г., планом отражения противника, внезапно прорвавшегося и устремившегося на Ямбол и Стара Загора, был подготовлен куда более объемный пакет материалов. В качестве противника были намечены достаточно прозрачные обозначения «синих», «черных» и «коричневых». «Коричневые» войска характеризовались как наиболее боеспособные, имеющие хорошую боевую подготовку, боевой опыт в период войны против Германии и хорошую вооруженность, с высоким настроем личного состава. «Синих» организаторы учений наделили такими чертами, как чувство военной неподготовленности страны, малочисленность армии и плохая техническая вооруженность. Также предполагалось, что значительная часть солдатского состава недовольна внутренним режимом в стране, установленным под воздействием «коричневых войск», и не желает сражаться против Красной Армии. В то же время для «черных» было характерно враждебное отношение к СССР и опасение потерять часть государственной территории, страх перед мощной Красной армией [31, Оп. 8900, Д. 122, Л. 51, 51 об.].

Особенно объемны и показательны материалы, подготовленные Политотделом 37-й ОА (ПО 37-й ОА): от «Памятки стрелку о действиях в горах» и приказов начальникам ПО корпусов, дивизий и бригад до специального номера армейской газеты «Советский патриот» на день начала боевых действий. Показательны также задачи и лозунги – «Враг нарушил мир и безопасность. Дадим ему сокрушительный отпор», «Бить врага так, как били в Отечественную войну» [31, Оп. 8900, Д. 122, Л. 24, 24 об., 35, 36, 38, 38 об., 39, 45]. В «Обращении к бойцам, сержантам, офицерам и генералам» все маски с условных псевдонимов были сняты: «Товарищи красноармейцы, сержанты, офицеры и генералы! Прошло всего шесть месяцев со дня окончания войны в Европе, а уже новая бойня надвинулась. Черно-синие армии, подстрекаемые коричневыми империалистами, сосредото-

точились на болгарской границе и готовятся нанести удар по демократической Болгарии. Красная армия четыре года проливала кровь, отстаивая свободу и независимость не только Советского Союза, но и всех свободолюбивых народов мира от порабощения гитлеровской Германией. Нашей кровью и кровью братских славянских народов мы добились победы над фашизмом, очистили от гитлеровской нечисти не только территорию нашей социалистической Родины, но и территории Финляндии, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Австрии, Болгарии, Югославии, и водрузили знамя победы над Берлином. Советский Союз, Красная Армия стали символом свободы, независимости народов мира. Коричневые империалисты, вступившие в войну против гитлеровской Германии только летом 1944 г., вероломно нарушают все ими подписанные и всему миру известные соглашения Тегеранской, Крымской и Берлинской конференций, стараются сохранить профашистские элементы, раздувают пламя новой войны в целях своих империалистических интересов. Правителям коричневых удалось натравить профашистских синих и черных на демократическую Болгарию...» [31, Оп. 8900, Д. 122, Л. 47, 47 об.].

В том же духе славянского братства было выдержано и «Обращение к Болгарскому народу» [31, Оп. 8900, Д. 122, Л. 50–50 об.]. Предполагалось, что пропаганда будет действовать и на войска «синих», по отношению к которым особый упор делался на оккупационный характер пребывания в их стране «империалистических войск коричневых», неестественность союза с «черными» и опасность выступления против «Советского Союза, защитника свободы и всех демократических народов» [31, Оп. 8900, Д. 122, Л. 51].

Пропаганда также укладывалась в выделенные два пика напряженного ожидания в штабе 37-й ОА, связанного с глобальными событиями – окончанием Второй мировой войны в Европе (весна 1945 г.) и окончанием Второй мировой войны вообще (конец лета – осень 1945 г.). В первом случае в основном имелись в виду планы исключительно оборонительные, а во втором особенно активно подразумевалось и прорабатывалось контрнаступление. Эти планы, несомненно, были лишь элементами как региональной политики СССР (поддержка греческих партизан через Албанию и Югославию, опора на курдских повстанцев в Иране), так и глобальной конструкции противостояния с США и Англией. Таким образом, можно сказать, что, несмотря

на устоявшееся представление о завершении раздела сфер влияния на Балканах в октябре 1944 г. в Москве и в феврале 1945 г. в Ялте, дипломатические договоренности были лишь формой закрепления реального состояния дел, гарантированного правом оружия. При этом, доверие к «партнерам» по переговорам из США и Англии было настолько низким, что советской стороной готовились войсковые операции для закрепления договоренностей, а возможно и для их некоторой коррекции.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Decade of American Foreign Policy: Basic Documents, 1941-49, Prepared at the Request of the Senate Committee on Foreign Relations By the Staff of the Committee and the Department of State. – Washington, DC: Government Printing Office, 1950.*
2. *Mackenzie W. The Secret History of S.O.E.: Special Operations Executive 1940–1945. – London, 2000. – 814 p.*
3. *АЖ(Архив Югославии) – Ф. 378 «Посланство у Кужбишеву». – К.1. – Д..230-231.*
4. *Безугольный А. Ю. Ни войны, ни мира. Положение на советско-турецкой границе, меры советского руководства по предотвращению турецкой угрозы в первый период Великой Отечественной войны // «Военно-исторический архив». – 2003. – № 5. – С. 53 – 76.*
5. *Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. – М.: ДЭМ, 1993. – 400 с.*
6. *Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. – М.: Воениздат, 1963. – 336 с.*
7. *Блажей А. К. В армейском штабе. – М.: Военное издательство, 1967. – 256 с.*
8. *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа: становление политических режимов советского типа, 1949–1953. [Очерки истории]. – М.: РОССПЭН, 2002. – 686 с.*
9. *Гасанлы Д. П. СССР – Турция: полигон «холодной войны». – Баку: Адилоглы, – 2005. – 554 с.*
10. *Гасанлы Д. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939 – 1953). М.: Центр пропаганды, 2008. – 663 с.*
11. *Данилов В. И. Метаморфозы турецкого национализма/Ближний*

- Восток и современность (сборник статей). – Выпуск 9. – М.: ИИИиБВ, 2000. – С.20 – 35.*
12. Зелењин В. В. *Совјетска војна мисија у Југославији 1944 / Пола века од ослобођења Србије. – Београд, 1995. – С. 17 – 18.*
 13. Кирьякидис Г. Д. *Гражданская война в Греции. – М.: Наука, 1972. – 374 с.*
 14. Котева А., Котев Н. *Британското разузнаване в България, 1939–1945. – София: Военно издателство, 2003. – 188 с.*
 15. Майский И. М. *Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. – Ташкент: Узбекистан, 1980. – 672 с.*
 16. Почтарев А. *«Дружеские» атаки американских союзников // Независимое военное обозрение. – 2005 – 08.04.*
 17. Ржешевский О. *Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945. – М.: Наука, 2004. – 564 с.*
 18. Ржешевский О.А. *Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. – 1999. – № 3. – С. 98 – 123.*
 19. Рузвельт Э. *Его глазами. М.:ИИЛ, 1947.*
 20. *«Советский патриот». – 1944 – 1945 гг. – 19.11.1944, затем регулярно со 2 декабря 1944 г.*
 21. *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: Сборник документов. – Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4 – 11 февраля 1945 г.) – М.: Издательство политической литературы, 1979. – 302 с.*
 22. *Советский фактор в Восточной Европе, 1944 – 1953 гг. [Документы: в 2-х тт.] – М.: РОССПЭН, 1999 – 2002.*
 23. *Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. Т. 1-2. – М.: Наука, 1976 – 1981.*
 24. *Советско-болгарские отношения. 1944 – 1948 гг. – М.: Политиздат, 1969. – 508 с.*
 25. Спасов Л. *България и СССР. Политико-дипломатически отношения 1917–1944. – Велико Търново: Фабер, 2008. – 550 с.*
 26. Тимофеев А. Ю. *Повстанческое движение в Сербии. 1944–1948.: борьба против укрепления власти КПЮ на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы // Историки-слависты МГУ. В. А. Тесемников. [Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова]. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 262 – 281.*

27. Тимофејев А. Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941 – 1945. – Београд.: Цицero принт, 2011. – 460 с.
28. Улуњан Ар. А. Коммунистическая партия Греции: Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории: КПП в национальном Сопротивлении, гражданской и «холодных» войнах 1941 – 1956 гг. – М., 1994.
29. Централни архив Министарства обороне Руској Федерацији (ЦА МО РФ). – Ф. 37 ОА. Разведывательный отдел.
30. ЦА МО РФ. – Ф. 37 ОА. – Оперативни одел.
31. ЦА МО РФ. – Ф. 37 ОА. – Политически одел.
32. ЦА МО РФ. – Ф. 866 иап. – Оп. 223502. – Д. 3.
33. ЦА МО РФ. – Ф. 40. – Оп. 11549. – Д. 292.
34. Черепанов А. И. В ония бурни години: Записки на заместник-предс. на Съюзната контролна комисија во Бугарија: (1944–1947). Софија: Воено издаштво, 1981. – 208 с.
35. Черепанов А. И. Поле ратно мое. – М.: Воениздат, 1984. – 304 с.
36. Черчилль У. Вторая мировая война. [Кн. 3, т. V-VI] – М.: Воениздат, 1991. – 702 с.
37. Ялта-45. Начертания нового мира. [ред. Нарочницкая Н. А.] – М.: Вече, 2010. – 288 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВНОЮ – Антифашистско вече народног ослобођења Југославија

АГОН – авиациона група особог назначења.

ВА – воздушна армија

ГШ КА – Генерални штаб Крсној Армији

ОА – оделна армија

ОО – оперативни одел

ПО – политически одел

РО – разведывательни одел

РУ Штаба ЮГВ – Разведывательное управление Штаба Южној групи войска

СКК – сојузни контролни комисији

ЭЛАС – Греческа народна ослободителна армија

Чудинов А. В.

*доктор исторических наук, заведующий кафедрой исторического регионоведения Государственного академического университета гуманитарных наук; главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
(г. Москва)
e-mail: tchoudin@mail.ru*

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НАЧАЛА XIX ВЕКА¹

Аннотация: Главным движущим мотивом деятельности европейских держав на международной арене в Новое время был прагматизм или «государственный интерес», который определялся соотношением интересов тех элит страны, что могли оказывать влияние на ее внешнюю политику. Однако во время Французской революции и Наполеоновских войн, когда в политику оказались вовлечены самые широкие массы населения, религия, составлявшая основу мировосприятия людей в традиционных обществах, вновь стала действенным фактором международных отношений как эффективный инструмент мобилизации народного сопротивления военной, идеологической и политической экспансии Франции.

Ключевые слова: международные отношения, религия, традиционное общество, Французская революция, Наполеоновские войны.

Annotation: The main motive of the European powers' activity in international sphere of Modern times was a pragmatism or «raison d'État» which was determined by the correlation of interests of national elites that could influence the foreign policy. However, during the French Revolution and the Napoleonic wars, when the broadest masses of the population were involved in politics, the religion, which was the basis of the worldview of people in traditional societies, once again became a real factor in international relations as an effective tool for mobilizing popular resistance to the France's military, ideological and political expansion.

¹ Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

Keywords: *International relations, religion, traditional society, the French revolution, Napoleonic wars.*

Важной особенностью системы международных отношений в Новое время стала ее секуляризация. Уже в XVIII веке главным движущим мотивом внешней политики европейских держав является прагматизм или «государственный интерес» (*raison d'État*), который определялся соотношением интересов тех элит страны, что могли оказывать влияние на ее внешнюю политику. Зато религиозный фактор, доминировавший в международных отношениях XVI века и сохранявший еще немало значение в XVII-м (вспомним, что важнейшая из войн этого века – Тридцатилетняя – начиналась именно как религиозная), теперь, в XVIII столетии, перестал играть сколько-нибудь существенную роль. В век Просвещения религиозные мотивы использовались разве что для оправдания вмешательства России и Пруссии в польские дела под предлогом защиты религиозных меньшинств («диссидентов») и для обоснования роли Российской империи в качестве гаранта безопасности православных подданных турецкого султана [8].

Однако уже в XIX столетии религиозный фактор вновь становится вполне реальной и действенной силой международных отношений. Об этом весьма красноречиво свидетельствует то, что прямым и, пожалуй, одним из наиболее часто упоминаемых следствий Венского конгресса 1814 – 1815 годов стало заключение монархиями-победительницами «Священного союза». Хотя последующая история этого международного объединения, ставшего своего рода всеевропейским консорциумом по борьбе с революциями, заслонила исходные мотивы, коими руководствовался его творец – русский император Александр I, они ясно отражены в подписанной учредителями «Священного союза» декларации, основную идею которой Меттерних сформулировал как «приложение к политике принципов христианства».

Предлагая утвердить сформировавшийся по завершении Французской революции и Наполеоновских войн миропорядок на фундаменте христианских ценностей, Александр, не важно – осознанно или интуитивно, отдавал должное той роли, который религия сыграла как чрезвычайно эффективный инструмент мобилизации масс на сопротивление французскому вторжению в целом ряде регионов Европы и Ближнего Востока.

Военно-политическая экспансия революционной, а затем и наполеоновской Франции имела ярко выраженную идеологическую составляющую и вела к распространению в Старом Свете той системы ценностей, что ранее сформировалась в лоне культуры Просвещения и возобладали благодаря Революции внутри самой Франции. Однако восприятие этой новой ценностной парадигмы происходило в разных местах по-разному. В одних регионах, где культура Просвещения ранее уже пустила глубокие корни, такое восприятие оказалось более или менее безболезненным. Там единственным препятствием для французской экспансии становились действия вооруженных сил других государств, а сам военный конфликт не выходил за рамки политического противостояния.

Иначе обстояло дело в тех регионах, где традиционная культура сохраняла прочные позиции. Там вторжение французских войск, несших с собой принципиально иную систему ценностей, неизбежно влекло за собой конфликт мировоззренческих парадигм, в результате чего война приобретала характер межцивилизационного конфликта, а сопротивление местного населения принимало форму тотальной народной войны. И вот в этих-то случаях именно религия, составлявшая мировоззренческую основу традиционного общества, и оказывалась наиболее эффективным средством мобилизации активности масс на отпор французской армии [5].

Впрочем, впервые столкнуться с массовым вооруженным сопротивлением народа, боровшегося за сохранение традиционных ценностей, властям революционной Франции довелось еще в начальный период Революционных войн и на своей собственной территории. В 1793 году никакой другой неприятель – ни корпус дворян-эмигрантов под командованием принца Конде, ни даже вооруженные силы держав Первой антифранцузской коалиции – не угрожал существованию Республики в такой степени, как Католическая и королевская армия восставших крестьян Вандеи [1; 15; 16].

Вопрос о мотивах, побудивших сельское население Нижнего Пуату поднять оружием против революционного правительства Франции, на протяжении долгого времени был одним из наиболее дискуссионных в обширной историографии Вандейского восстания. Не вдаваясь в детали этих споров, отметим, что исследователи связывают сегодня истоки этого ожесточенного и кровопролитного противоборства, в которое оказалось втянуто

практически все население региона, прежде всего, с факторами социокультурного характера. Область Бокаж, ставшая во время Революции колыбелью мятежа, была в силу своих географических особенностей тем местом, где традиционное крестьянское общество сохранялось до самого конца XVIII столетия практически в неизменном виде. Во многом изолированное и слабопроницаемое для влияний извне крестьянское общество Бокажа прекрасно иллюстрирует тезис Жака Ле Гоффа о «долгом средневековье», продолжавшемся в деревне вплоть до XIX в.

Мировосприятие селян там определялось специфической моделью «окрестьяненного» или «фольклорного» католицизма, абсорбировавшего и адаптировавшего к христианству местные языческие верования и ритуалы. Территории общин и церковных приходов, как правило, совпадали, из-за чего границы между мирским и духовным размывались, а кюре оказывались главными посредниками во взаимодействии общины с внешним миром. Именно через кюре при Старом порядке осуществлялся в этом регионе диалог между (использую терминологию Р. Редфилда) «большой традицией» общенациональной культуры элит и «малой традицией» локальной культуры крестьянских общин.

В ходе же Революции сельское общество Бокажа с одной стороны лишилось таких посредников в результате реформы духовенства, с другой – подверглось осуществлявшейся светскими властями интервенции новых мировоззренческих ценностей, враждебных традиционным. Следствием этого и стал быстрый рост протестных настроений среди крестьян, приведший, в конечном счете, к восстанию под религиозными лозунгами. Мировоззренческая основа конфликта обусловила его крайнюю ожесточенность и вовлечение в него широких масс населения. Революционным властям пришлось столкнуться с настоящей народной войной, одержать верх в которой они смогли лишь благодаря концентрации в этом регионе такого количества войск, которое намного превосходило силы восставших.

Еще одним регионом, теперь уже за пределами Франции, где французским войскам пришлось столкнуться с ничуть не менее массовым сопротивлением жителей, тоже детерминированным мировоззренческим конфликтом, стал Египет [2; 11; 13; 14]. Причем, нельзя сказать, что, отправляясь туда в 1798 году во главе Восточной армии, Бонапарт не принимал во внимание исламский фактор. Однако, будучи до мозга костей человеком Просвещения, он видел в религии всего лишь удобный инстру-

мент в руках умелого политика, подобного придуманному Руссо «законодателю». Именно в качестве такового, кстати, изображался в литературе французского Просвещения и Пророк Мухамед. Пытаясь примерить на себя ту же роль, Бонапарт в прокламациях и в устных обращениях к шейхам Каира не раз заявлял о приверженности своего воинства к исламу, а себе приписывал сверхчеловеческие качества пророка последних времен — Махди.

Эти неуклюжие попытки французского главнокомандующего разыграть религиозную карту воспринимались местными жителями в лучшем случае с иронией, в худшем — с раздражением. Порою же, руководствуясь существовавшими в Европе стереотипами восприятия Востока, Бонапарт и вовсе получал результат, прямо противоположный ожидаемому. Так, исходя из распространенного клише об имманентной враждебности мусульман к христианству, он в одной из прокламаций похвастался тем, что уничтожил власть Римского Папы. Однако вместо одобрения со стороны мусульман, на которое Бонапарт рассчитывал, подобное бахвальство вызвало их осуждение. Они, по свидетельству шейха ал-Джабарти, сделали из этих слов вывод, что французы «не согласны ни с христианами, ни с мусульманами и не придерживаются никакой религии». Характерно, что даже арабский христианин Никула ат-Турк, служивший при штабе Бонапарта, называл в своей хронике французов «неверными».

Наиболее же веским аргументом, опровергавшим декларативные утверждения Бонапарта о верности исламу, стали нововведения, вносившиеся французами в повседневную жизнь египтян и противоречившие местным обычаям. Женщин обязывали ходить с открытыми лицами, повсеместно продавался алкоголь, мечети и святилища разрушались при строительстве дорог и фортификационных сооружений и т.д. Именно социокультурный диссонанс, вызванный переносом в традиционное общество Востока порядков, принятых во Французской республике, и стал главной причиной конфликта между населением Египта и французской армией. Социально-экономические и политические факторы не играли в возникновении этого конфликта заметной роли, по крайней мере на первых порах, поскольку оккупационная администрация приспособила к своим нуждам государственные институты, существовавшие еще при мамлюках.

Жесткое противостояние между французами и подавляющим большинством египетского населения продолжалось на протя-

жении всех трех лет оккупации. Прочитую письмо из Египта капитана Розы: ««Мы находимся в стране, которая никому до смерти не нравится. <...> Всюду нас окружают враги: сзади, спереди и с флангов. Прямо как в Вандее!» [12, с. 213]. Это повседневное сопротивление, осуществлявшееся в форме партизанской войны, время от времени выплескивалось в массовые городские восстания, наиболее крупным из которых стало Второе Каирское восстание 1800 г. В течение месяца практически все население египетской столицы сражалось против французов под белым знаменем Пророка – «аль-Лива». Подавить это всенародное движение чисто военным путем даже для французской армии – этой великолепной машины войны – оказалось не по силам. С восстанием удалось справиться только благодаря блестящим дипломатическим способностям генерала Клебера, сумевшего уговорить руководителей повстанцев на почетную капитуляцию, играя на противоречиях между турками, мамлюками и арабами [3]. Тем не менее, эта народная война египтян в немалой степени подготовила конечное поражение Восточной армии.

«Итальянская вандея» – Инсордженца – продолжалась на протяжении всего периода оккупации французами Апеннинского полуострова: с 1796 по 1814 год. Эта поистине народная война также проходила под религиозными лозунгами. А созданная в 1799 году калабрийскими крестьянами и неаполитанским плебсом для борьбы против французов и их местных сателлитов народное ополчение по командованию кардинала Руффо прямо называлась «Армией Святой веры» [7; 17].

«Воинством веры» величали себя и каталонские партизаны, сражавшиеся против армии Наполеона. Впрочем, и другие испанские гверильерос, так же как и неаполитанские санфевдисты, вели свою партизанскую войну именно под религиозными лозунгами, видя в ней новую «крусаду» – крестовый поход [9; 10].

И на Апеннингах, и на Пиринеях конфликт носил ярко выраженный мировоззренческий характер. Если в обеих странах часть политических элит, исповедовавшая ценности Просвещения, – итальянские якобинцы и испанские афрансесадос – поддерживала иностранную оккупацию в надежде на проведение реформ по французскому образцу, то «низы» общества сплоченно выступили против нее, несмотря на анонсированные французами преобразования. Конфликт мировоззренческих парадигм, спровоцированный французской оккупацией, в обоих случаях отес-

нял на второй план все экономические и политические факторы.

К наиболее же масштабному для того времени столкновению постреволюционной Франции с традиционным обществом привел печально известный поход Наполеона на Россию в 1812 году. Осмысливая позднее роковой для себя итог «русской кампании», император французов поставил вопрос, давший историкам обильную пищу для рассуждений: «Каков был бы исход войны, если бы в начале нее Наполеон объявил об освобождении русских крестьян от крепостной зависимости?». Думаю, в свете всего ранее сказанного об определяющем влиянии социокультурного (но не социально-экономического!) фактора на отношение представителей традиционного общества к выходцам из постреволюционной Франции данный вопрос выглядит не более чем риторическим. Не так важно, какие социально-экономические реформы мог предложить русским крестьянам Наполеон. Гораздо важнее то, как эти крестьяне воспринимали самого французского императора и всю его армию.

Записанные этнографами в первой половине XIX в. тексты устной народной литературы о войне 1812 года позволяют реконструировать тот образ французов, которым руководствовались в своем отношении к ним русские крестьяне. Увы, это был образ врага, полностью соответствовавший тому традиционному архетипу чужеземного захватчика, который существовал в русском историческом фольклоре с древнейших времен и обладал рядом неизменных черт, повторявшихся из произведения в произведение, независимо от того, о нашествии каких именно врагов там шла речь. В свое время мне уже доводилось подробно анализировать этот образ врага, созданный коллективным воображаемым «безмолвствующего большинства», поэтому сейчас не буду повторяться – соответствующие исследования опубликованы мною и в России, и во Франции. Отмечу лишь, что основной архетипической чертой, которой характеризовались представления о враге в русском фольклоре, была его ненависть к христианской вере. Именно эта «антихристианская» сущность стала определяющей чертой и образа французов в исторической памяти русского народа о 1812 годе.

Те особенности повседневного поведения французских солдат и офицеров, которые были обусловлены характерным для их мировосприятия безразличным отношением к религии, воспринимались в традиционном обществе русской деревни как подтверждение той самой враждебности к христианской вере, кото-

рая, согласно народным представлениям, исконно присуща всем чужеземным недругам. Так, привычное для французских военных использование церквей в качестве мест ночлега и временных конюшен, воспринималось русским народом как высшая степень кощунства и свидетельство поистине нечеловеческой сущности тех, кто его совершает. Отличные от фольклора источники, позволяющие судить об умонастроениях крестьян в 1812 году, также подтверждают, что простой люд воспринимал этот конфликт как религиозную войну против «нехристей-басурман», несших смертельную угрозу для его веры. Иначе говоря, русские мужики не просто, говоря словами Льва Толстого, подняли «дубину народной войны», что уже само по себе не сулило неприятелю ничего хорошего, но подняли они ее для войны религиозной, со всем присущим той истребительным, тотальным характером. Таким же, какой народная религиозная война носила в Вандее, Египте, Неаполе и в Испании [4; 6].

Как видим, в регионах доминирования традиционной культуры религия, действительно, оказалась эффективным инструментом мобилизации активности масс на народную войну против экспансии революционной и наполеоновской Франции. Вместе с тем, опыт Революционных и, особенно, Наполеоновских войн показал, что попытки ее насильственного экспорта в ареал иной, чуждой ей культуры могли, в конечном счете, оказаться опасны и для самого источника подобной мировоззренческой экспансии.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Мягкова Е. М. *«Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII – XVIII веках.* – М.: Academia, 2006. – 292 с.
2. Прусская Е. А. *Французская экспедиция в Египет 1798 – 1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций.* – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 183 с.
3. Чудинов А. В. *Второе Каирское восстание: 20 марта – 21 апреля 1800 г. // Французский ежегодник 2015.* – М.: ИВИ РАН, 2015. – С. 262 – 342.
4. Чудинов А. В. *Кони в храмах: об одном из топосов народной памяти о войне 1812 года // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки.* – 2013. – № 3. – С. 257 – 264.
4. Чудинов А. В. *Народы против Французской революции //*

- Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи.* – М. : ИВИ РАН, 2016. – С. 5 – 35.
5. Чудинов А. В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // *Французский ежегодник 2012.* – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 336 – 365.
 6. Чудинов А. В. «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798 – 1799 гг. // *Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки.* 2016. – Т. 18. – № 2. – С. 25 – 41.
 7. Чудинов А. В. *Rax Eurropea: союзы и войны между европейскими державами, их результаты на карте мира // Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке.* – М.: Наука, 2013. – С. 514 – 541.
 8. Auzet J. R. *L'Espagne contre Napoléon. La guerre d'Indépendance espagnole (1808 – 1814).* – Paris: Fondation Napoléon, 2003. – 255 p.
 9. Carrasco Álvarez A. *La guerra interminable: claves de la guerra de guerrillas en España, 1808 – 1814.* – Astorga : CSED, 2013. – 329 p.
 10. Cole J. *Napoleon's Egypt. Invading the Middle East.* – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 279 p.
 11. *Copies from original letters from the army of General Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of Admiral Lord Nelson.* – London: J. Right, 1799. – 236 p.
 12. Cyr P. *Égypte, la guerre de Bonaparte.* – Paris: l'Harmattan, 2015. – 424 p.
 13. Laurens H. *L'expédition de Égypte 1798-1801.* – Paris : Seuil, 1997. – 595 p.
 14. Martin J.-Cl. *La guerre de Vendée 1793-1800.* – Paris: Points, 2014. – 347 p.
 15. Petitfrère Cl. *La Vendée et les Vendéens.* – Paris: Gallimard, 2015. – 354 p.
 16. Viglione M. *La Vandea italiana.* – Milano: Effedieffe, 2013. – 336 p.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

*СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ*

**«ЯЛТА 45: УРОКИ ИСТОРИИ.
СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В XX–XXI ВВ.
И ЕЕ БУДУЩЕЕ»**

*Верстка и дизайн:
ИП Панина Т. Н.*

*Ответственный за издание:
Федюшин А. В.*

Издательство ООО «РИБЕСТ»
299014, г. Севастополь, ул. Рыбаков, 7
т/факс (8692) 42-84-01, ribest_d@mail.ru
Формат 60'90/16. Усл. печ. л. 9,07
Подписано в печать 12.00 02.07.2018. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Тираж 65 экз. Зак №232